

Новосибирское
Пушкинское общество

Пушкинский альманах
выпуск 20

Новосибирск
Издательский дом «Манускрипт»
2015

ББК 94.3

П-914 **Пушкинский альманах. Выпуск 20** /Под общей редакцией В.Е. Крыжановского. – Новосибирское Пушкинское общество. – Новосибирск: Издательский дом «Манускрипт», 2015. – 203 стр.

ISBN

20-й выпуск «Пушкинского альманаха» посвящен 70-летию Великой Победы, году литературы и другим памятным датам.

Все статьи Пушкинского альманаха печатаются в авторской редакции.

© Составление: Чернышёв А.,
Трухина Н., Крыжановский В., 2015
© Издательство «Манускрипт», 2015

1945-2015

70 лет
Великой
Победы

Диалог Запесоцкая

Освенцим

От прогресса века – смрад.

Дело человека – ад.

Ток бесперебойный – в печь.

Мигом, скот убойный, лечь!

Длился бесконечно миг

И застыл навечно крик.

Сделали из тверди ров.

К милосердной смерти – зов.

Жизни – лишь проклятья вслед.

Все ее понятия – бред.

Брошена младенцем в ночь,

Я твоя, Освенцим, дочь.

1976

Мариса Волкова

«Сибиряки в огне войны»

Первые сибирские дивизии были созданы в соответствии с приказом Народного Комиссара обороны СССР И.В. Сталина от 11 августа 1941 г., в котором перед командованием Сибирского военного округа ставилась задача в кратчайшие сроки сформировать в 16 городах Сибири 12 стрелковых и 4 кавалерийских дивизии. Штаб округа находился в Новосибирске. Задача была выполнена. Первые сибирские дивизии, полностью укомплектованные вооружением и боевой техникой, двинулись на врага, стоявшего у стен Москвы, где нанесли ему сокрушительное поражение.

За годы войны в Сибирском военном округе было мобилизовано более 2,5 млн. человек. Если считать, что численность населения, проживавшего на территории округа, на 1 января 1941 года составляла 10,4 млн. человек, то в строю оказался каждый четвертый сибиряк.

В июле 1942 года Новосибирский обком партии и Военный Совет Сибирского военного округа выступили с инициативой сформировать добровольческую дивизию численностью в 12 тысяч человек. Когда об этом было объявлено, желающих пойти добровольцами на фронт оказалось на 5 тысяч больше. Почин новосибирцев был подхвачен всеми сибиряками. Наплыв заявлений был столь велик, что специальные комиссии на местах оставляли большую часть подавших заявления для работы в тылу.

В Новосибирске была сформирована **150-я Сталинская стрелковая дивизия** и четыре стрелковых бригады общей

численностью 38 тысяч человек. Уже в середине сентября эшелоны с личным составом дивизии двинулись на запад и, после короткой остановки в подмосковных лагерях для доучивания, 4 октября прибыли в состав 22-й армии Калининского фронта. Совершив 180-километровый пеший марш, полки сосредоточились под г. Белым (Тверская область). 25 ноября 1942 года состоялось боевое крещение частей дивизии. До 7 января 1943 года продолжались тяжёлые кровопролитные бои, в результате которых дивизия потеряла убитыми более 600 человек.

В исходе **битвы под Москвой** признаны заслуги тщательно подготовленных и оснащенных воинских соединений, сформированных на территории Сибири. Они развеяли миф о непобедимости фашистской армии. Уже 26 июня 1941 г. первые эшелоны 24-й армии, сформированной в Новосибирске командующим Сибирским военным округом генерал-лейтенантом С.А.Калининым, отбыли на фронт. Этой армии было поручено создать в районе Ржев-Сычевка-Дорогобуж прочную оборону. Идя на самопожертвование, сибиряки не дали врагу прорваться к Москве. В ходе боев за Москву 24-я армия почти полностью погибла.

Под Москвой героически сражались 18 сибирских дивизий и 6 бригад. Среди них 78-я стрелковая дивизия, отличившаяся в сражении против моторизованной дивизии СС «Рейх» и за успехи в боях под Москвой преобразованная в **9-ю гвардейскую**. Сформировал в Новосибирске и командовал 78-й стрелковой дивизией генерал армии Афанасий Белобородов, впоследствии дважды Герой Советского Союза.

Алексей Сурков: Как сложилась **песня «В землянке»**:

«27 ноября 1941 г. мы, корреспонденты газеты «Красноармейская правда» прибыли в 9-ю гвардейскую стрелковую дивизию, чтобы поздравить ее бойцов и командиров с толь-

ко что присвоенным им гвардейским званием, написать о боевых делах героев. Шел бой, и мы, ...собрав десятка полтора ручных гранат, тотчас же открыли огонь по гитлеровцам. От разрывов мин мерзлая земля разлеталась во все стороны, больно била по каскам. Под впечатлением пережитого за этот день под Истрой я написал письмо жене. В нем было шестнадцать «домашних» стихотворных строк, которые я не собирался публиковать... Стихи «Бьется в тесной печурке огонь» так бы и остались частью письма, если бы в феврале 1942 года не пришел в нашу фронтовую редакцию композитор Константин Листов и не стал просить «что-нибудь, на что можно написать песню». И тут я, на счастье, вспомнил о тех стихах, разыскал их в блокноте и отдал Листову, через неделю композитор вновь появился у нас в редакции, попросил гитару и спел свою новую песню, назвав ее «В землянке».

На Безымянной высоте...

*Дымилась роца под горою,
И вместе с ней горел закат.
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте, –
У незнакомого поселка,
На Безымянной высоте.*

Эту песню слышали многие, немногие читали текст, но мало кто обращал внимание на особенность текста – Безымянная высота пишется с большой буквы, как имя собственное. Композитор М. Матусовский написал песню по тексту своей одноименной поэмы, созданной в дни боев осенью 1943 года. Тогда, при наступлении на Рославль, части

139-й стрелковой дивизии получили приказ занять высоту Безымянная, что в окрестностях г. Бетлица Калужской области.

Эта высота имела большое значение – хорошо просматривалась местность на 8–10 километров, и являлась важным опорным пунктом гитлеровских войск. Бой за высоту разгорелся на подступах к ней, был жестоким и упорным. По приказу командира полка 2 стрелковый батальон, неожиданно зашел во фланг немцам, стремительным ударом выбил фашистов из ближайших деревень и подошел к высоте. Было решено высоту брать ночью. В состав ударной группы вошли 18 добровольцев особого коммунистического отряда из Новосибирска под командованием младшего лейтенанта Евгения Порошина.

14 сентября 1943 года солдаты подошли к передней линии обороны противника. Начался бой. Натиск сибиряков оказался таким мощным и неожиданным, что гитлеровцы растерялись, а когда начали приходить в себя, смельчаки уже заняли высоту. Однако следовавшая за группой рота не смогла соединиться: ее отсекали с флангов сильным огнем. Восемнадцать сибиряков оказались в огненном кольце. Начался неравный бой. Обнаруженные врагом сибиряки были со всех сторон окружены во много раз превосходящими силами противника. Восемнадцать приняли бой против двухсот. Утром наши войска овладели высотой.

В песне поется: «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят». Лишь в этой цифре поэт не был предельно точен. Из 18 сибиряков остались в живых всего лишь двое – сержант Константин Власов и рядовой Герасим Лапин. Раненые и контуженные, они чудом спаслись – Власов попал в плен, оттуда бежал к партизанам; Лапин был найден нашими наступающими бойцами среди трупов – пришел в себя, оправился от ран, и вновь воевал.

На чемпионате СССР по лыжам в 1939 г. **Ивачев Федор Николаевич** (1908–1941) занял третье место, и стал первым мастером спорта в Сибири. Его фронтовая биография была короткой, но очень яркой. Бойцы лыжного диверсионного батальона под командованием старшего лейтенанта Ивачёва, став на лыжи, в белых масках халатах растворялись в пурге, просачивались сквозь линию фронта и сеяли смерть и ужас в ближайших тылах врага. За две недели декабря 1941 года «ивачёвцы» прошли с боями более 100 км, освободив по пути от немецких оккупантов десятки населённых пунктов. В деревне Кочергино Московской области стремительная атака «ивачёвцев» спасла от гибели 150 стариков, женщин и детей, которых враг приготовился спалить в деревянном доме. Сражаясь на фронте, сибиряк мечтал о том, как после победы, в которой он не сомневался, вернётся домой. *«Лыжи сохрани, – наказывал жене в одном из писем, – посмотри, как они стоят, не повело бы их. Я вернусь...»*. Федор Ивачев погиб 18 декабря 1941 г. в бою за деревеньку Андреевскую под Москвой. Посмертно он был награждён орденом Ленина.

Три судьбы:

Это три истории о молодых парнях-новосибирцах, которых по отчеству еще никто и не называл:

Поэт **Борис Богатков** (1922–1943) учился в Литературном институте в Москве, в 1941 г. ушёл добровольцем на фронт. Осенью, получив тяжелую контузию, был демобилизован из армии. В 1942 г., несмотря на запреты медиков, снова на фронте. Командир взвода автоматчиков старший сержант Богатков между боями продолжал писать стихи. 11 августа 1943 г. в бою за Гнездиловскую высоту (в районе Смоленск – Ельня) поднял в атаку бойцов и ворвался во вражеские окопы. В этом бою поэт-воин пал смертью храбрых. Посмертно награждён орденом Отечественной войны I степени.

Николай Плахотный (1922–1944) особо отличился в боях в июле 1944 г. в районе г. Вильнюс (Литва). В течение двух дней шел жестокий и неравный бой. У бойцов кончились снаряды, капитан Плахотный собрал всех, кто мог стоять на ногах и повел их в рукопашный бой. Каждому пришлось сражаться с тремя-четырьмя фашистами. Капитан воодушевлял воинов личным примером. Тяжелораненого офицера немцы забрали с собой, и подвергли жестоким истязаниям. Без командира артиллеристы держались до тех пор, пока не подоспело подкрепление. Враг был разгромлен. Н. Плахотный удостоен звания Герой Советского Союза посмертно.

В декабре 1943 г. в боях под городом Смела (Черкасской области), когда подразделение попало в окружение, старший лейтенант **Валентин Подневич** (1923–1944) умело организовал круговую оборону. 4 декабря его батарея уничтожила 3 танка и 1 самоходное орудие. Сам командир был тяжело ранен в голову, но продолжал руководить подразделением. Когда кончились снаряды, артиллеристы продолжали бой гранатами и личным оружием. 5 декабря отважный офицер погиб в бою. Удостоен звания Герой Советского Союза посмертно.

Новосибирцы в великих битвах: Сталинград и Курская дуга.

В Сталинградской битве, на разных её этапах, принимали участие 20 сибирских соединений. Среди них – 8 сформированных в Новосибирской области. В кровопролитных боях сибиряки показывали образцы беспримерного мужества. 112-я дивизия, укомплектованная в Новосибирске, в ходе Сталинградской битвы трижды переформировывалась. Два новосибирца за боевые заслуги были удостоены звания Героя Советского Союза.

22 августа 1942 г. у станции Воропоново политрук, военком роты противотанковых ружей 35-й гвардейской стрелковой

дивизии **Герасимов Иннокентий Петрович** возглавил группу из 10 бронебойщиков и взвода автоматчиков. В трудную минуту боя, когда горстка людей противостояла 20 вражеским танкам, Герасимов взял в руки противотанковое ружье и вместе с бойцами отражал атаки. 12 танков остались сожженными на поле боя.

В дни битвы под Сталинградом капитан, исполняющий должность штурмана 226-й штурмовой авиадивизии **Тюленев Фёдор Васильевич** совершил 24 боевых вылета. 20 октября 1942 г. во главе звена «илов» летал на «свободную охоту» западнее Сталинграда и в район аэродрома Сухановский. Несмотря на атаки девяти истребителей, Тюленев вызвал в стане врага четыре очага пожара. Его ведомые вместе с ним уничтожили 6 неприятельских автомашин.

На разных этапах военных действий **на Курском направлении** участвовали 17 воинских соединений, сформированных в Новосибирской области. В составе 13-й Армии Центрального фронта принимал участие **бронепоезд № 704 «Лунинец»** (назван в честь новосибирца-машиниста, Героя Социалистического Труда Н.А. Лунина).

В бою западнее села Прохоровка (Белгородская область) 11 июля 1943 г. противник 19 танками предпринял атаку огневой позиции батареи 76-мм пушек и вывел из строя весь расчёт орудия. Комсорг артиллерийского дивизиона 58-й мотострелковой бригады гвардии старший сержант **Борисов Михаил Фёдорович** лично встал к орудию и, подпустив танки противника на близкое расстояние до 200 метров, прямой наводкой подбил семь танков «Тигр» и сорвал их атаку. Только после тяжёлого ранения Борисов был вынужден прекратить неравный бой.

2 августа 1943 г. в ожесточённых наступательных боях с сильно сопротивляющимся противником в направлении сёл

Ржава и Бельдяжки (Орловская область), бригада гвардии полковника **Бубнова Николая Матвеевича** уничтожила 25 танков, 9 самоходных орудий, 116 пулемётов, 95 миномётов и свыше 2000 солдат и офицеров противника, подбила 7 танков. Гвардии полковник Бубнов пал смертью храбрых в этом бою.

А.С. Покрышкин – трижды Герой Советского Союза, маршал авиации, почетный житель Новосибирска.

Александр Иванович Покрышкин(1913–1980) – летчик-ас, первый и единственный трижды Герой Советского Союза, удостоенный этого звания в ходе Великой Отечественной войны. Провел 156 воздушных боев, лично сбил 59 самолетов противника, сам не был ранен ни разу. Это единственный случай в мировой истории воздушных сражений.

Родился в Новосибирске в семье рабочего. По воспоминаниям самого героя, впервые он увидел агитсамолет 12-летним мальчиком и сказал себе: *«Буду делать все, но стану только летчиком»*. После окончания семилетней школы пошел работать на стройку кровельщиком, как и его отец, затем трудился слесарем на заводе.

В 1932 году добровольно вступил в армию. Добившись направления в Пермскую авиационную школу, Александр узнал, что летчиков здесь больше не готовят. Был вынужден учиться на авиационного механика. Его рапорты о переводе на летное отделение получали отказы. После окончания авиашколы в 1933 году Покрышкин стал старшим авиационным техником стрелковой дивизии, дислоцировавшейся в Краснодаре.

Во время отпуска зимой 1938 года Александр Покрышкин в тайне от начальства прошел годовую программу гражданского пилота за 17 дней, что автоматически делало его годным к поступлению в летную школу, и был, наконец, направлен в

1-ю Качинскую военную авиашколу. Закончив ее с отличием в 1939 году, в звании лейтенанта А.И. Покрышкин был распределен в 55-й истребительный авиационный полк. В 1941 г. старший лейтенант Александр Покрышкин одним из первых в полку освоил истребитель МиГ-3.

В небе Великой Отечественной с первого дня войны. Зимой 1941 года Покрышкин, управляя МиГ-3, несмотря на тяжелые погодные условия, взлетел, чтобы определить местонахождение танковой армии противника, которая была остановлена перед городом Шахты и потеряна советской разведкой. Он обнаружил более 200 немецких машин. За этот подвиг был награжден орденом Ленина.

В январе 1943 года 16-й гвардейский авиаполк был послан в Иран, чтобы получить новую технику. Полк вернулся на фронт 8 апреля 1943 года. Во время первого же своего вылета на новом американском самолете «Аэрокобра» Покрышкин сбил самолет Вf-109. На следующий день, 9 апреля, он смог подтвердить еще два из семи сбитых им самолетов. Всего за этот период летчик записал на свой счет десять сбитых самолетов противника. Свое первое звание Героя Советского Союза А. Покрышкин получил 24 апреля 1943 года.

В 1943 году Покрышкин воевал на Кубани против прославленных истребительных авиасоединений. Его новые тактические приемы для патрулирования воздушного пространства, такие как: «скоростные качели», «кубанская этажерка» и использование наземных радаров, а также продвинутая наземная система контроля, принесли советским ВВС первую большую победу над Люфтваффе. Второй медали «Золотая звезда» Покрышкин был удостоен 24 августа 1943 года за 455 боевых вылетов и 30 лично сбитых самолетов врага.

К 20 декабря 1943 года исполняющий обязанности командира 17-го Гвардейского истребительного авиационного

полка Гвардии полковник А. Покрышкин совершил 550 боевых вылетов, в 137 воздушных боях сбил 50 самолетов противника. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 августа 1944 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и геройские подвиги на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками летчик был удостоен (впервые в истории страны) третьей медали «Золотая звезда». Александр Покрышкин был отпущен с фронта на пять дней в отпуск домой, Новосибирск буквально носил его на руках.

Всего за годы войны Покрышкин совершил 650 вылетов, провел 156 воздушных боев, сбил 59 вражеских самолетов лично и 6 в группе. В течение 1941 года летчиком были одержаны еще 15 официальных побед, не вошедших в его общий счет. Причиной тому было уничтожение документов штаба истребительного авиаполка при отступлении. Сам Александр Иванович по этому поводу говорил, что эти не посчитанные самолеты все равно войдут в общий счет Победы.

Александр Иванович – автор новых тактических приемов, практиковал «свободную охоту» во время ведения воздушного боя. Ни разу он не предлагал однополчанам новый тактический прием, не выверенный до конца, не испытанный «на себе». Не задумываясь, атаковал многократно превосходящие силы противника и всегда добивался победы. В каждом бою брал на себя самую опасную роль – уничтожение ведущего фашистских авиагрупп.

После войны Покрышкин командовал 8-й отдельной армией ПВО, являясь одновременно заместителем командующего войсками Киевского военного округа, был председателем ДОСААФ.

Город военного времени

Новосибирский арсенал. Эвакуация заводов. Проекторный завод. Завод «Электросигнал» – радиостанции. Выпуск снарядов.

Население г. Новосибирска перед войной – 450 тыс. чел., и уже в то время он являлся одним из крупных промышленных центров Западной Сибири. Новосибирск сразу был выделен среди других сибирских городов как наиболее удобный для приема эвакуированных с запада предприятий. Исходили из чисто прагматического расчета: город стоял на Транссибирской магистрали, имелся водный путь – река Обь, здесь располагался административный центр обширной Новосибирской области, поблизости находился столь нужный кузбасский уголь. Учитывалось и следующее обстоятельство – в Новосибирске заканчивалось строительство двух крупных заводов: авиационного завода имени В. П. Чкалова и комбината № 179, подчиненного Наркомату боеприпасов.

Отечественная история не знала ничего подобного. За короткие сроки огромное количество людей, оборудования, самых различных материалов – все это было переброшено на большие расстояния в условиях военного времени. Более 30 000 вагонов с оборудованием и людьми перевезла из западных районов страны Томская железная дорога. И все это нужно было разгрузить, принять, установить заново, запустить в работу, выдать продукцию и расселить людей. На каждого жителя в предвоенном Новосибирске приходилось по три с половиной квадратных метра жилой площади. Началось «уплотнение», когда к коренным новосибирцам на постой определяли эвакуированных, срочно освобождались подвалы и чердаки, в авральном порядке строили каркасно-засыпные бараки. Население города увеличилось почти на 200 тысяч человек.

Уже в первые месяцы войны в наш город были эвакуированы 31 завод оборонной промышленности (Ленинградский электровакуумный «Светлана», Краматорский тяжёлого машиностроения, «Запорожсталь», Сестрорецкий оружейный,

Краснодарский станкостроительный, «Электросигнал» из Воронежа и др.), 4 научно-исследовательских института, 8 строительных и монтажных трестов и проектные организации.

В начале ноября 1941 года в Новосибирск прибыли первые эшелоны **Прожекторного завода** из Москвы. Оборудование устанавливали в разных местах: территория трамвайного парка, в гараже и даже цоколе Оперного театра. Образовавшееся предприятие назвали «Государственный союзный прожекторный завод № 644 имени Кагановича». Основная продукция того времени – противосамолётные автомобильные зенитные прожекторные станции. Зимой 1941–1942 гг. корпуса только возводились. Не было ни стен, ни крыш, тем не менее, на фронт бесперебойно шли ручные гранаты, снаряды, пехотные и зенитные прожекторы.

В условиях начавшейся войны правительство ставило задачу создать в городе мощный центр производства всех видов боеприпасов. Новосибирские предприятия в годы войны дали фронту почти треть от общесоюзного арсенала боеприпасов – 125 млн. шт. снарядов, бомб и мин. **Завод «Сибметаллстрой»** (ныне – «Сибсельмаш»), который объединял 7 крупных заводов в течение 1942 года в 16 раз увеличил выпуск основной продукции – снарядов.

Новосибирцы изготовили более 130 тысяч единиц оптических танковых и артиллерийских прицелов, более 5 млн. электровакуумных приборов, более 3 000 прожекторов. Радиостанции с маркой **завода «Электросигнал»** были широко известны на всех фронтах, они использовались в самолетах, танках нашей армии, в партизанских отрядах, они обеспечили радиосвязью 111 945 самолетов (100%), 41 145 танков (33%), 36 075 частей пехоты и артиллерии.

В ноябре 1941 года первый эшелон **завода № 69** из Красногорска подошел к станции Новосибирск-Главный. Сильный

мороз, ветер. И при такой погоде началась разгрузка. Станки ставили на два заостренных бревна, сорок человек впрягались в лямки и тащили эти «салазки» к нужному месту. На улице горели костры, чтобы можно было обогреться. Для завода было освобождено помещение института военных инженеров транспорта, помещения школы погранохраны и конюшни. Через 21 день после того, как первый эшелон пришел в Новосибирск, завод начал выпускать оптико-механическую продукцию. А через полгода выпуск продукции превысил довоенный в 2 раза!

Город в эти дни напоминал одну огромную строительную площадку. Разгружали вагоны, перемещали оборудование, рыли котлованы, спешно достраивали бараки... Пошли дожди, следом за ними выпал снег и ударили морозы – очень ранние в 1941 году. Уже в начале ноября температура доходила до –40 градусов. И именно к этому времени стала подходить основная масса эвакуированных заводов. Иногда в сутки становились для разгрузки до десятка эшелонов: на открытых платформах станки и оборудование, в теплушках – люди, измученные дальней дорогой и бомбежками. Однако, несмотря на все трудности, к январю 1942 года практически все эвакуированные заводы начали выдавать продукцию для фронта.

В военные годы выросло самое крупное станкостроительное предприятие Новосибирска – завод тяжелых станков и крупных гидропрессов («Тяжстанкогидропресс»). Необычное зрелище представляла в то время территория строящегося завода. Шел 1942 год. Жесткие сроки ввода предприятий в строй заставляли коллективы совмещать выпуск продукции с работой по строительству и планировке производственных помещений, монтажу оборудования. Трудно было понять, где начиналось строительство, а где уже шел выпуск продукции.

На территории строящегося на окраине Новосибирска **Оловянного комбината** был размещен аналогичный завод, эвакуированный из Подольска. Котлы под открытым небом, все оборудование в палатках, вокруг ни забора, ни строений-голая степь. Но уже 23 февраля 1942 года в помещении цеха без крыши была выдана первая плавка. В течение войны завод стабильно выпускал оловосвинцовые сплавы для предприятий авиационной и танковой промышленности. Олово, выпускаемое Новосибирским заводом, по чистоте являлось мировым стандартом.

На фотографиях военной поры, запечатлевших новосибирцев, очень мало мужских лиц. Женщины, девушки, подростки, почти дети. Они были основной силой и двигателем оборонной промышленности. На слабые женские плечи и на плечи подростков ложилась тяжкая работа. Азам профессии учили на ходу, на практике. Иные из токарей из-за малого роста не доставали до станка, поэтому перед многими станками стояли ящики или скамейки. Работа по 10–12 часов со скудным пайком, с ночевками в холодных бараках... Вот строки из воспоминаний М. Украинского, работника комбината № 179: *«С вышки мне видно, как некоторые работницы, качаясь, все чаще наклоняются к станку, затем, инстинктивно почувствовав в горячем дыхании вращающегося корпуса грозную опасность, вдруг отшатываются, взмахивая при этом руками. Жуткая картина пронизывает меня страхом. Хватаюсь за оправку резца и сильно ударяю в подвешенный кусок металла. Резкий звук сквозь шум работающих станков тут же разносится по участку... Женщины, вздрогнув, выпрямляются, оглядываются по сторонам. Но проходит какое-то время, и усталость снова берет свое. И снова звучит гонг мастера...»*

Проходило время – и вчерашние неумелые мальчишки и девчонки становились настоящими мастерами, перевыпол-

няли нормы, зачастую оставаясь ночевать в цехах. Широкое распространение получили комсомольско-молодежные бригады, так называемые «фронтвые» бригады, движение «пятисоттысячников» и «тысячников», то есть тех, кто выполнял сменные задания на пятьсот и на тысячу процентов.

Авиационный завод им. Чкалова. Работа под девизом: «Полк в сутки!». Вольф Мессинг.

В 1936 году бывшему заводу горного оборудования был определен новый профиль – самолетостроение, с присвоением оборонного номера 153. Сегодня завод этот – Авиационный завод имени В.П. Чкалова. Именно с этого завода Новосибирск стал развиваться как крупнейший промышленный центр на востоке страны. В ноябре 1937 года, к 20-летию Октябрьской революции, с заводского аэродрома взлетел первый истребитель – прославленный И-16 конструкции Н.Н. Поликарпова.

Во второй половине 1930-х гг. в Сибири начали разворачиваться предприятия оборонного комплекса, обеспечивавшие безопасность восточных рубежей СССР. В Новосибирске уже серийно производились знаменитые истребители И-16. Именно они воевали в небе Испании, над озером Хасан, громили японскую авиацию в небе Халхин-Гола. И-16 – основной истребитель ВВС РККА – встретил и первый удар Люфтваффе в июне 1941 года. Пилоты истребителей И-16 оказали наиболее жестокое противодействие немецкой авиации в первый день войны.

Цель создания оборонной промышленной базы за Уралом как раз и состояла в том, что даже в случае нападения Японии главный арсенал оставался недосыгаемым для дальней авиации противника, и в то же время предприятия были связаны между собой и с крупнейшими месторождениями сырьевых

ресурсов, полноводными реками и Транссибирской магистралью. Известный авиаконструктор А.С. Яковлев отмечал, что все материалы, из которых строится самолет, вырабатывались в Сибири: «Фюзеляж – из стальных труб, производимых на местных металлургических заводах, крылья – деревянные – из сибирской сосны... Даже производство авиаколес было налажено...». В 1944 году из Новосибирска на фронт уходило по 17–20 истребителей в сутки, хотя более половины работавших на Чкаловском заводе составляли 14–16-летние подростки из пригородных деревень. Они трудились в условиях жесточайшей дисциплины за 700 граммов хлеба в день – такова цена девиза «Полк в сутки», с которым Новосибирск вошел в историю Второй мировой войны.

В немецких документах появилось понятие «Авиаград»: под ним фашисты подразумевали Новосибирск... Если СССР за все годы войны по ленд-лизу получил чуть более 13 тысяч самолетов, то только Чкаловский завод дал фронту 15 797 истребителей.

В состав авиапредприятия им. Чкалова влились частично или полностью пять заводов из Москвы, Ленинграда и Киева. Для того чтобы ускорить работу, на заводе действовало 29 поточных линий сборки. Истребители Як-7 воевали на всех фронтах Великой Отечественной войны и внесли весомый вклад в Великую Победу.

Однажды профессор Вольф Мессинг, находившийся в эвакуации в Новосибирске, увидел в газете портрет прославленного летчика старшего лейтенанта Константина Ковалева. К. Ковалев был удостоен звания Героя Советского Союза за 12 лично сбитых вражеских самолетов. Профессор решил сделать подарок летчику. Он внес в Фонд Красной Армии крупную сумму денег и попросил на них построить боевой самолет для балтийского аса. Ранней весной 1944 года лет-

чика Ковалева вызвали в штаб полка и приказали отбыть в Новосибирск для получения нового самолета в качестве подарка.

«На аэродроме Чкаловского завода профессор берет меня под руку и подводит к самолету. Новенький истребитель Як-7 стоит, сверкая краской. «За победу!» – написано на его фюзеляже. Читаю дальше: «Подарок от советского патриота профессора В. Г. Мессинга – балтийскому летчику Герою Советского Союза К. Ф. Ковалеву».

Из воспоминаний К. Ф. Ковалева

Новосибирцы – фронту. Авиаэскадрильи, танковые колонны, подлодка «Новосибирский комсомолец». Василий Старошук.

В годы Великой Отечественной войны Новосибирск стремительно меняет облик, состав населения, мирные привычки. Только за 2 года Великой Отечественной войны предприятия швейной, промысловой и инвалидной кооперации выработали такое количество шинелей, которого достаточно было для того, чтобы одеть бойцов и командиров 40 дивизий, летнего обмундирования на 260 дивизий, валяной обуви на 20 дивизий. Новосибирская шорно-седельная фабрика обеспечила разной амуницией 1 млн. бойцов и 30 кавалерийских полков, обеспечила артиллерийской упряжью 96 артиллерийских дивизионов.

На новосибирской земле возникли движения, которые получили всесоюзную известность и поддержку. По инициативе слесаря завода им. Чкалова И. Левякова развернулось движение под лозунгом: «Работать за себя и ушедшего на фронт товарища». В 1942 г. токарь комбината №179 (впоследствии завод «Сибсельмаш») П.Е. Ширшов на усовершенствованном станке дал за смену более десяти норм, положив тем самым начало движению «тысячников».

Крупнейшим железным дорогам на территории Западной Сибири – Томской и Омской, предстояло, кроме воинских перевозок, осуществить значительные эвакуационные перевозки на восток. Уже 24 июня 1941 года был введён воинский график движения поездов. Среднесуточная скорость движения эшелонов была доведена от 700 до 900 километров, отдельные поезда ходили со скоростью 1100–1200 километров в сутки. Чтобы ускорить продвижение поездов, железнодорожники применяли передовые методы работы. Всесоюзно знаменитым стал машинист локомотивного депо ст. Новосибирск, **Николай Александрович Лунин**. С его именем связано движение передовиков – железнодорожников по увеличению суточного пробега локомотива, по вождению тяжеловесных угольных составов. У него выработался свой принцип в организации работы: *«все неполадки в машине (паровоза) нужно как можно раньше обнаруживать в процессе работы и устранять их, как правило, собственными силами»*. В апреле 1943 года Н. А. Лунин на собственные средства приобрел 1 тыс. тонн угля и сам доставил этот эшелон в Сталинград.

Всего за годы войны трудящиеся Новосибирской области собрали на вооружение 1 701 145 тыс. руб. На собранные средства были построены несколько эскадрилий истребителей – «За Родину», «Боевая подруга» (на средства жен фронтовиков) танковые колонны «Новосибирский осоавиахимовец» и «Юный Сибиряк», подводная лодка «Новосибирский комсомолец» и другая военная техника.

Воспитанник Новосибирского аэроклуба **Василий Старощук**, получив контузию в бою под Сталинградом, находился на излечении в Новосибирске. После выздоровления был направлен летчиком-испытателем на авиационный завод. 10 июля 1943 г. при испытании самолета Як-9 отказал дви-

гатель, в это время истребитель пролетал над центральной частью Новосибирска. Летчик не бросил самолет и направил машину вдоль пустого тогда Красного проспекта. Василий Старощук героически погиб, спасая жизни новосибирцев. Ему было 32 года.

Доброта и милосердие. Ольга Жилина. Эвакогоспитали. В.М. Мыш.

Жилина Ольга Васильевна 1914–1944.

Скромная, застенчивая девушка на плащ-палатке и на собственных плечах выносила она из-под огня раненых, оказывала им первую медицинскую помощь. 8 октября 1944 года раненая сама, она продолжала спасать бойцов. Восьмая рана оказалась смертельной. За три дня ожесточенных наступательных боёв под Ригой санинструктор Жилина О.В. спасла жизнь 75 солдатам и офицерам. Посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени.

Более восьмидесяти санитарных поездов курсировали между фронтом и Новосибирском в 1941–1945 гг. В городе было развернуто 25 эвакогоспиталей. Курс лечения прошли свыше 218 тысяч человек, из них 72% раненных и 90% больных воинов вернулись в строй благодаря самоотверженному труду медицинских работников. За годы войны в городе было проведено 55 тысяч хирургических операций, свыше 17 тысяч переливаний крови. Все новейшие открытия медицины применялись врачами на практике.

Основатель сибирской школы хирургов, блестящий диагност **Владимир Михайлович Мыш** (1873–1947) сделал более 30 тысяч операций, многим десяткам тысяч больных возвратил жизнь и здоровье. Особенно выдающаяся работа была им проведена в годы Великой Отечественной войны. Он был главным консультантом эвакогоспиталей Новосибирска,

ни на день не прекращая своей врачебной, научной и преподавательской деятельности.

Возвращение из небытия. Поисковые экспедиции. Кузьма Чуров.

Михаил Васильевич Кулагин являлся центральной фигурой в жизни города и области на протяжении самых тяжелых лет в истории нашего государства – с 1941 по 1949 годы. Его знали в лицо в заводских цехах, на колхозных полях, в госпиталях и в школах. Взвалив на себя воз неимоверной тяжести, он тащил его, не жалея ни себя, ни своего здоровья. По словам американского журналиста Х. Солсбери, который посетил Новосибирск в 1944 году – *«Он не был сибиряком. Но большего энтузиаста Сибири никогда не существовало. Он бросил всю свою невероятную энергию и всю силу своей горячей и неудержимой мощи на общее дело Сибири».*

Газета «Правда» в декабре 1942 года писала: «Сибирь все давала Родине: хлеб и золото, ученых и рабочих. Теперь Сибирь дает Родине лучших бойцов, мужество, сибирскую верность». Общепризнана роль сибиряков, в том числе и новосибирцев, в коренном переломе судьбоносных сражений и военных операций на всех фронтах Великой Отечественной войны. Не было такого участка фронта, такого соединения, где бы ни воевали новосибирцы! Всего Новосибирская область за годы войны дала фронту более 600 тысяч человек.

Высокого звания Героя Советского Союза удостоены 353 новосибирца, из них 75 человек – посмертно.

В 1947 году на главной площади города был установлен обелиск – символ Победы в Великой Отечественной войне, это был первый в нашем городе символ-напоминание. Конструкция обелиска оказалась несовершенной, во время сильного ветра в 1948 году сооружение было разрушено.

Двадцать два года поисковый отряд из Новосибирской области два раза в год выезжает в места, где шли ожесточенные и кровопролитные бои Великой Отечественной войны. Между словами «убит» и «пропал без вести» есть огромное различие. Вот поисковики и пытаются с огромным усердием и героическим энтузиазмом уничтожить пропасть между забвением и памятью, смертью и бессмертием.

За 42 экспедиции новосибирскими поисковиками найдены и захоронены останки более чем 12700 воинов, обнаружено 399 «смертных» медальонов, 213 из них прочитаны, по данным 103 из них найдены родственники погибших. Поднято 20 самолетов, не вернувшихся с боевых заданий, восстановлены имена 27 членов экипажей.

Наш земляк – красноармеец, воздушный стрелок **Кузьма Чупров**(1925-1943) начал воевать в 17 лет, был направлен в штурмовой авиаполк в составе 14-й Воздушной армии. . . В первый полет Кузьма ушел 4 июля 1943 г. – об этом свидетельствует книжка комплектования парашюта. А затем наступило 27 июля, экипаж самолета Ил-2 не вернулся с боевого задания. . . Место падения этого самолета было найдено только в 2007 г. в Ленинградской области. Останки Кузьмы Чупрова были перезахоронены на его родине, рядом с могилой матери.

IV. Культура, сбереженная сибиряками

Новосибирский театр оперы и балета (у макета).

В годы войны здание Новосибирского театра оперы и балета стало огромным временным хранилищем национального культурного достояния. Сегодня это самое большое театральное здание в России. Самая уникальная часть – это купол диаметром 60 м, высота – 35 м, возведение которого стало серьезной задачей для строителей. Отношение толщины купола к его диаметру составляет 1/750 (отношение толщины скорлупы куриного яйца к диаметру – 1/250).

Эвакуация учреждений культуры из Москвы и Ленинграда.

Помимо заводов, город приютил и учреждения культуры. Военную прописку у нас получил знаменитый Ленинградский театр драмы имени Пушкина, Центральный театр кукол под руководством Сергея Образцова, Ленинградский Новый ТЮЗ, театры из Киева и Минска.

Артисты Ленинградской филармонии с симфоническим оркестром еще не успев заселиться на новые места и распаковать вещи, начали выступать с концертами в воинских частях и в госпиталях. В июле 1942 года симфонический оркестр под управлением Е. Мравинского исполнил в Новосибирске 7-ю «Ленинградскую» симфонию. На концерте присутствовал автор Д. Д. Шостакович.

В 1941 г. в Новосибирск прибыли вагоны с сокровищами государственных музеев. Перемещение такого количества художественных ценностей за тысячи километров мировая музейная практика еще не знала. *«Чтобы было ближе возить грузы в здание театра, эшелон подали к берегу Оби. Свободных складов или навесов не было, по сторонам путей лежал чистый снег. «Вот здесь и разгружайтесь», – сказали железнодорожники! Мне стало плохо. Все мои объяснения, что снег через щели попадет в ящики, в теплом помещении начнет таять, были безуспешны... Катастрофа, гибель ценностей... Вагоны нужны стране, фронт ждет. С первым секретарем М. В. Кулагиным решали, как выйти из столь сложного положения. Мороз более 40 градусов, экспонаты замерзли за время пути, привыкли к холоду. Враг – снег. Кулагин отдал распоряжение «немедленно собрать в театрах брезенты, ковры, большие полотна декораций, все, что может укрывать ящики, и доставить их к составу». Несмотря на темноту, с фонарями, несколько бригад военных разгружали вагоны на землю, очистив лопатами площадку перед ними. Ящики, ком-*

пактно уложенные в сквозной длинный штабель, немедленно укрывали. С обеих сторон были поставлены часовые. К утру вагоны были свободны, и их увезли под погрузку в сторону фронта. А утром прибыли грузовые машины, лошади, запряженные в сани-розвальни и грузчики-студенты – началась перевозка ящиков в хранилище. Каждую машину и лошадь сопровождали сотрудники – ленинградцы и помогающие им москвичи...». Воспоминания А. Кучумова, директора Хранилища Ленинградских дворцов-музеев в Новосибирске.

В недостроенном здании театра оперы и балета разместились экспонаты 20 государственных музеев Москвы, Ленинграда, Смоленска, Горького, Севастополя и других городов. *«Что, прежде всего, бросалось в глаза впервые вошедшему в здание? – писал заведующий литературной частью оперного театра В. Рясинцев, – самых разных размеров и форм ящики и тюки... на каждом из них выведены черной краской четкие, но непонятные для непосвященного литеры «ГТГ», «ГМЭ», «ЛАМ», «ДМ» и т.д. Трудно было догадаться, что в этих ящиках хранились величайшие сокровища страны».* В течение трех лет уникальные музейные фонды и сотрудники музеев находились в нашем городе. Музеи, чьи фонды находились в эвакуации в Новосибирске в 1941–1945 гг. в здании театра оперы и балета:

Из Москвы:

Государственная Третьяковская галерея.

Музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина.

Музей нового западного искусства (1923–1948 гг.).

Государственный музей искусств народов Востока» (ранее Государственный музей восточных культур).

Музей музыкальной культуры имени М.И.Глинки (ранее Музей имени Н.Г.Рубинштейна).

Из Санкт-Петербурга:

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (ранее Артиллерийский музей).

Российский этнографический музей.

Всесоюзный музей им.А.Пушкина.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом).

Государственный музей-заповедник «Петергоф» (ранее Петродворец).

Государственный музей-заповедник «Павловск».

Государственный музей-заповедник «Царское село» (ранее Пушкин).

Государственная картинная галерея (Харьков).

Художественная галерея им. Т.Шевченко (Харьков).

Музей украинского искусства (Киев).

Музей Т.Г. Шевченко (Киев).

Смоленский государственный музей-заповедник.

Горьковский художественный музей.

Сумский краеведческий музей.

Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя.

Здание оперного театра было мало приспособлено для длительного хранения уникальных музейных предметов. Зимой для сохранности картин и экспонатов в помещениях поддерживали постоянную температуру. Чтобы протопить здание в день требовался вагон угля. Летом в жару в помещении нужно было поддерживать постоянную влажность, – смачивали и развешивали простыни, на балконах просушивали огромные ковры и гобелены. Когда на балконе второго этажа развесили большой гобелен «Аллегория победы России в русско-турецкой войне» – прохожие останавливались. Десятки тысяч уникальных музейных предметов хранились в здании театра, среди них: предметы из коллекции Янтарной комнаты из Цар-

ского Села, личные предметы Петра I из дворцов Петергофа, рукописи великих русских писателей из Пушкинского дома, работы Рембрандта и древнеегипетские папирусы из Музея Пушкина, оркестровые партитуры Чайковского, Глинки, Рахманинова, самые знаменитые живописные полотна из Третьяковской галереи, мебель, драгоценности, историческая одежда и многое-многое другое.

Чтобы проверить сохранность делали контрольные вскрытия. В хранилище были организованы круглосуточные дежурства. За время хранения бесценных сокровищ в театре не произошло ни одного ЧП. В 1944 г. музеи начали возвращаться в родные города.

Спасение панорамы «Оборона Севастополя».

Панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» посвящена героизму защитников Севастополя в период Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. В 1901 году в честь 50-летия обороны Севастополя было принято решение увековечить подвиг её участников на живописном полотне Панорамы. Правительственный заказ на выполнение художественных работ получил Франц Алексеевич Рубо, выдающийся художник-баталист. Панорама рассказывает об одном дне обороны города, когда защитники Севастополя успешно отразили штурм укреплений Корабельной стороны. Полотно представляет собой огромную по размерам картину (длина по окружности 115 м, высота 14 м), дополненную предметным планом (площадь около 1000 кв. м).

Летом 1942 г. во время налёта фашистской авиации и артиллерийского обстрела загорелось здание Панорамы. На спасение исторического полотна бросились моряки. Они обливались водой и бросались в горящее здание; ножами, топорами резали, рубили холсты панорамы и выносили из

огня. Спасали до тех пор, пока не обрушился каркас. Многие получили ожоги, были ранены, но 86 фрагментов панорамы удалось спасти – это 2/3 картины. Их заворачивали в матросские одеяла и зашивали, а затем в грузовиках доставили в Камышовую бухту. Там стоял эскадренный миноносец «Ташкент», чудом прорвавшийся с подкреплением на борту в осажденный Севастополь. Здесь, в бухте, он принимал раненых, принял и спасенные куски панорамы.

Когда чудом уцелевшую панораму развернули в Новосибирске, то невольно ахнули: рваные, обгоревшие, в грязи, с отвалившейся краской они были еще и пробиты осколками – пробоин этих было несколько тысяч. Музейные работники за помощью обратились в обком партии, отправив туда длинный список необходимых материалов. Работники обкома были удивлены – в длинном списке значилось следующее: папиросная бумага, скипидар, мед, кедровое масло, осетровый клей... Все смогли найти. Самые лучшие реставраторы Третьяковской галереи выполнили сложнейшую работу по консервации страшно изуродованного полотна. И уцелевшие части панорамы были спасены. В послевоенные годы отреставрированные фрагменты использовались как основа для воссоздания Панорамы на новом холсте.

Театр оперы и балета. История строительства. Символ Победы.

По первоначальному проекту это сооружение было задумано как Дом науки и культуры (ДНиК) на основе создания театра нового типа. Здание должно было стать «театром техники и реальной обстановки» перед зрительным залом могли появляться с улицы колонны демонстрантов, автомобили, тракторы, проходящие на всей скорости. Проектирующийся «сверхмеханизированный театр планетарного масштаба» при

необходимости мог трансформироваться в цирк, планетарий или бассейн для водных пантомим.

В 1931 году состоялась торжественная закладка здания ДНЦ, но из-за дороговизны строительство было приостановлено. Также за время возведения изменились ориентиры в архитектуре, и было решено строить здание как обычный оперный театр с оформлением в классическом римском стиле.

К 1941 году здание театра было практически построено, не была завершена отделка, но с началом войны все работы были остановлены. Однако летом 1942 года Совнарком СССР постановил выделить 1 миллион рублей на завершение строительства театра и включение его в список первоочередных объектов. Завершение строительства театра должно было стать для людей символом неизбежной Победы над врагом. Удивительная особенность в том, что театр достраивали одновременно с обеспечением необходимых условий для хранения бесценных музейных сокровищ. Есть что-то глубоко символичное в том, что еще недостроенный театр, еще ни разу не открывший занавеса своей сцены, принимал в свои стены Высокое Искусство, давая ему надежный приют и оказывая помощь. В 1943 году все основные монтажные и отделочные работы были завершены.

Весной 1943 года в здании театра прошел Первый съезд молодых рабочих Новосибирской области. Весь театр заполнили юные ребята и девушки. Для иных ораторов, которые поднимались на сцену, возле трибуны ставили специальную подставку, как у станков, иначе бы выступающего не было видно из зала. Многим запомнилось выступление Коли Губайдулина, 14-летнего работника обувной фабрики. Маленького росточка, паренек стоял на подставке, но и она не помогала: из-за трибуны виднелась только мальчишеская макушка. Но голос звучал звонко: – *Мне четырнадцать лет,*

но я вместе со взрослыми выпускаю большие, крепкие сапоги! И он под дружные аплодисменты всего зала поднял над головой новенький кирзовый сапог. По прошествии времени, когда А.И. Покрышкин приедет в краткий отпуск в родной Новосибирск, многие газеты обойдет снимок, на котором запечатлены прославленный летчик и Коля Губайдулин, на груди которого тоже была заслуженная награда – медаль «За трудовую доблесть».

В начале 1944 года правительственная комиссия приняла в эксплуатацию главные помещения, передав здание дирекции Новосибирского государственного театра оперы и балета. Были открыты балетная и хоровая студии, организован оркестр.

Открылся театр через два дня после Победы – 12 мая 1945 года премьерой оперы М.Глинки «Иван Сусанин». Далеко не все смогли поместиться в огромном зале. На улице вокруг театра стояло множество людей и ловили отзвуки музыки. Когда хор стал исполнять финал: «Славься, славься ты, Русь моя! Славься ты, русская наша земля!», – зал театра встал и пел вместе с хором. Аплодисменты длились очень долго. Это были аплодисменты мужеству и стойкости всего народа!

Новосибирск сегодня – это динамично развивающийся мегаполис с мощным научно-промышленным, образовательным, культурным, финансовым и торгово-логистическим потенциалом. Новосибирск – административный центр Сибирского федерального округа, самое крупное муниципальное образование в Российской Федерации. Третий по численности населения город страны. Постоянное население на 01.01.2014 года – 1547,9 тыс. человек. Расстояние от Новосибирска до Москвы – 3191 км.

Год литературы

Илья Кузнецов

Русская литература и национальная идентичность*

Одна из признанных особенностей русской культуры заключается в том, что художественная литература в ней на протяжении трёх последних столетий неизменно была средством наиболее полного выражения духовного состояния общества.

Надо уточнить, что русская культура была культурой слова с самого времени своего возникновения в XI столетии. Это вообще свойство христианской культуры, но на русской почве оно проявилось с особенной силой. Русская средневековая книжность (XI – XVII вв.), в отличие от европейской литературы этого же периода, носила исключительно религиозный характер и потому даже не была художественной в прямом смысле этого слова¹. Ведь искусству, художественности, свойствен эстетический идеал *прекрасного*. А русской книжности был свойствен этический, то есть нравственный, идеал *праведности и святости*. Фигура писателя – книжника в средние века была окружена особым почитанием: в нём видели носителя «Божественного глагола». Не случайно практически все писатели этой эпохи были монахами. И вплоть до XVI – XVII веков никакие занимательные или развлекательные истории

---

* Статья впервые опубликована в журнале «Лицейст» № 1–2 (46–47). – 2015. Редакция «Пушкинского альманаха» благодарит журнал за право публикации статьи.

¹ См. об этом: Кузнецов И.В. Историческая риторика: Стратегии русской словесности. М., 2007.

не выходили из-под их пера: главной задачей книжности считалась нравственная *польза*, или, как тогда выражались, «*душеполезность*».

Затем, на рубеже XVII и XVIII вв., в эпоху петровских преобразований, русская культура сделалась светской. Религиозная книжность оказалась на обочине этой новой культуры, как и фигура писателя-монаха. Но книжное слово не утратило в общественном сознании ценностного приоритета, которым обладало в продолжение нескольких столетий. Выдающийся российский учёный Юрий Лотман показал, что в XVIII веке связанные с книжностью смыслы оказались перенесёнными на только что возникшую и совершенно новую для России отрасль словесности – *поэзию*, то есть *художественную литературу*². Теперь в качестве носителя «божественного глагола» стал восприниматься именно поэт, художник слова. С этим связан характерный для русской классики образ поэта-пророка, известный по стихотворениям Державина, Пушкина, Лермонтова; а также метко сформулированное Евгением Евтушенко более чем двухвековое убеждение, что «поэт в России больше, чем поэт», тоже специфически свойственное национальной культуре.

Начиная с пушкинской эпохи, с 1820-х годов, в российском обществе возникло движение за национальную самобытность поэзии. По сути же дела это было движение за самобытность российской культуры как таковой. Ведь весь XVIII и начало XIX века прошли под знаком заимствования Россией форм и содержания европейской общественной жизни, а также искусства. Творчество Пушкина и Гоголя было так горячо встречено современниками именно потому, что им первым удалось отой-

---

² См. об этом: Лотман Ю.М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб, 1997. – С. 254–265.

ти от стандартов европейской поэзии и в новых, невиданных прежде образах воплотить национальное мировоззрение. Место скитальцев, русалок и колдунов общеевропейского романтизма у них заняли Татьяна Ларина и Гринёв, Хлестаков и Манилов – сугубо русские, нигде более не встреченные герои. В этих героях русский человек начал понимать и распознавать сам себя, русская мысль начала своё движение.

Не случайно 1830-е годы оказались отмечены всплеском интереса к народному творчеству. В это десятилетие Пушкин создаёт свои бессмертные сказки и «Капитанскую дочку», в основе которой, как показали учёные, тоже лежит сказочный сюжет³; Ершов пишет «Конька-Горбунка»; Гоголь начинает свой путь к славе «Вечерами на хуторе близ Диканьки», в которых воплотилась поэзия украинских сказаний. Все эти произведения поныне составляют золотой фонд русской словесности, на котором с самого раннего детства формируется наше мировоззрение.

В середине и конце XIX века русская литература становится мировым явлением. Если творчество художников слова пушкинской эпохи, самое близкое и дорогое русскому уму и сердцу, было и остаётся мало понятным для зарубежных читателей, – то проза Тургенева, Достоевского, Льва Толстого, сочинения Чехова принадлежат классике всемирной литературы. В лице перечисленных писателей российская нация обрела уникальный голос в ансамбле мировой культуры. Литературная классика второй половины XIX столетия стала фундаментом, на котором возникли явления, сохраняющие непреходящую ценность для европейского человечества: театральная школа Константина Станиславского, религиозная философия Серебряного века. Без этих составляющих культура Европы XX столетия просто немыслима.

---

³ См.: Смирнов И.П. От сказки к роману // Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Т. 27. Л., 1972. – С. 284–320.

Художественная литература русского модерна достойно наследовала XIX веку. Если русский символизм был в основном явлением вторичным по отношению к европейскому искусству, то философские и художественные поиски младшего поколения русского поэтического авангарда по сей день изучаются как литературная школа и находят последователей во всём мире. Творчество Велимира Хлебникова, Бориса Пастернака, Николая Заболоцкого, Даниила Хармса, при всей разности их художественных систем, воплощало нерв литературы своей эпохи. Им удалось отразить небывалый сдвиг в сознании европейской культуры, состоявшийся в катастрофическом XX веке.

В годы Великой Отечественной войны, победа в которой уже 70 лет гарантирует России мир и суверенитет в числе ведущих держав, опыт русской литературы помогал бойцам отстаивать родную землю. Крупнейшие писатели середины XX столетия непосредственно откликнулись на события войны: Александр Твардовский, Михаил Шолохов, Константин Паустовский... Борис Пастернак считал лучшим признанием своего творчества фронтovou просьбу боевого офицера к нему, тогда военному корреспонденту, об автографе на томике стихов, прошедшем в вещмешке по дорогам сороковых годов. «На войне, – писал Твардовский, – не прожить без правды сущей, как бы ни была горька». Эту правду давала русская литература людям в военные годы. *Русская литература XX века, вместе с Великой Победой, подготовила возникновение новой нации – советского народа, который сегодня называют российским народом, и к которому все мы принадлежим.*

Поэтому русская литература в нашей стране была и остаётся *главным* средством национальной идентификации. Более важным, чем цвет кожи, разрез глаз или вероисповедание. Не случайно нет такого учителя-литератора, который не носил бы в себе убеждения, что его предмет – главный. Главный не

в смысле будущей профессиональной ориентации учеников, а именно в смысле ценностного самоопределения. Не *кем* (или *чем*, используя привившуюся английскую кальку), а *каким* быть – к решению этого вопроса подталкивает литература. И не только подталкивает: она одновременно даёт образцы. Ведь в образах лучших героев настоящей литературы, в их мыслях, чувствах и настроениях мы находим критерии для собственных мыслей и чувств, критерии понимания себя и самооценки. И то, как мы, воспитанные великой русской литературой, себя ведём – это и есть наше национальное лицо.

Не нужно думать, что русская литература принадлежит прошлому, что она устарела или прекратилась. Такие заявления в разные времена распространяли безответственные и неталантливые литераторы; случается слышать их и теперь. Художественная литература, особенно русская, не прекратится до тех пор, пока людям свойственно задумываться о себе и своём месте в мире. Давайте просто перечислим: русские писатели Владимир Набоков, Александр Солженицын, Иосиф Бродский, Сергей Довлатов – всё это первый ряд мировой литературы конца XX столетия. Эти имена, вкуче с именами Василия Шукшина и Валентина Распутина, более чем современные. Андрей Битов, Владимир Маканин – можно сказать, живые классики, тоже известные во всём мире. Русская литература жива, и год за годом, десятилетие за десятилетием она не перестаёт показывать нам нас самих и то, что с нами происходит. Её знают и ценят в мире: это прекрасно. Но главное не это. Главное, чтобы мы сами её знали и ценили. Чтобы не забывали, что именно в ней заключена генетическая память нашей национальной культуры. Пока мы это помним, мы остаёмся российским народом.

A decorative border with intricate scrollwork and floral patterns surrounds the central text.

*Сибирский
Парнас*

Елизавета Стюарт

Сибирский Парнас

Одна из последних книг Елизаветы Стюарт называется «Зимний праздник». Но вся она окрашена не праздником, а какой-то светлой, умиротворённой грустью. Грустью осени, а не зимы. И вот эта светлая, умиротворённая грусть говорит о трудной судьбе лирической героини, привыкшей к невзгодам, как к житейской обыденности. Ни жалобы. Ни стона. Как сдержанно говорит об этом героиня Елизаветы Константиновны.

*Мой зимний праздник за окном
Стучит серебряным копытцем.
Но ледяным его вином
Теперь уже не утолится.*

*Ночь новогодняя зажгла
Огонь бенгальский.*

Он не греет.

*От свеч вся комната светла,
Но свечи так легко стареют!*

*Течёт горячая слеза
По ветке тоненькой колючей,
И память смотрит мне в глаза.
«Не мучай, – я прошу, – не мучай!»*

*Будь милосердным, Новый год,
Ко всем, чья жизнь ещё продлится...*

*Вдаль осторожный след идёт –
Звенят промёрзшие копытца.*

Где они, эти зимние праздники? Никакого намёка. Ни в прошлом, ни в будущем. И героиня просит свою память – не мучай! И обращается к Новому году за милосердием ко всем другим, чья жизнь ещё продлится. Своя уже на исходе. Она прошла без праздников

Россия – страна матерей-одинок. Елизавета Константиновна – одна из них. И как ярко, почти осязаемо, она выразила их судьбу. Выразила иносказательно, но узнаваемо, зримо.

Одинокая утка летит над ночным водоёмом,

В маслянистой воде

Растворился и меркнет закат,

Как сгустившийся мрак,

Обступив засыпающий омут,

На своё отраженье примолкшие ивы глядят.

Лодка тихо плывёт,

Чуть заметным теченьем влекома, –

Потемневшую глубь

Я тревожить не стала веслом...

Одинокая утка летит над ночным водоёмом

И осенние звёзды сбивает усталым крылом.

Как узнаваема здесь судьба русской женщины. И самой Елизаветы Стюарт, матери-одиночки, махающей и махающей крыльями, чтобы догнать, прибиться к какой-то стае. Такое не придумаешь. Это надо выстрадать. И жить. Жить. А для Елизаветы Стюарт жизнь – это поэзия. И она молит её.

Не отлучай меня, не отлучай,

Как грешника от милости господней!

Пусть завтра смерть мне –
Ты не выручай,
Но возврати мне голос твой сегодня!..

Поэтическая муза выполнила эту просьбу: от физической смерти не выручила, но живой голос автора сохранила.

*Раздел «Сибирский Парнас» ведет член
Союза журналистов России А. Чернышёв*

* * *

Я верю, люди: вы вернётесь
К моим стихам, как к родникам.
Смеясь и плача, вдруг очнётесь,
Послушные моим словам.

Не потускнеет, не загинет
Строка за долгие года,
И вас, как жаждущих в пустыне,
Живая напоит вода.

Она вам будет, как награда.
И тот, кто шёл издалека,
Познает истинную радость
В прозрачной свежести глотка.

* * *

Воображенье,
Маг и чародей,
Верни мне ускользящее счастье!
Моей душой, как прежде, завладей –
Я покорюсь твоей державной власти.
Дай слух и зоркость.
Дай понять сполна,
Как мир богат, сплетая свет и тени...

Вот речку переходит вброд луна
И рыбки льнут к серебряным коленям.
Вот в отдаленье копится гроза
И громоздит громов столпотворенье.
Вот над водой повисла стрекоза,
На миг в своё вцепившись отраженье.
Вот затевает сонная роса
Под солнцем ослепительные игры.
Вот промышляет на цветке оса,
Похожая на маленького тигра...
Дай разгадать шептанье лопухов
И росчерк тайны у летучей мыши,
И таинство создания стихов
Ты приоткрой мне –
Я тебя услышу!

В поезде

В квадрат вагонного окна
Звезда влетает, как жар-птица.
Всё спит кругом,
лишь я одна
Сижу,
слежу, как поезд мчится.

Как это, в сущности, старо –
Вагон,
бессонница,
усталость,
Да птицы жаркое перо,
Что в сказке прожитой осталось.

И всё ж далёкий этот свет,
Мелькнувший вдруг в ночном вагоне,
Как счастья золотистый след
В моих давно пустых ладонях.

* * *

Я видела сегодня странный сон:
Как будто снег слежавшийся искрится,
А на снегу, попавшая в полон,
Бессильно бьётся, вырываясь, птица.

Запуталась в расставленной сети
И крыльями беспомощными машет.
И спрашивает кто-то: «Как найти
Хозяина?

Не ваша ли?

Не ваша?..»

И вдруг я понимаю, что душа,
Что там душа живая погибает!
И к птице подбегаю я, спеша,
Я к ней ещё с надеждой нагибаюсь.

Но всё слабее взмах её крыла,
И вот оно уже не шевелится,
И вижу я, что птица умерла,
Ещё недавно радостная птица.

И рядом в снег я падаю тогда,
И чувствую, как леденеет тело,
И птице, замолчавшей навсегда,
Кричу с тоскою: «Ты ведь пела,
пела!..»

Но отчуждённо смотрит мёртвый зрак,
И начинает чёрный снег кружиться,
И вот уже клубится только мрак
Там, где остались человек и птица...

Я просыпаюсь.

Медленный рассвет
Ползёт в окно.

И в мире всё, как было.
Но знаю я, что птицы больше нет –
Я только что её похоронила.

* * *

Художники оригинальность
Во все искали времена.
И только гениям банальность
Была всегда подчинена.

* * *

«Ку-ка-ре-ку» он приравнял к стиху,
Кричит с насеста о любом явлении.
Ну, как внушить бедняге-петуху,
Что солнце всходит не его велением?!

* * *

Обидел враг,
Что ж, так и должно быть.
Я с ним сражусь
иль накажу презрением.

Обидел друг...

Вот с этим как мне жить?
Такая боль!
Так тяжко сожаленье!..

* * *

Я не боюсь, что в преисподней черти
Меня сжигать возьмутся на огне:
За все грехи нехитрые,
поверьте,
Пришлось при жизни расплатиться мне.

Справедливость
Жизнь проходит.
Подступают сроки
Мне с тобой проститься, белый свет...
Вижу я – встают рядами строки
Возле гроба, где лежит поэт.

По страницам, словно по сугробам,
Столько раз спасавшие меня, –
Вижу я – они идут за гробом,
Верность нерушимую храня.

Шествуют в торжественном молчанье
До поры до времени.

Но вот
Различаю в их рядах звучанье –
Самая заветная поёт!

И к её прислушиваясь голосу,
Что-то изменяется вокруг:
Люди поворачивают голову,
Всё равно – то недруг или друг.

Слышу – строки в хор соединяются,
Горе побороли
и поют!..

мне теперь не каяться, не маяться –
Уж они в обиду не дадут.

Память

Я не открою вам Америк
И рифмой броской не сверкну.
Я просто помню плоский берег
И моря жёсткую волну.

К далёким северным широтам
Мне вас хотелось увести,
К мальчишкам из морской пехоты,
Которым нет и двадцати.

Они воюют?

Да, воюют –

Бои кругом, и смерть кругом,
Ещё – танцуют.

Да, танцуют

В подземном клубе фронтовом.

Боец с бойцом идёт кружиться...

И пусть живёт в моих стихах,
Как кобура сухой ключицей
Бушлаты морщит на парнях.

Мальчишкам мир для счастья нужен,
Их жажда не утолена...

Меж двух тревог,
не сняв оружия,

Танцуют вальс.

Идёт война.

Мальчишки чьими-то отцами
Могли бы стать...

Могли бы стать...

Но в море, в сопках, у Петсамо
Им не воскреснуть. Им не встать.

Им не любить, не улыбаться,
Не прикасаться к сотням дел,
Лишь вечно юными остаться
Досталось мальчикам в удел.

Ещё досталось – жизни цену
Им заплатить за жизнь других.
Тех, что приходят им на смену...
Живые,
    помните о них!

Золушки сороковых годов

Ты, говорят, пред жизнью виновата,
Что не была светла и весела...
Но в юности не принца, а солдата
Ты с поля боя, Золушка, ждала.

А ласковые феи за тобою
Не присылали золотых карет.
И ты, невеста, сделалась вдовою,
Навек вдовою в девятнадцать лет.

Бывает – у невесты отбивает
Разлучница любимого её...
Война не отбивает –
    убивает.

Я говорю не только про твоё.

Вас было много, Золушек безвестных,
Чьи руки перепачканы в золе,
Чьи женихи, не возвратясь к невестам,
Лежали молчаливые в земле.

И вы сжились с бедой, с военным хлебом,
С морщинками на молодом лице.
Вы башмачка под чёрным звёздным небом
Не оставляли на чужом крыльце.

А годы шли.

Кареты мчали мимо
На бал других.

Но, строги и тихи,
Вы знали только труд неутомимый
И не вошли в легенды и стихи.

Но если б, все пересчитав утраты,
Строка вам дань по праву отдала,
Она бы не казалась виноватой,
Что не была светла и весела.

Я помню вас не в пышных бальных залах,
Не в туфельках хрустальных на парче,
А у теплушек ночью на вокзалах
С картофельною тяпкой на плече.

* * *

Ещё ничто не предвещало
Исчезновенья тишины,
Ещё предчувствие начала
Не проникало даже в сны,
Ещё прикидывались вещи
Совсем такими, как вчера,
Но было всё иным и вещим
И говорило мне: пора!
Пора!..

А я взглянуть боялась

В лицо твоё
и стать иной...
но молния уже металась
в притихшей туче грозовой!
Всё ярче, всё нетерпеливей
Сверкала, силы не тая,
И наконец-то, грянул ливень!..
Так началась любовь моя.

Одолень-трава

По заводям, где от жары и света
У камышей кружится голова,
Кувшинки расцветают каждым летом,
Они зовутся – одолень-трава.

Коль в путь собрался от родимой двери,
Добудь их корень ночью из воды,
И он спасёт, по древнему поверью,
От лиходея, кривды и беды.

Ничьих наветов в этот час не слушай,
Лишь говори приветные слова,
И сбережёт твою живую душу
Заветный корень – одолень-трава.

С ним одолеешь все крутые горы,
Туманы не пойдут наперерез,
Вглубь не заманят синие озёра
И не обманет самый тёмный лес.

С ним не страшись ни сглазу и ни горя,
Змеи-тоски и вражеской руки,
Носи его у сердца, этот корень,
Порою даже сердцу вопреки!

Найди его, и он во всём поможет –
Так говорит народная молва...
Я этот корень отыскала тоже –
Ты помоги мне, одолень-трава!

* * *

На кладбище заброшенном татарском
Живёт хозяин – юркий бурундук.
Он верит, что лесным владеет царством,
Мой закадычный полосатый друг.

Что ж, он владеет тишиной лесною,
Покоем мёртвых
и тропой живых.

Вот замер он на корне под сосною,
Вот испугался и летит, как вихрь!

Не бойся, глупый, –
я тебя не трону,

Врагом не стану, не начну войны,
Я оставляю за тобой корону
Лесного царства, доброй тишины.

Что для тебя события и даты,
Моя тоска, ожившая в груди?
Ты на тропе
встречал двоих когда-то...

Я вспомнила об этом.

Уходи!..

* * *

Твои слова огню я предала,
А путь к тебе речной водою смыло.
Твою любовь судьба отобрала,
Тебе –
любовь другую подарила.

Ну, что же, значит, –
                                так тому и быть.
Старо, как мир!
                                И всё же вечно ново...
Мне нужно жить.
Мне просто нужно жить.
И о тебе не говорить ни слова.

Ценить сильнее внимание друзей.
Писать стихи.
                                Быть мудрой, коль сумею...
Но что мне делать с памятью моей –
Она меня нисколько не жалеет!..

Леший

То ли конный, то ли пеший,
Грузовик ли пропылил?..
На пенёк уселся леший –
За день выбился из сил:
Окликнул в лесу девчонок,
Хороводил да кружил,
Переросший гриб-опёнок
Им в корзинку положил.
А потом, смеясь проделке,
Стариковски плутоват,
Объяснял сердитой белке,
Что ни в чём не виноват!
Белка слушала не слишком
Бормотанье лешего,
Подарила с кедра шишку –
Старого утешила.

Он притих меж тёмных ёлок,
Примостился на пеньке,
Шишку, сизую, как голубь,
Держит в сморщенной руке.
Потерял давненько леший
Счёт событиям и годам...
Раскусить хотел орешек,
Только тот не по зубам.
И сидит он, утомлённый,
Сонный сухонький старик.
Мимо – пеший.
Мимо – конный.
Мимо – пыльный грузовик...

* * *

Имеющий уши – да слышит,
Имеющий душу – да чует,
Как шмель успокоенно дышит,
В цветке придорожном ночуя.

Как речка пересыпает
Серебряных звёзд отраженье,
Как листья осин, просыпаясь,
Приветствуют ветра движенье.

Как дождик бормочет над крышей,
Как кто-то под крышей тоскует...
Имеющий уши – да слышит,
Имеющий душу – да чует.

Осенний шиповник

Ие Подосёновой

Бывает –

    Рощи золотые словно,
А на заре – в холодном серебре,
Но, как весной, опять цветёт шиповник,
Опять цветёт шиповник в сентябре!

Пусть те цветы бесплодны и напрасны,
Пусть их морозы первые убьют, –
Они прекрасны!

    Так они прекрасны,
Что пусть цветут,
    пусть в сентябре цветут.

Есть женщины, что, выдав замуж дочку,
Полны и сами строгой красоты,
Какой-то хрупкой прелести,
    точь-в-точь как
Вот эти запоздалые цветы.

Кто скажет им: та красота напрасна,
Её погубит иней на заре...
Они прекрасны!
    Так они прекрасны,
Что пусть цветёт шиповник в сентябре!

* * *

Казалось бы, –
    что в мире мне осталось?

Лишь ласково проститься уходя.
Жизнь позади.
Со мной моя усталость.
И шорох полуночного дождя.

Ещё – земных забот остался ворох,
Да суетные мелкие дела,
Обрывки надоевших разговоров
И споров надоевшая зола.

Казалось бы, кончается дорога,
Теряется в неотвратимой мгле...
Но, вот, живёт и ширится тревога
За мир и счастье на моей земле.

За эти кедры и за это поле,
За небо, где курлычут журавли...
И сердце, переполненное болью,
Не хочет оторваться от земли!

* * *

Ни чинов, ни богатства, ни славы.
Вот и славно – спасибо судьбе.
Быть поэтом нелёгкое право
Я всю жизнь добывала себе.

Не клонилась ни моде в угоду,
Ни в угоду погоде любой,
Потому что в любую погоду
Я всегда оставалась собой.

Я – частица особого братства:
Наша крепость в сердцах у людей.
Ни кокетство и ни святотатство
Не водили рукою моей.

Быть поэтом нелёгкое право
Я сама отстояла себе.
Ни чинов, ни богатства, ни славы –
Вот и славно!
Спасибо судьбе!

Пушкин и мы

А. С. Пушкин

Стансы

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

Совет

Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех – но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.

Феликс Кичатов

О первом русском переводе «Крымских сонетов» А. Мицкевича

В начале ноября 1824 года член тайных кружков – обществ «филоматов» (друзей науки) и «Филаретов» (друзей добродетели) Виленского университета – Адам Мицкевич, приговоренный судом к ссылке в «отдаленные от Польши губернии», появился в Петербурге, где должна была решиться его дальнейшая судьба. Находясь в столице империи, он за короткое время успел близко познакомиться с Александром Бестужевым и Кондратием Рылеевым. Провожая польского поэта в конце января 1825 года к месту ссылки, город Одессу, они передали ему письмо на имя одесского поэта Туманского, рекомендовав Мицкевича как «поэта и любимца нации».

Дорога оказалась длинной и нудной. Чтобы добраться до Одессы, считавшейся окраиной России, надо было преодолеть на повозке более двух тысяч верст по заснеженным степям и лесам. Потом впечатления от этого путешествия увековечатся в следующих строках:

*По диким пространствам, по снежной равнине
Летит мой возок, точно ветер в пустыне.*

Наконец, преодолев этот ничем не примечательный путь за три недели, Мицкевич 18 февраля 1825 года прибыл в Одессу, спустя всего полгода, как ее покинул А.С.Пушкин, уволенный со службы и направленный в ссылку под надзор своих родителей в родовое имение Михайловское.

Решением начальника военных поселений на юге России генерала И.О.Витта Мицкевича велено было «употребить по части училищной», т.е. направить преподавателем в Ришельевский лицей. Одновременно за поэтом было установлено постоянное наблюдение.

Летом этого же года Мицкевич совершил морское путешествие по Черному морю вдоль берегов Тавриды на яхте в компании с генералом И.О.Виттом, тайным агентом А.К.Бошняком, супругами Собаньскими и братом Каролины Собаньской – Генриком Ржевуским. Путешествие было организовано не без тайного умысла. Замысел его состоял в том, чтобы, используя дружеское отношение, создавшееся на яхте во время круиза, выведать возможно больше информации у ссыльного поляка о его связях с тайными организациями польских патриотов в Одессе. Но молодому поэту было не до откровений с агентами, которых он очень скоро интуитивно «вычислил». Погода благоприятствовала путешествию и вдохновению. Сами собой складывались строки сонетов. Работая над ними, поэт-изгнанник постоянно прислушивается к голосу своей родины. Поэтическая страна Мицкевича-поэта на этот раз не родная отчизна, а сияющий перламутровым многоцветием мир крымской природы с ее степными и морскими просторами, с заоблачными громадами гор. Это мир преданий, рассказывающий о зачахшей вдали от своей родины, в Бахчисарайском гареме хана Гирея, прекрасной польке Потоцкой, это руины древней крепости Балаклава, заставляющие вспомнить героев прошлого. К тому же, он страстно влюбился в очаровательную попутчицу – землячку Каролину Собаньскую.

Влюбленный поэт скоро понял, что Каролина ждет от него только одного – автографа. Что же касается взаимности, то ее не было и в помине. Это была только игра, коварная игра

необыкновенно тонкого мастера любовных интриг. Недаром Пушкин называл ее Демоницей.

Собирание автографов знаменитостей было фанатичной страстью Каролины. В ее коллекции были редчайшие реликвии, которые могли бы составить честь любому музею, не говоря уже о коллекционерах. Здесь были автографы французских писателей Шатобриана и мадам де Сталь, короля Пруссии Фридриха II и королевы Франции Марии Антуанетты, лорда Веллингтона, Александра Пушкина. Она никак не могла пропустить счастливый случай – заполучить автограф широко известного польского поэта-изгнанника. Ради этого она и сыграла роль влюбленной гурии. Разочарование его вылилось в сонете «Прощание», посвященном «Д.Д.», т.е. донне Джованне, как звал ее в ту пору Мицкевич. В этом сонете глубокая страсть поэта, ревность, упреки в измене. Вот как он звучит в великолепном переводе В.Левика:

*Ты гонишь? Иль потух сердечный пламень твой?
Его и не было. Иль нравственность виною?
Но ты с другим. Иль я бесплатных ласк не стою?
Но я ведь не платил, когда я был с тобой?
Червонцев не дарил я щедрою рукой.
Но ласки покупал безмерною ценою.
Ведь я сказал «прости» и счастью, и покою,
Я душу отдавал – за что ж удар такой?
Теперь я понял все! Ты в жажде мадригала
И сердцем любящим, и совестью играла.
Нет, музу не купить! Мечтал я, чтоб венком
Тебя парнасская богиня увенчала,
Но с каждой рифмы я скользил в пути крутом,
И стих мой каменел при имени твоём.*

Сравнивая сонет Мицкевича «Прощание» с одним из лучших образцов любовной лирики, стихотворением Пушкина

«Я вас любил...», которое появилось также в результате «прощания» Пушкина с Собаньской, мы улавливаем большую разницу. Если сонет Мицкевича переполнен эмоциями отчаяния, ревностью и страданиями отвергнутого любовника, готового если не отомстить, то, по крайней мере, обидеть своего кумира, то пушкинское стихотворение, несмотря на «иронию и лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние», свойственные Каролине, дышит воспоминаниями кратких мгновений незабываемой любви, в результате которой он (Пушкин) «познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении». В нем нет отчаяния, в нем только сожаление и пожелания такой же любви в будущем:

*Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.*

Так или иначе, эта великолепная морская прогулка влюбленного поэта, тоскующего по своей родине, явилась тем счастливым случаем, который подарил польской литературе прекрасный цикл сонетов. Следовало бы добавить, что в его появлении немалую роль сыграла любовь поэта к Собаньской.

Сонеты Мицкевича были опубликованы в Москве в декабре 1826 года в двух частях на польском языке. Первая часть сонетов принято называть «Одесскими сонетами». «Крымские сонеты» составили 2-ю часть. Уже спустя год и три месяца после выхода их в свет, Мицкевич писал своему другу Одынцу из Москвы: *«Ты просишь, чтобы я послал тебе русские переводы моих стихов. Пришлось бы отправить большой пакет. Почти во всех альманахах (альманахов здесь выходит множество) фигурируют мои сонеты; они имеются уже в нескольких переводах».*

Среди переводов зарубежной литературы того времени широкой популярностью пользовались переводы Петра Вяземского, Александра Илличевского, Ивана Козлова, Ивана Дмитриева, Дмитрия Хвостова. Чаще всего их можно было встретить в журналах и альманахах: «Московский телеграф», «Северные цветы», «Альбом северных муз», «Дамский журнал».

Возвратившись в декабре 1825 г. из Одессы в Москву, Адам Мицкевич познакомился со многим литераторами, в том числе с Петром Вяземским, который рекомендовал ему Василия Жуковского, братьев Ксенофонта и Николая Полевых, Евгения Баратынского, Петра Киреевского, Дмитрия Веневитинова.

В одном из своих писем друзьям Мицкевич так представил Вяземского: *«Знаменитый писатель, весьма остроумный, известный и в Варшаве».*

Рекомендации Вяземского сделали польского поэта желанным гостем в московском светском обществе, в литературных салонах Зинаиды Волконской, Авдотьи Елагиной, Марины Шимановской. Московские литераторы с восторгом приняли Мицкевича в свой дружеский круг. Всех восхищали его необыкновенная одаренность, удивительный дар импровизаций, которые были очевидны даже тем, кто не был знаком с польским языком.

Вяземский вспоминал: *«Все в Мицкевиче возбуждало и привлекало сочувствие к нему. Он был очень умен, благовоспитан, одушевителен в разговорах, обхождении утонченно-вежливого, <...> Он был везде у места, и в кабинете ученого и писателя, и в салоне умной женщины, и за веселым приятным обедом. Поэту, то есть степени и могуществу дарования его, верили пока на слово и понаслышке; только весьма немногие, знакомые с польским языком, могли оценить Мицкевича-поэта, но все оценили и полюбили Мицкевича-человека».*

К этим немногим относился и Петр Андреевич Вяземский. Довольно долгое время служивший в Варшаве, он принимал там активное участие в разработке проекта польской конституции. После смены курса правительства в отношении Польши, Вяземский остался на своих позициях, о чем писал: *«Из рядов правительства очутился я, не тронувшись с места, в рядах противников его: дело в том, что правительство перешло на другую сторону»*. Естественно, что он великолепно знал польский язык, не только говорил, но и вполне прилично писал по-польски. Свое удаление из Варшавы в 1829 г. он назвал *«несправедливостью частной и ошибкой политической»*. Кому еще, как не Вяземскому, искренне полюбившему поэзию Мицкевича, было заняться переводами произведений польского поэта? Начал он с перевода «Крымских сонетов», первым познакомив русских читателей с Мицкевичем-поэтом. И хотя этот первый опыт прозаического перевода не стал популярным, он все же сыграл свою роль, подвигнув на переводы произведений польского поэта многих российских поэтов.

Вполне вероятно, что Мицкевич не только знал о выборе Вяземским для перевода его «Крымских сонетов», но и, возможно, сам посоветовал выбрать именно их для начала. Перевод Вяземского был напечатан уже в № 7 «Московского телеграфа» за 1827 г. вместе со статьей, которую Мицкевич счел для себя очень лестной. В статье есть такие слова: *«...Поэт носит свой мир с собою: мечтами своими населяет он пустыню, и когда говорить ему не с кем, он говорит сам с собою. Вероятно, вот отчего многие из прозаистов и почитают поэтов безумцам. Они не понимают, что за выгода говорить на ветер, в уповании, что ветер этот куда-нибудь и когда-нибудь занесет звуки их души; что они сольются в свое время с отзывами всего прекрасно...»*.

Заканчивая свою статью, он как бы обращает свою надежду к русским поэтам и, прежде всего, к Пушкину «...освятить своими именами желаемую дружбу между русскими и польскими музами». По существу, появление статьи «Крымские сонеты» положило начало литературной известности Мицкевича в России.

Только стремлением как можно точнее перевести сонеты Мицкевича можно объяснить то, что Вяземский перевел их прозой. Недаром товарищ Мицкевича по Виленскому университету Франтишек Малевский записал в марте 1827 г. в своем дневнике по поводу этого перевода: «Нельзя проявить большую, нежели он, осторожность в переводе. Дмитриев и Баратынский привлекались для правок». Приведем в качестве примера перевод Вяземским сонета «Морская тишь»:

*Уже ветерок едва ласкает ленты кормовой ставки,
светлеющая вода разыгралась в тихом лоне своем,
как молодая невеста, которой снится о счастье,
пробуждается, чтобы вздохнуть, и опять засыпает.*

*Паруса, подобно хоругвям по окончании битвы, дремлют
на мачтах нагих; корабль легким движением
колышется, будто прикованный цепью:
матрос отдохнул, плователи развеселились.*

*О, море! Посреди твоих резвых живчиков есть полип,
который спит на дне, когда небо мрачно, а в тишь
развивает он долгие рамена.*

*О, мысль! В твоей глубине есть гидра воспоминаний:
она спит в минуту бедствий и в бурю страсти, но, когда
сердце спокойно, она вонзает в него свои когти.*

Сравнивая перевод Вяземского с переводом великолепного поэта Ивана Козлова, мы невольно замечаем некоторую, едва

заметную, вольность перевода последнего, иной ритм, иную строфику:

*Ласкаясь, ветерок меж лент над ставкой веет,
Пучина влажная играет и светлеет,
И волны тихие вздымаются порой,
Как перси нежные невесты молодой,
Когда во сне о радости мечтает;
Проснется – и опять, вздохнувши, засыпает.
На мачтах паруса висят, опущены,
Как бранная хоругвь, когда уж нет войны,
И, будто на цепях, корабль не шевелится;
Матрос покоится, а путник веселится.
О море! В глубине твоих спокойных вод,
Меж твари дышущей, страшилище живет:
Таясь на мрачном дне, оно под бурю дремлет,
Но грозно рамена из волн в тиши подъемлет.
О мысль! И у тебя в туманной глубине
Есть гидра тайная живых воспоминаний:
Она не в мятеже страстей или страданий,
Но жало острое вонзает – в тишине.*

И хотя архаический слог, выбранный Вяземским для перевода, не вполне передавал поэтическую прелесть оригинала, тем не менее, он послужил основой для многих других переводов. По инициативе П.Вяземского сонет «Плавание» перевел И.Дмитриев. Прозаическим переводом воспользовался и лицейский товарищ Пушкина А.Илличевский, который перевел три сонета: «Аккерманские степи», «Плавание» и «Бахчисарайский дворец». В переводах приняли участие поэты: В.Щастный, В.Любич-Романович, Ю.Познанский, А.Шпиготский, А.Савинский, Д.Хвостов, а позже – М.Лермонтов, Н.Огарев, Д.Минаев, А.Майков, А.Фет и др.

В 1826 году Соболевский познакомил Мицкевича с Пушкиным. Почти ровесники, они оба были сосланы в ссылки одним царем и оба – на юг России, оба были в Одессе, которая вдохновила их написание бессмертных произведений. Оба восхищались поэзией «певца туманного Альбиона» Д. Байрона. Оба безнадежно были влюблены в одну и ту же красавицу, Каролину Собаньскую, пополнив ее коллекцию своими стихами.

Пушкин был очарован незаурядной личностью Мицкевича. Знакомый лично со многими переводами «Крымских сонетов», и побудивший некоторых из своих товарищей к переводам произведений Мицкевича, сам он не взялся за их перевод, хотя оценил их очень высоко. В «Отрывках из путешествия Онегина» он писал:

*Вообразенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат,
Там пел Мицкевич вдохновенный
И, посреди прибрежных скал,
Свою Литву воспоминал.*

В «Сонете о сонетах» вновь звучит тема «Крымских сонетов»:

*Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненной
Свои мечты неволью заключал...*

Эти стихи свидетельствуют о глубоком понимании Пушкиным «Крымских сонетов» Мицкевича, которые он считал достоянием мировой литературы.

Владимир Густербов

**О нет, недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!**

Вот чем певец лишь избранный владеет...

А.А. Фет

В литературе нередко отмечается совпадение тем или предметов, которым разные авторы посвящают свои произведения. Сравнить лучше всего подобное с подобным. Несомненный интерес представляют хотя бы и не явное, однако, подразумеваемое противопоставление пушкинского видения действительности и пушкинских приемов ее словесного изображения иному видению и иным приемам.

В этой связи коснемся особенностей поэзии А.С. Пушкина и П.А. Вяземского. Рисуя прекрасную картину русской зимы в I и II строфах пятой главы «Евгения Онегина», Пушкин III строфу новой главы начинает так:

Но, может быть, такого рода

Картины вас не привлекают:

Все это низкая природа;

Изящного не много тут.

Согретый вдохновенья Богом

Другой поэт роскошным слогом

Живописал нам первый снег

И все оттенки зимних нег.

К этим строкам имеется примечание: «смотри «Первый снег», стихотворение князя Вяземского». А в рукописи еще замечено: «Красивый выходец и проч. конец».

О «роскошном слоге», которым П.А. Вяземский живописал первый снег, Пушкин говорит, конечно, не без иронии, как не без иронии снабжает он картины зимы, нарисованные в «Евгении Онегине», оценкой «Все это низкая природа; Изящного не много тут». Предположение поэта, что картины такого рода привлекут не всех читателей, было не случайным. Для многих в то время поэзия связывалась как раз с той манерой словесного выражения, типичный образец которой был представлен в стихотворении Вяземского «Первый снег». Поэтому посмотрим, какому же «роскошному слогу» противопоставил Пушкин свои описания и что за «Красивый выходец и проч.». В стихотворении Вяземского читаем:

*Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крылатой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
И соболю на тебе чернеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы,
И лилия свежей белеет на челе.*

Как видим в «роскошном слоге» – не просто *лошадь* или *конь*, а *Красивый выходец кипящих табунов*, и не просто он *по полю помчит*, а *Ревнуя* (т.е. соревнуясь) *на бегу с крылатой ланью* (как будто по русским полям так и бегают крылатоногие лани); сказать, что наряд спутницы украшен соболями, кажется поэту недостаточно красивым, недостаточно изящным, и он добавляет перифразу *лесов сибирских данью*; по этой же причине в стихотворении не просто на морозе румянец ярче, лоб белее, а «*Презрев мороза гнев и тщетные угрозы*», «*розы твоих румяных щек алеют свежей*» (так выглядела бы строка Вяземского при неинверсированном порядке слов),

«лилия свежей белее на челе». Все это красиво, и картина изображена чудесная, и стремление выразиться изящно видно в каждой строке, но... Хотя Вяземский и был одним из первых русских писателей, заговоривших о народности в литературе, в стихотворении «Первый снег» образы еще очень условны, словесные красоты прямо-таки громоздятся одна на другую, а живых, точных подробностей, примет наступающей русской зимы не видно. Это относится и к концу стихотворения, упомянутому Пушкиным:

О первенец зимы, блестящей и угрюмой!

Снег первый, наших нив о девственная ткань!

А что увидела в окно Татьяна? Кроме побелевших двора, куртин, кровель и забора, легких узоров на стеклах, деревьев в серебре и гор, устланных блистательным ковром зимы, еще веселых сорок на дворе, плетущуюся рысью крестьянскую лошадку, запряженную в дровни, удалую кибитку, ямщика в тулупе и красном кушаке, катающего в салазках черную дворняжку, дворового мальчика, грозящую ему в окно мать – т.е. не картины, больше созданные воображением художника, чем отражающие реальность, а то, что действительно могла увидеть, посмотрев в окно, обитательница русской помещицкой усадьбы пушкинских времен. Отражающий точку видения Татьяны выбор простых картин и простых языковых средств для изображения зимы, демонстративно противопоставленных пышным картинам и «роскошному слогу», полностью соответствует пушкинским принципам литературного выражения «на языке своем родном».

Новаторство особенно заметно в сопоставлении с предшествовавшими образцами. Поэтому сравним еще отрывки из «Первого снега» и из «Евгения Онегина». В стихотворении Вяземского так описывается преддверие зимы:

*Вчера еще стenal над онемевшим садом
Ветр скучной осени, и влажные пары
Стояли над челом угрюмым горы
Иль мглой волнистою клубился над бором.
Унынье томное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг.
Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг.
Пугалище Дриад, приют крикливых вранов,
Ветвями голыми махая, древний дуб
Чернел в лесу пустом, как обнаженный труп.
И воды тусклые, под пеленой туманов,
Дремали мертвым сном в безмолвных берегах.
Природа бледная, с унылостью в чертах,
Поражена была томлением кончины.*

А вот описание поздней осени в «Евгении Онегине»:

*Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.*

*Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчиhoю голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит – и путник осторожный*

*Несется в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок;
В избушке распевая, дева
Прядет, и, зимних друг ночей
Трещит лучинка перед ней.*

Традиционно «поэтическому», вычурному набору образов у Вяземского Пушкин противопоставляет простые, всем знакомые, зримые приметы русской поздней осени: реже появляется солнце, укорачивается день, опадает листва, улетают гуси, умолкает шум работ на нивах, коров уже не выгоняют на пастбище, не звучит рожок пастуха, девушка прядет при свете лучинки. Что же – «Все это низкая природа»? Конечно, нет. Не вымышленная, а какая есть и оттого не менее поэтичная. И описание ее сделано в блестящей, подлинно изящной манере, в которой прямое, непереносное употребление слов (*Короче становился день; Не гонит уж коров из хлева*) и разговорные обороты (*Несется в гору во весь дух*) естественно сочетаются с выразительными тропами (*Лесов таинственная сень С печальным шумом обнажалась*) и емкими по смыслу перифразами (*лучинка – зимних друг ночей*).

Теперь сопоставим описания начала зимы.

У Вяземского:

*Сегодня новый вид окрестность приняла,
Как быстрым манием чудесного жезла;
Лазурью светлую горят небес вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины,
И ярким бисером усеяны поля.
На празднике зимы красуется земля*

*И нас приветствует живительной улыбкой.
Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной сосне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары, и засверкали горы.
И солнца шар вспылал на своде голубом.
Вошебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдистыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнился в берегах.
Забавы ожили; пренебрегая страх.
Сбежались смельчаки с берегов толпой игривой
И, празднуя зимы ожидаемый возврат,
По льду свистящему кружатся и скользят.*

У Пушкина:

*И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы розы;
На, вот возьми ее скорей!)
Опрятней модного паркета
Блестит речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед;
На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает; веселый
Мелькает, вьется первый снег,
Звездами падая на брег.*

Наступление зимы Вяземский изображает, как и предшествующую картину осени, многословно, изоцряясь в нанизывании образов. Картина, нарисованная Пушкиным,

отчетливее, ярче передает знакомое всем чувство радости, которое возникает, когда после осеннего ненастья ударит первый мороз и выпадет первый снег.

В отрывке из стихотворения Вяземского обратим внимание на явную избыточность и неточность в образном изображении замерзшего пруда:

*Цепями льдистыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.*

Конечно, гладкий лед на только что замерзшем пруду похож на синее (потому что отражает небо) зеркало. Но зачем еще и цепи? И разве похож лед на цепи, хотя бы и льдистые?

Насколько точнее, изящнее, короче сравнение Пушкина, которое к тому же и остроумно:

*Опрятней модного паркета
Блестит речка, льдом одета.*

Сравним еще:

*Забавы ожили; пренебрегая страх,
Сбежались смельчаки с берегов толпой игривой
И, праздную зимы ожидавший возврат,
По льду свистящему кружатся и скользят.*

(Вяземский)

*Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед.*

(Пушкин)

Одной и той же теме посвящены произведения Ф.И. Тютчева «Бессонница» и «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» А.С. Пушкина. Прочитируем стихи Тютчева:

*Часов однообразный бой.
Томительная ночи повесть!*

*Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!*

*Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?*

*Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг
И мы, в борьбе, природой целой,
Покинуты на нас самих.*

*И наша жизнь стоит пред нами.
Как призрак на краю земли,
И с нашим веком и друзьями
Бледнеет в сумрачной дали...*

*И новое, младое племя
Меж тем на солнце расцвело.
А нас, друзья, и наше время
Давно забвеньем занесло!*

*Лишь изредка, обряд печальный
Свершая в полуночный час,
Металла голос погребальный
Порой оплакивает нас!*

Это стихотворение написано всего лишь на год раньше пушкинского – в 1829 году. Что «томит» здесь Тютчева? Почему в размеренном, однообразном бое часов ему слышатся «глухие стенанья» времени, «пророчески-прощальный глас»? «Вот что томит». «Природа целая» – то есть мироздание, космос, вечность – покинула нас «на нас самих». А что мы без вечности? Что мы перед лицом вечности? Что наша

жизнь перед ней? «Призрак» – отвечает Тютчев, который в своей поэзии воплощал многие постулаты немецкого поэта Шеллинга.

«Забвенье» – вот цена нам, «призрачным» и нашему «призрачному» времени. Вот что ждет и «новое, младое племя», которое расцветет после нас.

В этом стихотворении Тютчев утверждает относительность человеческого бытия, которое как бы обречено на забвение. Эта мысль преследовала его и позднее. В одном из стихотворений он скажет о человеческой жизни, что она даже «не светлый дым, блестящий при луне// А эта тень, бегущая от дыма...».

Сама возможность забвения вызывает в нем такое чувство тоски («кто без тоски внимал»), которое показывает, как трудно поэту примириться с одной только мыслью (он ведь сказал: «нам мнится») об этом, как дорого ему все то, что он называет «призрачным».

Такое отношение к сущему абсолютно чуждо Пушкину. Об этом говорят его «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы»:

*Мне не спится, нет огня:
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье.
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот:
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?*

*Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...*

Стихотворение написано им в 1830 году в Болдине по тому же поводу, что и тютчевское, – «мне не спится». Но на этом сходство и кончается. Пушкин занят совсем другим. Жизнь, которую он любил; – недаром в том же 1830 году он сказал: «Счастливый человек, для жизни ты живешь» («К вельможе»), вдруг обступила его своими мрачными сторонами: «Всюду мрак». Это тревожит его и побуждает защищаться. Он и защищается. Чего стоит, например, одно это: «Парки бабье лепетанье»! Ведь Парка в римской мифологии – богиня судьбы. А уничижительное: «Жизни мышья беготня»! «Скучный шепот», – отзывается обо всем этом Пушкин.

И все-таки характерный для Пушкина жадный интерес к жизни, к любым ее проявлениям сказывается и здесь. Хоть и «скучный шепот», а все же интересно, что он значит и чего хочет от поэта («от меня»). Может быть, это ропщет и укоряет Пушкина «утраченный» им день? «Утраченный», то есть потерянный и, наверное, понапрасну прожитый, видимо, впустую (потому-то – «укоризна или ропот»).

Вот оно – прямое пушкинское отношение к жизни: знававший как реальность свою жизнь и свою действительность, Пушкин, как видим, в них и искал ответа на интересующие его вопросы.

Одно только слово в его стихотворении – «пророчишь» – может напоминать нам тютчевский «пророчески-прощальный глас». Но, в отличие от Тютчева, это слово наполнено у Пушкина абсолютно житейским содержанием. Ведь пророчество в данном случае для него – это «Парки бабье лепетанье». Таким образом, каждый из этих поэтов отражает свое мировосприятие.

Основа поэтической модели Тютчева – двоемирие. Человек, его душа – меж небом и землей, душа – «жилица двух миров», «приросшая к земле», но тоскующая о небе. Человек, его душа – меж небом и землей, «на пороге двойного бытия». Отсюда – прямо противоположное решение одних и тех же вопросов, над которыми бьется разум поэта.

Сам он оставался «живым до конца», и его поэзия учит, быть может, самому главному – мужественному восприятию жизни. В 1870 году он написал такие строки:

*Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.
И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живет,
Не все, что здесь цвело, увянет,
Не все, что было здесь, пройдет!*

Некогда Тютчева провозглашали поэтом пушкинского круга, хотя, видимо, нет другого великого пушкинского современника, который был бы так далек от Пушкина, как Тютчев, которому чужды были пушкинские творческие принципы, да и само пушкинское отношение к жизни.

**Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня;
и я воскрес душой**

*Художник пишет не то, что видит,
а то, что будут видеть другие.*

Поль Валери

Слова А.С. Пушкина в названии этой статьи взяты из черновика стихотворения «Вновь я посетил» (1835). Он предполагал этими строками завершить стихотворение, но в чистовом варианте не включил их, скорее всего, потому, что они носили характер патетики на фоне спокойного предшествующего повествования.

Для Пушкина поэзия стала его человеческой судьбой, а собственная личность в такой же мере переродилась в поэтическую судьбу.

Приближалась его 30-я годовщина. В его понимании – возраст критический. И понятно, почему для него всплывает на первый план его человеческая сущность: как он прожил ответственный период жизни своей. И вдруг он ужаснулся того, каким получается итог. Иного и не могло быть с ним. А ведь в самом недалеком будущем его ожидал высочайший взлет в его творчестве – болдинская осень. Он и готовил себя к ней, что нашло выражение в целом ряде его стихотворений 1828–1830 годов. Как художник он стал одним из немногих мировых гениев.

В «Воспоминании» (1828) он пишет:

Когда для смертного умолкнет шумный день

И на немые стогны града

Полупрозрачная наляжет ночи тень

И сон, дневных трудов награда,

В то время для меня влачатся в тишине

Часы томительного бденья:

*В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалеюся, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.*

«Воспоминание» – о нем самом как о человеке, а не как о поэте. Вообще же он взыскивал с себя больше как с поэта, а не как с человека. За этим стихотворением следует «Дар напрасный, дар случайный...». В рукописи названо «На день рождения», дата которого и стоит в заголовке стихотворения.

26 мая 1828

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?*

*Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..*

*Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Эти два стихотворения – крайняя мера взыскательности Пушкина. Пушкин словно пробует, до какой черты способен

дойти в недовольстве собою. Написав сначала, что с отвращением читает жизнь свою, а потом – что вообще она для него «Дар напрасный, дар случайный...», то есть что ее могло, а вернее, не должно было быть, по существу он высказал совсем другое: суть в том, какие препятствия встретил он на этом пути и какие из-за этого душевные муки перенес. Только и всего. Однако это и есть бытие наше во всей истине.

Напечатанное в 1830 г. стихотворение вызвало отповедь митрополита Филарета, который обратился к Пушкину со своеобразным пастырским посланием в стихах:

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без воли Бога тайной
И на казнь осуждена...*

Такое религиозное наставление было серьезно воспринято поэтом. «Стихи христианина, русского епископа, в ответ на скептические куплеты! – это, право, большая удача», – пишет он Е.М. Хитрово в январе 1830 г.

Однако уже 25 февраля 1830 года в «Литературной газете» (12) появляются пушкинские стихи «В часы забав иль праздной скуки...».

*В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей*

*Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

*И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.*

*Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.*

Стихотворение «В часы забав иль праздной скуки...» представляет нам Пушкина сразу и как поэта, и как человека. Читая это стихотворение, мы проникаем в истинную глубину его судьбы, преподнесенную в том и в другом разрезе, но и непременно вспоминая «Дар напрасный, дар случайный...». Получился удивительный, потрясающий диалог поэта с самим собою как человеком.

Стихотворение «В часы забав иль праздной скуки...» как бы противостоит стихотворению «Дар напрасный, дар случайный...», – а на деле является его продолжением. В первом Пушкин подвергает себя испытанию как человек, во втором – как поэт, однако он взывает с себя не вообще, а как с человека, наделенного великим поэтическим даром, ибо и собственное возвышение выражено в гениальной поэтической форме; осуждая же в себе поэта, будто изменяющего своему поэтическому призванию, он более подразумевает собственные человеческие качества, якобы мешающие быть в своей поэзии до конца самим собой. Перед нами, таким образом, конфликт в поэте человека и поэта, но как условие неразделимости их.

Отвечая Филарету, Пушкин свидетельствует, что усовещен, что раскаивается, вспоминая о прикосновении к «струне лукавой». Христианские мотивы нарастали и крепили в творчестве Пушкина, особенно позднего, особенно в 1833–1836 годах. Свидетельств этому можно приводить много, тут окажутся и такие крупные вещи, как «Медный всадник», как «Анджело», как «Капитанская дочка», и такие лирические стихотворения, как «Родрик», «Странник», «Чудный сон мне Бог послал», «Пир Петра Первого», как, наконец, знаменитый «каменноостровский цикл» 1836 года, во многом непосредственно посвященный христианским проблемам, порою воскрешающий евангелические сюжеты, перелагающий церковные службы и молитвы.

В частности, в стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны...» Пушкин довольно близко к тексту воспроизвел знаменитую великопостную молитву Ефрема Сирина.

Близко, но, разумеется, не буквально по тексту, – ведь Пушкин пишет стихотворение, то есть художественное произведение:

*Отцы пустынноики и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв.
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.*

*Но дай мне зреть мои, о божже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья.
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Всепроникающе духовна молитва св. Ефима Сирина:

«Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалаия и празднословия не даждь ми. Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми, рабу Твоему. Ей, Господи Царю, даруй ми зрети мои пригрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Однако сравнивать их по духовному совершенству нельзя: совершенство любой обращенной к Небу (к Богу, Богородице, к Ангелу-хранителю, к святым) молитвы иного качества, чем совершенство молитвы – части литературного текста, чья задача пробуждать в душах человеческих чувства добрые).

С молитвой мы непосредственно обращаемся к Богу, она для того и сложена. Но, оказавшись в художественном произведении, переложенная для него, она становится его частью: несет в себе и на себе его функцию – пробуждать в душах человеческих «чувства добрые».

Стихотворение «Пророк» написано Пушкиным 8 сентября 1826 г. по пути из Михайловского в Москву, куда он прибыл по приказу Николая I. В этот день состоялся разговор с царем, предоставившим поэту свободу передвижения и определившим себя цензором произведений Пушкина. Согласно одной из версий, возможно легендарной, когда Пушкин предстал перед Николаем, в его кармане лежал листок со стихотворением «Пророк». В нем были такие строки окончания:

*Встань, пророк, пророк России,
В позорны ризы облекись,*

Иди, и с вервием на выи

К У.Г. явись!

У.Г., по догадке М.А. Цявловского, расшифровывается как «убийце гнусному». Гнусным убийцей был Николай для него.

Пушкин был потрясен казнью друзей-декабристов. Убийцей император оставался для Пушкина и в дальнейшем.

По версии И.Ф. Наживина Пушкин сжег в печи «Пророка», когда за ним прибыл в Михайловское фельдъегерь.

В основу «Пророка» поэтом взяты отдельные мотивы библейской «Книги пророка Исайи» (глава 6, стихи 5–9).

*5 И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек
с нечистыми устами, и живу среди*

*народа также с нечистыми устами, – и
глаза мои видели Царя, Господа Саваофа.*

*6 Тогда прилетел ко мне один из Серафимов,
и в руке у него горящий уголь,*

который он взял клещами с жертвенника,

*7 И коснулся он уст моих и сказал: вот, это
коснулось уст твоих, и беззаконие твое
удалено от тебя, и грех твой очищен.*

*8 И услышал я голос Господа, говорящего:
Кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?*

И я сказал: вот я, пошли меня.

*9 И сказал Он: пойд и скажи этому народу:
слухом услышите – и не разумеете, и
очами смотреть будете – и не увидите.*

Слова «горе мне!» означают, что Исайя, подобно Петру, устрашен близостью Господа. Для приближения к Богу необходимо очищение. Жертвенник символизирует очищение кровью, а огонь – очищение Духом. Очищение освящает уста пророка, делая его способным изрекать слова.

Пророки были призваны Богом стать орудиями и проводниками Его откровения. Они были людьми Божиими, стоявшими в Его совете, понимавшими Его мысли и способными возвещать их народу. Пророк прежде назывался пророзорливцем (I Цар. 9.9). Эти слова – синонимы. Пророчество включало в себя предсказание, но обычным его содержанием были Божий предупреждения и увещевания, обращенные к Его народу.

Пророком Божиим является тот, кто возвещает слова Бога. Когда Бог не считает возможным говорить открыто (как говорил из горящего куста, или при вручении Закона, или когда Илия услышал голос Божий в тихом веянии ветра). Он говорит со Своим народом устами тех людей, которые избраны Им, чтобы служить рупорами Божиего откровения.

В предсказаниях говорилось о приходе после очистительных судов посланного Богом Царя и установлении на земле Его царства. Главной заботой пророков было привести народ к покаянию в надежде, что таким образом удастся избежать Божиих судов.

Особенно знаменитым среди иудейских пророков был пророк Исая. Сам Господь призвал Исаяю на высокое служение, и поэтому пророк являет самое преданное послушание воле Божией и безусловное доверие Ему. Пророческое слово Исаяи – это обличение вероотступников и предсказание грядущих наказаний.

Исаяя видел Господа сидящим на высоком престоле. Вокруг Него стояли шестикрылые Серафимы и зывали: «свят, свят, свят Господь Саваоф! Вся земля полна славы Его!» Один из Серафимов взял клещами горящий уголь с небесного жертвенника, коснулся уст Исаяи и сказал: «Вот, грехи твои

очищены». После этого Господь повелел ему идти обличать неверие и пороки иудеев.

Существенное отличие «Книги пророка Исаяи» и стихотворения «Пророк» заключается в том, что Пушкин – художник, чья образность, как это и положено в искусстве, – метафорическая. «Шестикрылый Серафим» в Пушкинском стихотворении заменяет герою человеческие органы восприятия на внечеловеческие: лишает его «трепетного» человеческого сердца, вместо него воздвигает «уголь, пылающий огнем», вкладывает «жало мудрыя змеи» вместо «грешного» («празднословного и лукавого») человеческого языка:

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещице зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,*

*И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

В результате такого «интенсивного очищения» пушкинский пророк приобрел сверхчеловеческое зрение и слух, но не утратил те самые связи с человечеством, без которых не может обойтись ни один поэт. Тем самым Пушкин говорит о миссии пусть метафорического, но пророка, в честь которого названо стихотворение. Пушкинский пророк призван провозглашать божественную суть искусства, реализовать пророческое назначение поэта: «глаголом жги сердца людей».

В 1844 году М.Ю. Лермонтов опубликовал свое стихотворение «Пророк»:

*С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.
Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.
Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;*

*Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.*

*Когда же через шумный град
Я пробиваюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:*

*«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!*

*Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»*

Лермонтов отвечает пушкинскому «пророку», отвечает, как видим, не сомневаясь в истинном смысле призвания героя Пушкина. Пушкинский пророк, томимый «духовною жаждою», влача свое существование «в пустыне мрачной», после совершенной над ним операции услышал «глас Бога»: «... обходя моря и земли//Глаголом жги сердца людей», то есть его призывают, ему повелевают идти из пустыни к людям. Лермонтовский пророк, побиваемый, как это часто случалось с пророками, камнями, бежит («посыпал пеплом я главу...») от людей в пустыню.

То есть, развивая пушкинскую тему, начиная там, где Пушкин ставит точку:

*С тех пор как вечный Судия
Мне дал всеведенье пророка... –*

Лермонтов выворачивает эту тему наизнанку – до неузнаваемости:

*В глазах людей читаю я
Страницы злобы и порока.*

Это был не только его спор с Пушкиным. Это был обычный способ его общения со своим предшественником – утверждение собственного – прямо противоположного пушкинскому – лирического характера. Так, когда в поле зрения Лермонтова попало одно из самых светлых, самых жизнеутверждающих стихотворений пушкинского цикла «Подражание Корану», то самое, где говорится о чуде воскрешения и омоложения, которое вдохнуло в человека веру, помогло ему обрести ее вновь, – Лермонтов тем же размером, той же строфической и почти теми же рифмами так переработал пушкинскую легенду, что она стала рассказывать о черной людской неблагодарности, о том, как за добро было заплачено злом («Три пальмы»):

*В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.*

.....
*Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан.
Кувшины звуча наполнились водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.*

*Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.*

.....
*И ныне все дико и пусто кругом –
Не шепчутся листья с гремящим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит –
Его лишь песок раскаленный заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.*

Вот и в «Смерти Поэта»: «Зачем он руку дал?.. Зачем поверил...» – леденящие душу вопросы. Но одновременно это и спор, полемика с Пушкиным. Оплакивая Пушкина, горя о нем, Лермонтов оспаривает такую характерную для пушкинского мировоззрения черту как доверчивость к людям, которая, по мнению Лермонтова, и привела к трагедии.

Виктор Аипчанский

Чем больше я живу на свете, тем больше Пушкина люблю

В православном церковном приходе Серафима Саровского в Новосибирске регулярно по воскресеньям проводятся молодёжные встречи, в том числе дважды в год: в день рождения и в день смерти величайшего русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Очередная такая встреча «Памяти А.С.Пушкина» прошла в воскресенье 9 февраля 2014 г., на которой председательствовал иерей Валериан (Давыдов), частый гость мероприятий, проводимых Пушкинским региональным обществом.

Встреча началась с молебна. Потом мной был прочитан черновой вариант стихотворения «Родрик», написанный Пушкиным в 1835 году, то есть за полтора года до его смерти, наступившей после смертельной раны, полученной поэтом во время дуэли с Дантесом в январе 1837 года.

Чудный сон мне Бог послал:

С длинной белой бородой,

В белой ризе предо мною

Старец некий предстоял

И меня благословлял.

Он сказал мне: «Будь покоен,

Скоро, скоро удостоен

Будешь Царствия Небес.

Путник, ляжешь на ночлеге,

В пристань, плаватель, войдешь...»

*Сон отрадный, благовецкий –
Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Близок я к моей кончине?
И страшуся и надеюсь,
Казни вечныя страшуся,
Милосердия надеюсь:
Успокой меня, Творец.
Но Твоя да будет воля,
Не моя. – Кто там идет?..*

Я обратил внимание на то, что Пушкин написал очень тревожное стихотворение-откровение и в конце стихотворения говорит о том, что идёт смерть и повторяет слова Иисуса Христа в Гефсиманском саду во время моления о чаше страданий. Иерей Валериан напомнил слова Иисуса Христа из Евангелие от Луки: «Отче! О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет».

Потом иерей Валериан сказал, что возможно успокоенность Пушкина послужила одним из отягчающих обстоятельств, что привело Пушкина непременно пойти на дуэль.

Далее мной был продекламирован отрывок из романа А.С.Пушкина «Евгений Онегин» (1823–1831 гг.) о дуэли Онегина с Ленским, и я сказал, что Пушкин в романе «Евгений Онегин», описывая дуэль Онегина с Ленским, пророчески почти во всех деталях описал свою предстоящую собственную дуэль с Дантесом.

*«Теперь сходитесь.» Хладнокровно,
Еще не целя, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,*

*Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставая наступать,
Стал первый тихо подымать.*

*Вот пять шагов еще ступили,
И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить – но как раз
Онегин выстрелил...Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет молча пистолет.*

*На грудь кладет тихонько руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не муку.
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая.*

.....
*Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!..»*

Потом я рассказал, как состоялась дуэль Пушкина и Дантеса, что Пушкин не обратил внимания на условия дуэли, а именно на то, что не было оговорено условие стрелять только подойдя к барьеру, что Пушкин был очень меткий стрелок и среди его развлечений в селе Михайловском была и стрельба по мухам на потолке; что Дантес был чемпионом по стрельбе и в случае, если бы они оба стреляли от барьера одновременно, то убили бы друг друга. Но Дантес, это понимая и уяснив условия дуэли, выстрелил, не доходя до барьера, как и герой романа Пушкина Евгений Онегин, пуля смертельно ранила Пушкина. Пушкин упал, оперся на левую руку, попросил за-

менить пистолет, который забился снегом, лежа прицелился, выстрелил, и Дантес упал, но Дантеса сбила с ног только сильная контузия; пуля пробила мясистые части правой руки, которой он закрыл себе грудь, и, будучи тем ослаблена, попала в пуговицу панталонов, эта пуговица и спасла Дантеса. Пушкин, увидя его падающего, бросил вверх пистолет и закричал: «Браво!» Иерей Валериан сказал, что Бог спас Пушкина, и народный поэт не стал убийцей, и также сказал о Божьем промысле, когда Наталья Николаевна Гончарова (жена Пушкина), проезжая в карете, не заметила Пушкина во встречной карете – в карете, увозившей Пушкина на дуэль. Далее священнослужитель сказал о том, что неверно мнение, мол, Пушкин искал смерти и его талант стал угасать. Напротив, Пушкин накануне дуэли принес домой стопку книг об истории Французской революции и в планах Пушкина было описать эту революцию, написать жизнь Иисуса Христа, написать своего «Фауста». И иерей Валериан заметил, что, может, эти новые произведения, написанные талантливейшей рукой, не соответствовали бы духу предыдущих гениальных произведений Пушкина.

Потом в разговоре подошли к тому, что Пушкин много цитировал из книг Нового и Ветхого Заветов в своих произведениях. Потом мной было прочитано гениальное стихотворение Пушкина «Пророк» (1825 г.), которое Пушкин вместе с трагедией «Борис Годунов» показал царю Николаю I в 1826 году после вызова в Москву из села Михайловское, где он отбывал ссылку.

*Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый Серафим
На перепутье мне явился;*

*Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.*

*Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

*И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.*

*И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую вдвинул.*

*Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».*

Иерей Валериан сказал, что Пушкин при написании этого гениального произведения использовал сюжет из Ветхого Завета из книги пророка Исаяи и что Пушкин раскрывает

процесс перерождения поэта, неудовлетворенного своей деятельностью, который с помощью серафима преодолевает свои вредные привычки, свои пристрастия, обретает пророческий дар, что пророк – это избранник Божий, который видит, замечает главное и способен повести за собой других людей. Со слушателями обсудили, что Пушкин в своём «Пророке» даёт совет – надо постигать мир, не копить свои знания и умения в себе, а щедро делиться ими с людьми, быть готовыми просвещать их дух, обогащать их чувства и сердца. Иерей Валериан особо выделил строки:

*«И внял я неба содроганье
И горный ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье...».*

А я добавил, что, согласно преданию Пушкин вёз в Москву стихотворение «Пророк» с двумя вариантами окончания и даже собирался прочесть царю другой вариант в связи с наступившей после восстания декабристов реакции, в этом варианте с огромной силой утверждалась правота дела повешенных Николаем I декабристов. Пушкин будто бы имел в виду, в случае неблагоприятного исхода объяснений с царём, вручить ему на прощание резкий вариант своего «Пророка».

*«И Бога глас ко мне воззвал:
Встань, встань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди и вервием вокруг выи
К убийце гнусному явись».*

Но варианта «Пророка» с таким резким окончанием Пушкин не обнаружил в своих бумагах на приеме у царя и благо-

разумно прочитал всем известный вариант по христианским меркам завершенного разговора с Богом и Его ангелом.

Далее я прочитал строки из стихотворения Пушкина «Памятник» (1836 г.), в котором Пушкин подводит итог своей жизни:

*... Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.*

*И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокой век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.*

*Веленью Божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца;
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.*

Я попросил молодежь обратить внимание на то, что в этих строчках кроется ключ к разгадке всенародной вечной любви к произведениям Пушкина, ведь все они навеяны светом добра, Свободы и истины, согласно воле Божьей, и что стихи солнца русской поэзии объединяют всех людей России разной национальности. И ещё я попросил обратить внимание на то, что в стихах Пушкина есть русский дух и восхищение русской силой и напомнил строки Пушкина из поэмы «Руслан и Людмила»

«Там русский дух... там Русью пахнет!»

*«Меж тем, на воздухе слабея
И силе русской изумясь,*

*Волшебник гордому Руслану
Коварно молвит:» Слушай, князь!
Тебе вредить я перестану;
Младое мужество любя...»
И слова Руслана:
«Теперь ты наш: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силе!
Неси меня к моей Людмиле!»*

А иерей Валериан сказал, что Пушкин, к сожалению, не всегда придерживался тех канонов, к которым призывает всех, – в частности клевету на себя в 1837 году Пушкин не смог принять равнодушно и дело закончилось смертельной дуэлью. И тут я вспомнил строки Пушкина, которые как-то объясняют поведение гениев:

*«О, сколько нам открытий чудных
готовит просвещенья дух:
и опыт, сын ошибок трудных,
и гений, парадоксов друг,
и случай, Бог изобретатель».*

Потом мной был прочитан монолог Бориса Годунова из трагедии А.С.Пушкина «Борис Годунов».

*Мне счастья нет. Я думал свой народ
В довольствии, во славе успокоить –
Щедротами любовь его снискать,
Но отложил пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умеют только мёртвых.
Безумны мы, когда народный плеск
Иль ярый вопль тревожит сердце наше!
Бог насылал на нашу землю глад,
Народ завыл, в мученьях погибая;*

*Я отворил им житницы, я злато
Рассыпал им, я им сыскал работы –
Они ж меня, беснуясь, проклинали!
Пожарный огонь их дома истребил,
Я выстроил им новые жилища.
Они меня в пожаре упрекали!
Вот черни суд: ищи ж её любви.*

*Ах! чувствую, ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть.
Так, здоровая, она восторжествует
Над злобою, над тёмной клеветою.
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда – беда! как язвой моровую
Душа сгорит, нальётся сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрёк,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда...ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.*

Иерей Валериан обратил внимание на то, как Пушкин точно подметил недовольство людей жизнью: засуха – плохо – нет урожая, а когда много урожая – тоже плохо – не знают, куда девать весь урожай. И, конечно, иерей Валериан попросил всех слушателей обратить внимание на то, как Пушкин тонко и точно говорит о совести, главном мериле душевного состояния человека, и что общественный лидер должен быть личностью и его человеческая совесть должна быть чиста.

И я добавил, что трагедия «Борис Годунов» была написана в 1825 году и прочитана вместе со стихотворением «Пророк»

в 1826 году царю Николаю Первому, когда царь вызвал Пушкина в Москву из Михайловского, где Пушкин находился в ссылке за вольнолюбивые стихи (а был сослан туда русским царём Александром I). При этом трагедия «Борис Годунов» была тут же запрещена к печати царём Николаем I, несмотря на то, что Пушкин был назван им «умнейшим человеком России».

Потом все дружно вспоминали стихи Пушкина и восхищались огромным словарным запасом величайшего поэта, прекрасными точными эпитетами и синонимами. И в частности, вспомнили, что в стихотворении «Пророк» сердце трепетное, а в черновом варианте стихотворения «Родрик» – сердце жадное.

Я рассказывал, с какой любовью дети из детской студии чтеца «Муза», (при Каменской общеобразовательной школе №44 в поселке Восход Новосибирского района), которой я руковожу вот уже 13 лет, любят читать и разбирать по строчкам стихи именно Пушкина за их гармонию, мелодичность, лёгкость понимания и заучивания; как они, недавно враждовавшие между собой, становятся закадычными друзьями после посещения занятий студии чтеца, как они потом быстро заучивают стихи других поэтов и ещё больше восхищаются стихами Пушкина. И всегда в таких случаях на ум приходят строчки А.С.Пушкина:

*Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.*

*Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Все те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское село.*

Потом мной был прочитан отрывок из романа «Евгений Онегин», где Онегин признаётся в любви Татьяне, а следом прочитано было стихотворение «Осень» и, в частности, прозвучали строки:

*И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русской холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят – я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн – таков мой организм...*

И иерей Валериан сказал, что вот он образ мышления молодого человека минувшего и настоящего времени, как и Евгений Онегин – образ современного человека, что ничего не изменилось с тех давних времён, что действительно роман «Евгений Онегин» – «энциклопедия русской жизни» – как его назвал В.Г.Белинский. Когда же прозвучали завершающие строки стихотворения «Осень»:

*....И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута – и стихи свободно потекут.*

*Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу – матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз – и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны!*

Один из слушателей воскликнул: «Вот уж действительно громада стихов Пушкина движется по планете по сей день!».

Священник Валериан обратил внимание на то, что Пушкин написал почти все свои лучшие произведения будучи в

ссылке или в «затворе», когда из-за эпидемии чумы должен был жить в Болдино, то есть во время когда он находился в стороне от мирской суеты и мог полностью посвятить всего себя творчеству.

И вновь говорили об огромном словарном запасе Александра Сергеевича Пушкина, а именно, что его словарный запас составляет 25 тысяч слов.

Говорили о том, что сейчас всё более и более засоряют русскую речь иностранными словами.

Иерей Валериан сказал, что восхищается публицистическими работами о русском языке Василия Ирзабекова, который сильно переживает о засилии иностранных и скверных слов в современном русском языке. А я вспомнил высказывание Василия Ирзабекова, что «интенсивность заимствования чужеродной лексикой в России достигла угрожающих темпов, доходя до 10%, в то время как уже 3 % считаются катастрофой для любого языка.»

И тут я вспомнил высказывание русского царя Николая II: «Русский язык так богат, что позволяет во всех случаях заменять иностранные выражения русскими. Ни одно слово неславянского происхождения не должно было бы уродовать наш русский язык».

После занятия некоторые слушатели заявили о желании прочтения произведений Пушкина, в том числе и трагедии «Борис Годунов», а я сказал, чтобы обратили внимание на пророческую гениальную последнюю фразу в этой трагедии. Слушатель спросил: «А какая фраза, скажите!». А я ему ответил: «А вот когда дочитаете трагедию до конца, то сами узнаете!».

В конце я опять вспомнил о том, как в детскую студию чтеца «Муза» в 2003 году завуч школы привела маленькую девочку из первого класса Сашу Шаталову и как эта девочка

с огромным удовольствием читала зарисовки о зиме из романа «Евгений Онегин», как мы разбирали каждую строчку этого стихотворения. Я обратил внимание слушателей на то, сколько событий происходит в этом маленьком стихотворении и какой настрой они дают душе.

*Зима   Зима!... Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...*

Потом я рассказал, как дети любят сказки Пушкина, и что постоянно мы со студийцами учимся читать стихи именно по сказкам Пушкина, каждое полугодие выбирая очередную сказку, что недавно с ребятами из студии чтеца «Муза», с учениками 5 класса, мы подготовили мудрейшую, поучительную сказку Пушкина «Золотой петушок», а потом записали её на радио 7 февраля, приурочив ко дню памяти А.С.Пушкина.

При жизни Пушкина цензура не пропустила следующие стихи в сказке о золотом петушке: «Царствуй, лёжа на боку» и «Сказка ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок». В этих строчках и кроется глубинная мудрость этой сказки. Я

рассказал, что на вопрос редактора радио: «О чём же сказка Пушкина?», Егор Матросов ответил: «О том, что царь плохо управлял своей страной, и мудрец с золотым петушком хотели помочь ему, но он сначала согласился на помощь, а потом, увидев шамаханскую царицу, забыл про всё, даже про своих погибших сыновей, а главное царь не сдержал своего царского слова, обещанного мудрецу, поступил нечестно, убил мудреца и сам поплатился за это» И тут все слушатели согласились с тем, что все сказки А.С.Пушкина очень мудрые, они о борьбе добра со злом. Иерей Валериан сказал, что и здесь Пушкин пишет о нас, о нашем времени и что у него любимое произведение Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке».

На протяжении встречи все дружно восхищались эпитетами Пушкина в его произведениях и, в частности, я напомнил строки из поэмы «Руслан и Людмила»:

*«Уж побледнел закат румяный
Над усыпленную землей;
Дымятся синие туманы,
И всходит месяц золотой;*

*Померкла степь. Тропою темной
Задумчив едет наш Руслан
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный
И что-то страшное храпит.*

*Он ближе к холму, ближе – слышит:
Чудесный холм как будто дышит.
Яснеет; смотрит храбрый князь –
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.»*

Тут я рассказал слушателям, что напрасно некоторые современники Пушкина пытались критиковать его за то, что, мол, все сюжеты для сказок он взял из рассказов его няни Арины Родионовны. Но это не так, в частности, персонаж «живая голова» это чисто выдумка самого Пушкина. Причем я рассказал слушателям о том, что после издания поэмы «Руслан и Людмила» неизвестный критик в известном журнале «Сын Отечества» выступил с замечаниями в адрес Пушкина, и среди замечаний было и такое, что лучше бы колдун Черномор спрятал чудесный меч не в поле под «живую голову» своего брата, а спрятал бы у себя во дворце под кроватью, мол, это было бы сохранней. Но тогда бы мы были лишены чудесного описания Пушкиным, великим мудрым сказочником, сцены боя русского богатыря Руслана с «живой головой».

В конце занятия была отслужена панихида по душе усопшего раба Божьего Александра.

Как руководитель детской студии чтеца «Муза» и как член правления Новосибирского регионального Пушкинского общества я высоко оцениваю ту деятельность священнослужителей Димитрия (Сальникова) и Валериана (Давыдова), которую они проводят по пропаганде творческого наследия гениального русского поэта А.С.Пушкина.

В заключение Иерей Валериан сказал: «Остаётся нам дружно воскликнуть: «Ай да, Пушкин!», а я на ходу прочитал своё стихотворение, где есть такие строки: «Чем больше я живу на свете, тем больше Пушкина люблю!».

Наши юбиляры

85-летию

Анатолия Чернышёва

Поэзия без грима

Анатолий Александрович ЧЕРНЫШЁВ родился в 1930 году. Работать начал с 14 лет – сапожником, разнорабочим, токарем по дереву и металлу, директором ДК на Камчатке.

В газету «Молодость Сибири» пришел с хорошим житейским опытом. А через несколько месяцев, выдержав творческий конкурс, был вызван на вступительные экзамены в Литературный институт им. Горького. Затем работал редактором «Последних известий» на Новосибирском радио. С 1975 г. – в Центре НТИ Новосибирска (еженедельный выпуск радионовостей). Работал редактором в Западно-Сибирском книжном издательстве, редактором многотиражной газеты «Энергостроитель», которая уже через полгода стала одной из лучших газет Минэнерго. Публиковался в новосибирских и центральных газетах и журналах. Выступал по областному, республиканскому и Всесоюзному радио. Автор нескольких поэтических сборников, его стихи публиковались в журналах «Смена», «Октябрь», «Сибирские огни» и коллективных сборниках.

Член Союза журналистов России с 1968 г.

Галактики

Мир многолик, огромен, полновесен

И осязаем, как живая плоть,

По всей Вселенной города и веси

Раскинул созидающий Господь.

Наверно, шёл за ангелами следом,

Сверял задумки их и чертежи.

А может, чертежей Господь не ведал

И строил по наитию души?

Святой импровизации законы

Манили в неизведанность.

И что ж? Кому пейзажи наши

не знакомы?

От красоты подобной не уйдёшь:

Глядишь, глядишь,

И сердце тает, тает:

Такая живописность на земле.

Есть в этом интуиция святая,

Рождающая отклики во мне.

А на других галактиках такое ж?

А может, ярче, красочней, чем здесь?

Я Господа отнюдь не беспокою,

Но есть неутолённость во мне, есть.

И звёзды манят, Нестерпимо манят,

Мол, есть и там дубравы и луга.

И огонёк там светится в тумане,

И дышат ароматами стога.

А нравы там не требуют законов,

Не требуют карающих статей.

Без кодексов обходятся каноны,

Без хитрых юридических затей.

И в этом суть, Важнее всякой сути.
Закон не нужен, если честен ты.
Живут ли там
без меркантильной мути?
Хватает ли духовной чистоты?

* * *

Есть топ-модель, топ-менеджер,
топ-киллер.

А Пушкин топ?
А Путин тоже топ?
У топ-Чубайса плавники под килем,
И потому в реформах не утоп.
Он топ из топов:
Так обул державу,
А держится, как рыба, на плаву.
До пенсии продержится, пожалуй,
К лучине приучавший всю Москву.
Живём при топах,
Весело и дружно,
Распиливаем радостно бюджет.
Бомзам, пожалуй, ничего не нужно.
У них иной финансовый сюжет.
Но что-то заворочалась Россия.
У прокурора груды срочных дел:
Топ-менеджеры круто замесили
Реформу под названьем «передел».
Он день и ночь бумаги подшивает.
На полки выставляются тома.
Стоит за ними очередь живая
На станцию по имени «тюрьма».

Лихие омота

Как жадно мы читаем детективы.
Над книгой умираем до утра.
А тут такое яростное «чтиво»,
Такая бесшабашная игра,
Что стынет кровь.
И судьи стонут, стонут!
И гнутся в страхе ножки у стола,
Когда везут увесистые тонны,
Крутые криминальные дела.
Вот вам и суд,
Неотвратимый, скорый,
Когда по делу до трёхсот томов.
И надо вникнуть как-то в эту гору,
В хитросплетенья всех полутонов.
А тут звонки:
То клановая крыша,
То должностной, уверенный басок.
Твой голосок никто и не услышит,
Когда буквально целятся в висок.
Тут густо всё пропахло криминалом.
Тут спёртый воздух.
Тут отстой зла.
Всю накипь в эти горькие анналы
Сама эпоха, видно, занесла.

Маски

Разбой живёт прикрытый чёрной маской.
Да и ОМОН без маски никуда.
А на святых иконах дышит ласка,
Доверчивость живёт и доброта.

Да, лица прячут.
Но не прячут лики.
Они глядят на нас через века.
И думы их о вечном, о великом,
Куда ведет всевышняя рука.
Она ведёт по взлётам и прорухам
Через века, эпохи, времена
К высотам человеческого духа,
Где нет личин,
Где маска не нужна.
Где души и радушны, и открыты
И лица как на святости икон.
Где доброта людей превыше быта
А «не убий!» – неписанный закон.
Что эти «государевы» посулы,
Когда живёшь на жалкие гроши?
Как подаянье ветерану сунут
Не пенсию, а слёзы для души.
Заварим чай – испытанное средство,
Присядем на продавленный диван
И окунёмся с головою в детство,
Где сказки пересказывали нам.
Что будет всё по щучьему веленью:
Бери, что хочешь,
Даром,
Без гроша.
Что так задумал сам товарищ Ленин,
А у него добрейшая душа.
Ну как вы там, радетель наш, за гранью
Без явок и фальшивых паспортов?
Все эти ухищренья и старанья
Годятся только дома, для «ментов».

А Бог всеведущ.
Он хозяин мира,
Который переделывали вы.
Наверно, стали дельным бригадиром:
Ведь гениальность прёт из головы.
А я сижу на стареньком диване,
Продавленном – выбрасывать пора.
Но мыслями, радетель наш, я с вами.
И старый пёс прижался у бедра.
Большой, лохматый.
Мордой – на колени.
Всё понимает, но не говорит.
Я говорю ему, товарищ Ленин,
Что сказка синим пламенем горит.

* * *

Что коммунизм?
Одна шизофрения.
Он по Европе бродит, как фантом.
Но у него, наверно, аритмия:
Не заглянул ни разу в русский дом,
Где ублажают вкусными вещами.
Где кулинары, бедные, в поту.
Они по телевизору вещают,
Как самому готовить вкусноту.
Они сбивают сливки виртуозно.
Они из фруктов выжимают сок.
Они, ножом размахивая грозно,
Отхватывают лакомый кусок
Баранины,
Говядины,

Свинины, –
Что пожелает русская душа.
Обжорный ряд!
Сплошные именины!
И это всё не стоит ни гроша.

И это всё – безудержно, обвалом,
Чтоб было всем и сытно, и тепло.
Как жаль, что в рот ни капли не попало
И по усам, конечно, не текло.

* * *

Ломались судьбы.
Вешались.
И плакали.
Или о стенку бились головой.
А юмористы шли на вас атаками,
Не замечая всенародный вой.

Ах, как старались!
Байки.
Анекдоты.
Годилось всё, чтоб души разогреть,
Бросались на арену, как на доты,
Готовые в запале умереть.

О, скоморохи!
О, шуты отменные!
Вы душу вынимали на испод.
Попсою исходили неумелою.
И за кулисой вытирали пот.

Обхохотаться можно.
Но не смехом
Обвальный зал оплачивал успех.

Фанаты рёвом славили потеху.
Сегодня это вызывает смех.
Отхохотали два десятилетия.
Отпрыгали без горя и забот.
И у шутов растерянность заметил я,
Как будто сели в поезд,
Но... не тот.

* * *

Человек малюет на мансарде.
Вечерами.
И при свете дня.
Не для «золотого миллиарда»,
Для меня малюет,
Для меня.
Не шедевр,
Торговую рекламу.
А зачем, кому она нужна?
Ведь в почтовом ящике от хлама
Не всегда дотянешься до дна.
А вокруг – работы мне!
Работы! –
Толпы безработные вопят.
Человек стал лишним на планете.
Вот и конь почти полузабыт.
Он ушёл, а кто-нибудь заметил,
Загрустил о цокоте копыт?

Живые лики

Молюсь на тех, которых уже нет.
А кажется, что рядом они,
Рядом!
И между нами нет печальных лет

И ритуальных горестных обрядов.
Оставив на земле свои тела,
Они парят в космических просторах
И видят наши грешные дела,
И слышат горечь наших разговоров.
Я вижу лики.
И в вечерний час.
И ясным днём.
В дороге или дома.
О матери подумал я сейчас,
И вот он, облик, издавна знакомый.
Да, только облик.
Но зато какой!
Как будто с ним мы и не расставались.
Он излучает мудрость и покой,
Какой и в жизни встретишь ты едва ли,
Мне говорят о квантах и о том,
Что вездесущи малые частицы,
Мол, через стену проникают в дом.
А я не кванты вижу.
Вижу лица.
Я вижу их бесплотных, но живых,
Таких доступных и душе, и глазу.
Они парят в просторах неземных,
Вселенную охватывая разом.
И здесь они.
Со мною.
Как всегда.
Что может быть желанней и прекрасней?
Горит моя счастливая звезда.
И пусть горит
И никогда не гаснет.

*Поэтические
страницы*

Марианна Майская

Девчонки-солдаты

*«Женщина дает жизнь,
женщина оберегает жизнь,
женщина и жизнь – синонимы»
Светлана Алексиевич*

Девчонки – вчерашние школьницы,
В те грозные годы войны
Оставили тихие горницы,
Священному долгу верны.

Не зная суровой реальности,
Девчонки, просились на фронт.
Брались за любые специальности:
«Лишь только бы выжил народ».

Могли управлять самолётами,
Сапёром ползти по мосту,
Командовать взводами, ротами,
Ночами стоять на посту.

На равных с мужским населением,
Родной необъятной страны,
На благо другим поколениям
Терпели все беды войны.

Сражаясь с врагами проклятыми:
Девчонкам, пришлось убивать.

Они же ведь стали солдатами,
Хоть жизнь рождены создавать.

А после войны уцелевшие,
Видавшие уйму смертей,
На целую жизнь повзрослевшие,
Любили, растили детей.

Девчонки – лихие задорницы,
Жестокой военной поры,
Поющие, милые горлицы,
Мы подвигом Вашим горды!

Великое милосердие

*Тамаре Степановне Умнягиной,
гвардии младшему сержанту,
санинструктору,
уроженке города Минска,
посвящается...*

А в Сталинграде всё горело
И Волга-матушка река.
Земля от крови багровела
И багровели облака.
Солдаты раненые всюду
Зовут и стонут всё сильнее:
«Скорее, милая сестричка!»
Как эхо слышалось над ней.

И вот она на поле-боя,
Минчанка Тома – медсестра.
Пред нею раненые двое,
Как два дымящихся костра.

Их ноги «высоко отбиты»
И оттого тащить трудней.
«Скорее, милая сестричка!»
Как эхо слышалось над ней.

В дыму она не разглядела,
Что прихватила чужака.
На миг задумалась: «Что делать?»
Но знала уж наверняка:
«Ведь если я его оставлю,
Он кровью истечет своей».
«Скорее, милая сестричка!»
Как эхо слышалось над ней.

То было время роковое –
Шли напряжённые бои.
Но милосердие вековое
У русской женщины в крови.
И потому спасенье жизни
Ей было всё-таки важней.
«Скорее, милая сестричка!»
Как эхо слышалось над ней.

Вальс о девчонках солдатах

I

Война в сорок первом
Застала девчонок тех.
Надорванным нервом
Сменился девичий смех.
Их выбор был прост –
«Скорее на фронт.
Родная Отчизна на подвиг зовёт!»

II

Острижены косы
И платьице позабуди.
Сухие вопросы:
«Умеешь стрелять? Так в путь!»
Дорога длинна,
Но им не до сна,
Бомбёжка повсюду всё громче слышна.

III

Девчонок немало
Сгубила тогда война.
Хоть трудно бывало,
Исполнили долг сполна.
И ставши сильней
В той страшной войне
Сражались девчонки за мир на Земле.

ДИТЯ ВОЙНЫ

*Участнику войны,
учительнице начальных классов
Варваре Ивановне Красноруцкой*

По-весеннему хороший
Этот будничный денёк,
Липнет, будто бы калоши,
Грязь черна как уголёк.
Оказавшись в светлом зале
Среди тех, кому почёт
Эта женщина едва ли
Сразу взгляды привлечёт.

Искорёженное детство,
Боль войны перенесла
И досталась ей в наследство
Лишь отметка из числа.

Не заметит и прохожий
Что учителем была,
Что в подмогу ангел божий
Подарил ей два крыла.

Улыбнётся простодушно,
Вверив искорки тепла
И ладонь свою послушно,
Чтоб до дома довела.

Как просто русским называться

Как просто русским называться
там, где слышна родная речь:
босым гонять по полю братца
иль под березками прилечь,
в речушке вдосталь накупаться
иль натопив пожарче печь
напарить тело до багрянца
иль чаем небушко обжечь.

Не просто русским называться:
дом заколачивать гвоздём;
помочь в блокаде ленинградцу,
что голодом не побеждён;
терпеть, страдать, но не сдаваться
под Сталинградом, под Орлом
громить врага-хриstopродавца
в святой борьбе с фашистским злом.

Как горько русским называться:
смотреть на плачущую мать,
ребят «чеченца» иль «афганца»
за грузом «двести» принимать.

И гордо русским называться,
где не слышна родная речь:
не доверяться самозванцу
и землю русскую беречь!

Борис Тучин

Десятая глава

I

В глазах черно от злого дыма.
Во мгле свободные слова
Пожрёт огонь. Неотвратимо
Горит десятая глава.
Ночной прискорбен труд поэта:
Исчезнет текст в лучах рассвета.
Сюжет собьется и замрёт.
Поэт писать перестаёт.
Дворовый мальчик наготове
Всю боль с хозяином делить
И перья новые чинить.
Он пожеланья чутко ловит.
А за чадящим очагом
Следит, как будто за врагом.

II

Монарх спросил: – Скажи мне, Пушкин,
Когда бы рок тебя призвал,
И ты б, как Лунин иль Якушкин
В рядах мятежников стоял?
И ты, в несбыточном угаре,
Восстал бы против государя?
И с ними, в статском сюртуке,
Стоял с оружием в руке?

– Да, государь, во имя братства
Я с теми мысленно стоял,
Чей совершенный идеал –
Навек повергнуть цепи рабства.
...О том горящие слова.
О том десятая глава.

III

Он заподозрен в соучастье.
Над ним глумятся подлецы.
Неровен час – его запястья
Сожмут кандалные рубцы.
«Онегин держит путь на площадь.
Читатель, может быть, и вы?..»
Декабрь плюмажный строй полощет
Ветрами льдистыми с Невы.
Восставший разум гонит строки.
В Сибирь, по манию царя,
Друзей везут фельдъегеря.
В Читу, в острог несутся тройки.
На жизнь в оковах среди стуж.
«Там генерал, Татьянин муж».

IV

Аудиенции добилась.
Сам царь ее отговорить
Пытался. Вот что говорилось:
– Я должен вас предупредить...
– Ваше величество, я еду!
– Вы навлечете только беды
И на себя и на детей.
...Развязки судеб так не схожи.

Татьяна учится варить.
И печь хлеба, стирать и шить.
Онегин Таню не тревожит.
Ему в романе век прожить.
А ей на каторгу спешить.

V

Он вырос – мальчик, чьи салазки
Когда-то Пушкин описал.
Он первым пушкинские сказки
И слышал, и потом читал.
Он обращается к поэту.
Чтоб экзекуцию вот эту
Прервал. Он слезы льёт, прося.
...Глава сгорела, да не вся.
Слуга из пепла тихо вынет
Обрывки слов и строк, и фраз –
Поэта прерванный рассказ –
И сбережёт их, как святыню.
Молва: про то Некрасов знал.
И русских женщин воспевал.

Эхо весны

Рассветная сутемень рдела
в огне отдалённых зарниц.
Вот снова весна прилетела
на крыльях вернувшихся птиц.

Из почки старинного клёна
проклюнулся первый листок,
чтоб после в узоре зелёном
раскинулся ближний лесок.

Шуршание волглого снега
на миг успокоит меня
короткой заплатой ночлега
на тканях взошедшего дня.

Всё радостней, всё интересней
движение с приходом тепла.
К Вакхической пушкинской песне
опять моя жизнь потекла.

И вместе с волнующей тайной
на белое поле листка
легко и как будто случайно
спешит опуститься строка.

Питомцы пушкинской поры

Н. П. Трухиной

У почитаемых могил,
где нет отбоя от туристов,
где я почтительно бродил,
стоят потомки декабристов.

Питомцы пушкинской поры,
они стоят с другими вместе
там, где покоятся миры
свободы,
верности
и чести.

Года...
Хоть сотни лет живи,

сюда тропа не зарастает.
Неистребимый дух любви
над этой публикой летает.

Открыто множество причин
читать память предков неуклонно
соотношеньем величин
любови
с достоинством поклона.

Громады времени летят.
Из мрака звездочки блестят...

*Пушкинское
общество
в Эстонии*

Ольга Савкина

К 10-летию Пушкинского общества в Эстонии*

Десять лет – много это или мало? В жизни человека – это возраст на границе детства и отрочества, когда многое освоено, но еще больше предстоит узнать и главное – найти свое место в жизни. Для организации за десять лет уже определены приоритеты, обретен стержень в работе, привлечены соратники и единомышленники. 10 лет – первый юбилей, когда можно подводить итоги.

Пушкинское общество в Эстонии было зарегистрировано осенью 2001 года с подачи и при поддержке Николая Васильевича Соловья, тогдашнего председателя Славянского (ныне Русского) просветительного и благотворительного общества. В конце XX века, в дни, когда весь просвещенный мир готовился к празднованию 200-летия со дня рождения великого русского поэта А.С. Пушкина, он благословил нескольких активистов общества на поиск пушкинских «следов» в Эстонии. Сам поэт, как известно, в Эстонии никогда не был. Но еще при жизни поэта в Ревеле, модном в первой половине XIX века курорте, отдыхали родные и друзья Пушкина, он писал сюда письма, и литературных салонах читали его произведения. Он очень хотел приехать сюда... Не случилось... Обер-комендантом Ревеля и середине XVIII века был прадед Пушкина Абрам Петрович Ганнибал. Здесь он встретился с прабабкой поэта Христиной Региной фон Шёберг, здесь они

---

* «В гражданстве Северной державы...»: Пушкинское общество в Эстонии. – Таллинн: Aleksandra, 2014. – С.74–78.

венчались в Преображенской церкви, и здесь, в Ревеле, родился его дед Осип (при рождении нареченный Януарием).

Пушкинское общество начиналось с полутора десятков человек, которые первыми откликнулись на появление новой общественной структуры под эгидой Славянского просветительного и благотворительного общества. На сегодняшний день общество объединяет более 150 человек.

Что приводит людей в общество? Наверное, у каждого свой интерес. Это желание приобщиться к изучению творчества великого русского писателя «золотого века русской литературы» – Александра Сергеевича Пушкина, это потребность узнавать что-то новое непосредственно «от человека к человеку». Это и возможность побывать в тех местах, где жил поэт, где зрела его муза.

Но есть и нечто другое, в наши дни более важное, – это желание общаться. Да, у каждого в доме есть Интернет, есть телевидение, но они никогда не заменят человеку радости непосредственного общения. А для женщин – это еще и возможность, как говорят, себя показать и на людей посмотреть.

Да, большинство членов общества – женщины, которые более активны во многих вопросах современной жизни: и в театре их больше, и на различных мастер-классах, и на экскурсиях. Но за женщинами потянулись и их мужья. Членами общества являются несколько супружеских пар: Стороженко и Сахаровы, Денисенко и Ивановы, Сибул и Монаховы. Более того, вместе с родителями и бабушками, членами Пушкинского общества становятся их дети и внуки. Большинство из них присутствовали в Большом зале Центра русской культуры 28 октября.

Руководство Пушкинским обществом в настоящий момент осуществляют – Валерия Бобылева (председатель Пушкинского общества), Людмила Градова (художественный руково-

дитель) и технический секретарь Галина Гаврилова. За этими прозаическими словами стоит очень хлопотная обязанность быть ответственным за состояние всех технических и хозяйственных дел (учет членов общества, сбор членских взносов, организация автобусных поездок и многое другое).

Добрым словом хочется отметить людей неравнодушных и инициативных: журналиста Светлану Иванову, мастеров фотографии Леонида Стороженко, Светлану Сахарову, Веронику Лобанову, программиста Любовь Федотову, бухгалтера Наталию Базылеву. Активными путешественниками по пушкинским местам зарекомендовали себя Эльвира Стацекко и Галина Полушкина, Тамара Мешкова и Зинаида Шубина, Марина Зотикова и Эмилия Кудрявцева и многие-многие другие.

На юбилейные мероприятия были приглашены все члены Пушкинского общества, их семьи, родственники и друзья, а также гости из ближнего (Латвия, Литва, Россия) и дальнего (Германия, Словакия, Украина) зарубежья.

Насыщенная праздничная программа началась 26 октября с открытия в Центре русской культуры выставки «Пушкинское общество в Эстонии – 10 лет». Многочисленные фотографии красочно рассказали о пребывании эстонских пушкинистов в святых для каждого культурного человека местах, там, где и в XXI веке ощущается присутствие духа гения – Александра Сергеевича Пушкина. На фото – Михайловское и Болдино, Тверь и Берново, Остафьево и Ярополец, Киев и Каменка, Одесса, Москва и Санкт-Петербург. На выставке представлены материалы научной и культурно-просветительной деятельности общества, среди которых два сборника пушкинских чтений (изданных, кстати, с привлечением средств самих членов ПО), публикации в местных журналах и газетах. В юбилейном году вышли в свет две крупные монографии: о

лицейстах-балтийцах Аллы Беленковой («Святому братству верен я...») и исследование Валерии Бобылевой о немецких родственниках и генеалогических связях семьи жены Пушкина – Натальи Гончаровой («... И сердцу девы нет закона»).

28 октября на торжественный вечер в Большом зале ЦРК собрались почитатели творчества А.С. Пушкина и все равнодушные к русской культуре люди. Приглашения на вечер были направлены всем общественным организациям, городским и республиканским структурам. Правда, из местных, «официальных лиц» пожелали прийти немногие. Зато на приглашение откликнулись гости из-за рубежа: на сцену с приветственными словами поднимались представители Германии, Латвии, Словакии, Украины, России. Со сцены звучали поздравления гостей из Тарту, от Посольства Российской Федерации, от Союза русских просветительных и благотворительных обществ, от Таллинского общества славянских культур.

В адрес Пушкинского общества были зачитаны поздравительные письма от Государственного музея А.С. Пушкина (Москва), Новосибирского Пушкинского общества, Педагогического лицея им. А.С. Пушкина Новосибирска, а также из Праги, из Народной Славянской библиотеки.

Сюрпризом для участников вечера стал просмотр фильма, смонтированного Любовью Федотовой из фотографий, привезенных из поездок по пушкинским местам России и Европы. Удивительное это чувство – узнавать увиденное на цветных снимках, спроецированных на большой экран. И многим при этом хотелось сказать: «И я здесь был(а)».

После торжественной части в качестве творческой программы было запланировано концертное исполнение комической оперы на пушкинский текст – «Сказка о попе и работнике его Балде». Автор музыки – художественный руководитель Рус-

ского Филармонического Общества Владимир Игнатов. Исполнение оперы солистами РФО и детским хором «Аллегро» под руководством Светланы Заугаровой публика встретила с теплом и интересом и наградила создателя, музыкантов и детский хор бурными аплодисментами.

29 октября в Малом зале РКЦ состоялась конференция «Международное Пушкинское движение».

По традиции, перед каждым заседанием пушкинистов (конференция, семинар, творческая встреча или концерт) собравшимся представляют новых членов общества и вручают им членские билеты. Вот и на этот раз председатель Пушкинского общества Валерия Бобылева познакомила собравшихся с новыми участницами и вручила им членские билеты.

Но главное на конференции – это доклады зарубежных гостей и членов Пушкинского общества.

На следующий день, 30 октября, гости совершили автобусное путешествие в город Тарту, где многое, связанное с Тартуским университетом, переносит нас в XIX век и напоминает пушкинское время.

В заключение хочется вспомнить пророчество русского поэта и критика, автора нескольких книг о Пушкине Владислава Ходасевича (1889–1939): в 1925 году, навсегда покидая Советскую Россию, на одном из пушкинских вечеров он сказал: «... мы будем аукаться именем Пушкина». Предсказание поэта сбылось: в силу разных причин оказавшиеся оторванными от своей исторической родины мы через время и расстояние продолжаем «аукаться» именем великого русского Поэта.

*Забывтые
страницы
Пушкинианы*

А. Б. Модзалевский

Пушкин - член российской академии¹

3 декабря 1832 г. президент Российской Академии А.С. Шишков вошел в Российскую Академию со следующим предложением, внесенным в протокол заседания от того же числа, состоявшегося под его председательством в присутствии членов Академии: гр. Д.И. Хвостова, П.И. Соколова, Я.Д. Захарова, А.С. Никольского, И.И. Мартынова, И.А. Крылова, А.Х. Востокова, В.А. Поленова, П.А. Загорского, кн. П.А. Ширинского-Шахматова, М.Е. Лобанова, П.Н. Мысловского и Н.С. Мордвинова (§ 2):

«Не благоугодно ли будет г.г. членам Академии в положенное по уставу число избрать в действительные члены Академии нижеследующих особ:

1. Титулярного советника Александра Сергеевича Пушкина.

2. Отставного гвардии полковника Павла Александровича Катенина.

3. В звании камергера и в должности директора московских театров Михаила Николаевича Загоскина.

4. Протоиерея Алексея Ивановича Малова.

5. Действ. ст. советника Дмитрия Ивановича Языкова.

Известные в словесности дарования и сочинения их увольняют меня от подробного оных, исчисления».

---

¹ Вестник Академии наук СССР // № 2-3. - М.: Л.: Академия наук СССР, 1937. - С. 245-250.

В результате баллотировки оказалось, что Пушкин, Загошкин и Языков получили по 15 избирательных голосов (13 голосов членов Академии и 2 голоса президента), а Катенин и Малов по 13 голосов избирательных и по 2 голоса неизбирательных. Так как, согласно главе VIII статьи 5 Устава Академии, избрание в действительные члены Академии могло считаться состоявшимся лишь после того, как будут получены голоса и от отсутствующих на заседании членов Академии, последним были разосланы, 13, 14, 15 и 16 декабря печатные отношения, от имени П.И. Соколова, с извещением о произведенной баллотировке с просьбою «дабы благоволили прислать в Академию свои голоса в особой запечатанной записке». Ответы на это отношение были получены на имя неперменного секретаря Академии от следующих членов Академии: Л.И. Голенищева-Кутузова, И.И. Ястребцова и Я.А. Дружинина (от 13 декабря), А.Н. Оленина и Д.С. Чижова (от 14 декабря), кн. А.Н. Голицына, К.М. Бороздина, С.С. Уварова и А.Ф. Воейкова (от 16 декабря), гр. Д.Н. Блудова (от 17 декабря), митрополита Новгородского и С.-Петербургского Серафима (от 18 декабря), И.И. Дмитриева (от 21 декабря), Н.Н. Новосильцова (от 23 декабря), А.А. Писарева (от 24 декабря) и М.Т. Каченовского (от 27 декабря)².

Из перечисленных 15 лиц подали свои голоса в пользу Пушкина 14 человек, причем Д.Н. Блудов сообщил, что из всех кандидатов он избирает только Пушкина, а митрополит Серафим был «согласен на избрание в действительные члены протоиерея Алексея Малова, а на избрание прочих не может дать согласия своего единственно потому, что они ему не известны».

По получении ответов от отсутствовавших на заседании 3 декабря членов Академии состоялись окончательные выборы

---

² Некоторые из этих писем напечатаны М. И. Сухомлиновым в его «Истории Российской Академии», т. VII, стр. 79–82, СПб. 1885.

Пушкина и других кандидатов на заседании 7 января 1833 г. Подсчет полученных голосов дал следующие результаты: Пушкин – 14, Малов – 14, Языков – 13, Загоскин – 13, Катенин – 12. Вместе с прежними (на заседании 3 декабря) это составило: Пушкин – 29 голосов, Загоскин – 28, Языков – 28, Малов – 27, Катенин – 25. Таким образом, избрание Пушкина было почти единогласным (все, кроме митрополита Серафима).

Так как по Уставу требовалось наличие не менее двух третей голосов общего числа членов Академии (60), т. е. 40 голосов, а перечисленные кандидаты получили по меньшему числу их, то президент, воспользовавшись 10-м параграфом той же VIII главы Устава, «приложил остающиеся ныне от не полного числа членов избирательные шары и тем пополнил потребное на сей предмет число голосов», почему «собрание, согласно 5-й статье главы VIII Устава, признав выбор вышеозначенных кандидатов в действительные члены Академии окончательным и утвержденным, поручило секретарю Академии, изготовя на сие звание дипломы, представить оные г. Президенту для подписания и потом препроводить оные новоизбранным членам при письмах³. Диплом на звание члена Академии выдан был Пушкину 13 января 1833 г. за подписью А.С Шишкова⁴.

Первый биограф Пушкина П. В. Анненков говорит, что «в остальную часть зимы [1833 г.] Пушкин прилежно посещал заседания Академии по субботам: он вообще весьма серьезно смотрел на труды и обязанности ученого сословия, что до-

---

³ «Записки заседаний Академия за 1832 г.», лл. 131 и 131 об.; за 1833 г., л. 2,2 об. и 3; дело о выборе Пушкина и др. в Архиве Академии Наук СССР, фонд 8; М.И. Сухомлинов, «История Российской Академии», вып. VII. стр. 77–84 и 472, СПб. 1885.

⁴ См. П. В. Анненков, Материалы для для биографии Пушкина, изд. 2-е стр. 350, СПб. 1873; диплом, а также официальное извещение об избрании в 1913 г. составляли собственность А.А. Пушкина. – см. в «Ниве», № 41. стр. 808. 1913.

казывается и некоторыми статьями его, каковы: «Российская Академия» и «О мнении М.Е. Лобанова»⁵. В отношении посещения Пушкиным заседаний, как показывают материалы, утверждение это не совсем верно. Пушкин посетил заседания Академии всего 8 раз; 7 раз в 1833 г. (28 января, 4 и 25 февраля, 11 и 18 марта, 13 мая и 10 июня) и 1 раз в 1834 г. (8 декабря); посещение 1834 г. было последним.

П.А. Катенин рассказывает в своих воспоминаниях о Пушкине: «Генваря 7-го 1833-го года мы оба приняты были в члены тогда существовавшей Российской Академии, куда и явились в первый раз вместе; сначала довольно усердно посещал он, ее собрания по субботам, но вскоре исключительные толки о Словаре ему наскучили, и он показывался только в необыкновенные дни, когда приступали к выбору новых членов взамен убылых. Я был гораздо исправнее, только до сентября»⁶. Присутствуя на заседаниях, Пушкин был пассивен, не сделал ни одного сообщения и вообще не выступал; по крайней мере в протоколах заседания нет ни одной записи подобного рода. (Причины такого отношения Пушкина к делам Академии вполне понятны и изложены нами ниже). Пушкин участвовал лишь в выборах новых членов (например, 8 декабря 1834 г. при баллотировке С.В. Руссова, подписав в этот же день вместе с другими членами Академии предложение А.С. Шишкова о напечатании за счет Академии «Краткого священного словаря». А.И. Малова)⁷. Один раз он косвенно способствовал ходатайству вдовы А.А. Шишкова об издании его трудов⁸.

---

⁵ «Материалы для биографии Пушкина», изд.2-е, стр.350, СПб. 1873.

⁶ «Литературное наследие». №16–18, стр. 639, ср. ibid, стр. 652–653.

⁷ См. М.И. Сухомлинов, *op. cit*, стр. 83, и «Рукою Пушкина», под ред. М.А. Цявловского, Л.Б. Зенгер, стр. 773–775, Л. 1935.

⁸ Подробнее см. в книге И. А. Шишкова. «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», стр. 93–96, СПб, 1903; «Переписка Пушкина»,

Участвовал ли Пушкин в помощи слависту Ю.И. Венелину, по просьбе М.П. Погодина⁹, неизвестно; никаких прямых указаний в делах Академии на это не имеется. То же можно сказать и о письме П.А. Катенина к Пушкину от 8 февраля 1833 г. о праздновании осенью этого года пятидесятилетнего юбилея Академии¹⁰.

Сохранился еще черновик письма Пушкина к непременно-му секретарю Академии П.И. Соколову от конца мая 1833 г. по поводу избрания сенатора Д.О. Баранова в действительные члены Академии¹¹. Однако это письмо является также свидетельством лишь формального участия его в работах Академии, и притом в самом начале его избрания в Академию. Уже в 1835 г. на избрание в члены ее архимандрита Иннокентия Пушкин никак не отозвался, несмотря на официальное предложение П.И. Соколова, что видно из отметки последнего в деле Академии, хранящемся в Архиве Академии Наук¹². Статья же Пушкина «Российская Академия», появившаяся в 1836 г. в его журнале «Современник» и посвященная академическому заседанию 18 января 1836 г., на котором Пушкин не присутствовал, написана им по протоколу этого заседания¹³

т. III, стр. 14–15, письмо Н.И. Греча, и в названной книге «Рукою Пушкина», стр. 820–823.

⁹ См. его письмо к поэту в «Переписке Пушкина», т. III, стр. 20–21.

¹⁰ Там же, стр. 5.

¹¹ См. «Письма Пушкина», т. III, под ред. Л.Б. Модзалевского, стр. 92 и 586–587, Л. 1935.

¹² № 69 за 1835 г.

¹³ Напечатанному под заглавием: «Заседание, бывшее в Российской Академии 18 января 1836 г.» (Экземпляр этого издания с карандашными пометками поэта недавно обнаружен в коллекции А. Ф. Онегина, хранящейся в Институте литературы – Пушкинском Доме – Академии Наук. См. в «Литературном наследстве» № 16–18, стр. 1021).

и стоит совсем в стороне от текущих работ Академии, так же как и статья его о «Мнении М.Е. Лобанова»¹⁴.

Из немногих высказываний Пушкина об Академии в его дневнике и в письмах можно вывести заключение, что он отрицательно относился как к деятельности Академии в целом, так и к некоторым ее членам и к ее президенту А.С. Шишкову. В атмосфере академической схоластики Пушкину было душно работать вместе с «попами, которыми Шишков набил Академию»¹⁵. Он вскоре совсем бросил посещать ее заседания, обращаясь иногда к Шишкову лишь за получением пожетонного вознаграждения¹⁶.

А. М. Языков писал 1 октября того же года В.Д. Комовскому: «Мы от него [то-есть от Пушкина] первые узнали, что он и Катенин избраны членами Российской Академии и что последний производит там большой шум, оживляя сим сонных толмачей, иереев и моряков. Во второй раз уже дошло до того, что ему прочли параграф устава, которым велено выводить из заседания членов непристойно себя ведущих. Старики видят свою ошибку, но делать уже нечего: зло посреди их; вековое спокойствие нарушено навсегда, или по крайней мере надолго»¹⁷.

Но ни Пушкин, ни Катенин вдвоем не могли сломать прочно утвердившиеся традиции Академии. Пушкин разочаровался в возможности при существовавшей тогда в Академии обстановке проявить свою энергию и оздоровить академическую

---

¹⁴ Об этих статьях см. в комментариях Н.К. Козмина в т. IX акад. изд. Соч. Пушкина, ч. 2, стр. 760–779, 795–805, 976.

¹⁵ Выражение Пушкина в его «Дневнике»; (издание под ред. Б.Л. Модзалевского, стр. 26 и 242–243. Пг., 1923; ср. московское издание, стр. 535–537, 1923).

¹⁶ «Переписка Пушкина», т. III, стр. 141; см. также П. И. Бартенев. «Рассказы о Пушкине», под ред. М.А. Цявловского, стр. 43 и 112, М. 1925.

¹⁷ «Историч. Вестник» № 12, стр. 537, 1883.

работу. В своей статье 1836 г. об Академии Пушкин писал, что хотя последняя и принесла «истинную пользу нашему прекрасному языку» и совершила «столь много знаменитых подвигов», ей все же необходимо ободрить, оживить отечественную словесность»¹⁸.

Смерть Пушкина была официально отмечена в последнем (14) параграфе протокола заседания Академии 30 января 1837 г.: «Непременный секретарь исполнял печальный долг возвещением о кончине действительного члена Академии Александра Сергеевича Пушкина, последовавшей сего 29 января на тридцать седьмом году от рождения. Собрание, приняв с величайшею скорбью сие печальное извещение, определило: во уважение заслуг, оказанных покойным российской словесности, написать на счет Академии, портрет его и поставить в зале собрания»¹⁹.

Копия с портрета Пушкина работы О.А. Кипренского была заказана Академией художнику Вишневецкому за триста рублей. В октябре 1837 г. заказ был им выполнен²⁰, и портрет приобщен к картинной галерее Академии. В настоящее время он хранится в Институте литературы (Пушкинском доме) Академии Наук СССР. В последние годы перед закрытием Российской Академии (в 1841 г.) она не вспомнила более о своем гениальном действительном члене и продолжала по-прежнему заниматься корректурами словаря русского языка.

---

¹⁸ См. также в Соч. Пушкина под ред. С.А. Венгерова. т. VI, стр. 488–489; рассказ И. П. Сахарова в «Русском Архиве» 1873, кн. II, стр. 960–961, и в статье Л. К. Ильинского в изд. «Пушкин и его современники», вып. XXXVIII–XXXIX, стр. 208.

¹⁹ М. И. Сухомлинов, *op. cit.*, стр. 84.

²⁰ Там же, стр. 84 и 493 и 494.

*Изобразительная
Пушкиниана*

Александр Далин Маргарита Иванова

Памятник культуры - памятник истории

Россия славит Пушкина

Столетний юбилей А.С. Пушкина (1899), широко отмечавшийся в России, вызвал к жизни широкую волну почитания памяти поэта, нашедшую свое выражение в создании носящих его имя Домов и Аудиторий, гимназий и училищ, театров, библиотек, а также в наименовании улиц, бульваров, садов и скверов. Но самым популярным видом увековечения гения Пушкина стало сооружение памятников. Один за другим в юбилейные дни были открыты монументы – 26 мая (Киев, Владимир, Житомир), 27 мая (Саранск), 28 мая (Санкт-Петербург). Тогда же состоялась закладка ряда памятников, которые открыли в основном в 1900-м и 1901-м гг. (Царское Село, Чернигов, Ашхабад, Вильна, Тула, Екатеринослав); позднее появился памятник в Харькове, также 1899-го «года рождения».

Екатеринослав, нынешний Днепропетровск, весной 1820 года стал местом десятидневного пребывания высланного из столицы поэта. Этот факт и стечение обстоятельств, благодаря которым Пушкин попал в круг семьи Раевских и совершил путешествие в Крым и на Кавказ, стали определенной вехой в его жизни и творчестве.

Когда вся Россия готовилась отметить столетие со дня рождения Пушкина, естественно, встал вопрос об увековечении его памяти в Екатеринославе. Городское Управление приняло соответствующее решение, а Городская Дума избрала специальную комиссию для выработки программы чествования.

Идея сооружения памятника Пушкину принадлежит нескольким домовладельцам Военной улицы. Предлагалось назвать именем поэта «предположенный к устройству на Военной улице бульвар и поставить на этом бульваре его бюст».

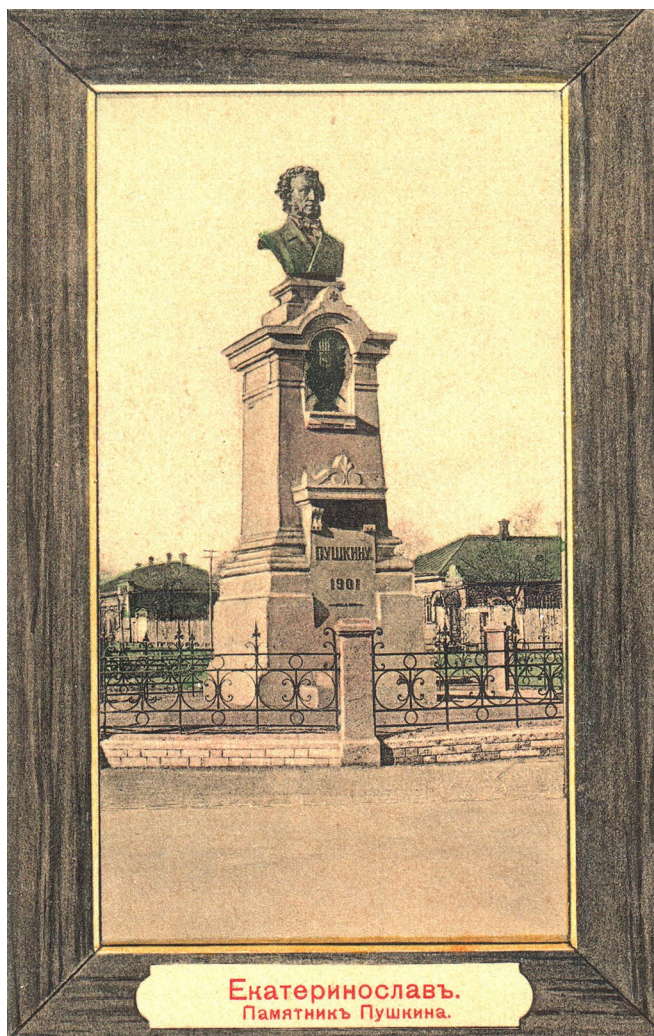
Городские власти решили переименовать всю Военную улицу в Пушкинский проспект и выделили необходимые средства для замены к юбилею старых табличек на новые – пушкинские. Установку же памятника-бюста предполагалось осуществить за счет пожертвований и благотворительных мероприятий. Поддержанное комиссией, такое предложение было одобрено Городской Думой 5 апреля 1899 года. Вопрос об установке памятника был таким образом решен.

Сбор пожертвований шел два с половиной года, в результате было собрано 6276 рублей. Фактические расходы на сооружение этого скромного памятника, торжественно открытого 14 октября 1901 года, составили 7673 рубля. Таким образом, около 1400 рублей понадобилось компенсировать из городской казны.

Бюст Пушкина (высота 0,9 м) вылепил известный скульптор И.Я. Гинцбург¹. Он был отлит из художественной бронзы петербургской фирмой «А. Моран». Этой же фирмой изготовлены угловые украшения и лира. Архитектурный проект

---

¹ Гинцбург Илья Яковлевич (1859–1939). Скульптор, ученик М.М. Антокольского. Окончил Императорскую Академию художеств, работал в станковой и монументальной скульптуре, был близок к передвижникам; жил в Петербурге (Ленинграде). Автор скульптурных портретов деятелей отечественной истории и культуры, памятников, надгробий. Академик скульптуры (1911), педагог, автор мемуаров.

Памятник на почтовой открытке нач. XX века

И.Я. Гинцбург. Автопортрет,
1899

Г.И. Панафутин

памятника выполнили инженер Г.И. Панафутин² и художник Г.К. Сандецкий³. Изготовление гранитного постамента (высота 3,5 м) было осуществлено подрядчиком Ф.П. Кругом.

За прошедшие 40 лет неузнаваемо изменился Пушкинский проспект, появились новые кварталы, широко раскинулись разросшиеся клены и акации. Но 22 июня 1941 года в одночасье изменилась жизнь страны, изменилась и «жизнь» памятника...

Наперекор фашистам

Фашисты, оккупировавшие Днепропетровск осенью 1941 года, перед отступлением из города в октябре 1943 года, попытались уничтожить памятник поэту России. По воспоминаниям очевидцев⁴ к монументу подъехала автомашина, из

---

² Панафутин Георгий Иванович (1866–1921). Гражданский инженер, окончил Самарское реальное училище, учился в Институте гражданских инженеров (СПб.), работал в СПб., Бердянске, Екатеринославе; проектировал церкви, общественные здания, дворянские особняки.

³ Сандецкий Г.К. Выпускник Имп. Академии художеств. Других сведений обнаружить не удалось.

⁴ См., например: *Дюкова М. Простреленный памятник* // Зоря. Днепропетровск. 1962. 10 февраля (на укр. яз.); *Игнатъев И. Не зарастает народная тропа* // Псковская правда. 1977, 5 июня; *Игнатъев И. Два Пушкина* // Правда Украины. Киев. 1979, 25 мая; *Яковлев Ю. Сражающийся Пушкин* // Днепр вечерний. Днепропетровск. 1983, 5 июня и др.

которой буквально высыпались фашисты. Они кричали «Русс капут!», «Пушкин капут!», а один из гитлеровцев вскинул автомат и дал очередь бронебойными пулями по изваянию Пушкина. Затем они зацепили тросом голову поэта, сорвали с памятника лиру и бронзовые украшения и поволокли бюст по мостовой. Он оказался брошенным в свалку металлолома.

... Позднее, спустя более 30 лет после окончания войны, когда школьники-следопыты попытались воссоздать историю спасения памятника, оказалось, что собранные сведения очень отрывочны и не всегда идентичны. Но, обобщая то, что стало известным, можно составить наиболее вероятную картину произошедшего.

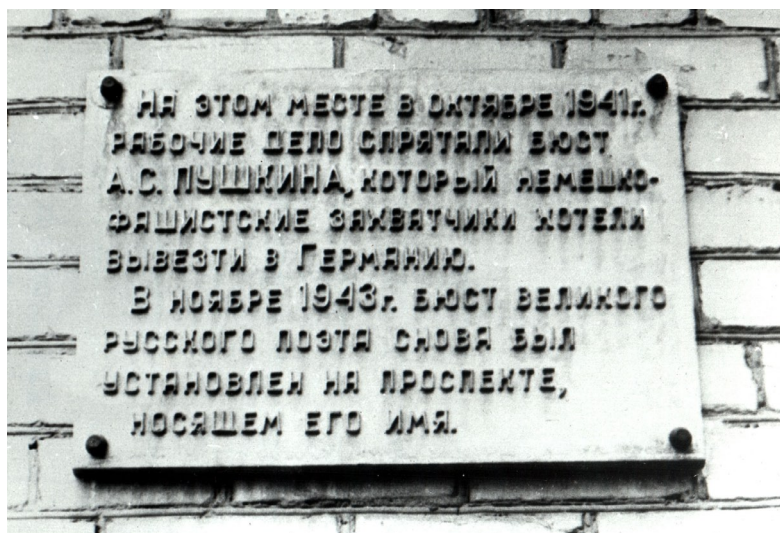
Громоздкий бронзовый бюст (его высота около метра) фашисты решили переплавить в форму, более удобную для транспортировки и привезли его на территорию Трамвайного депо, где имелаась литейная мастерская. Ночью советские люди (а это были рабочие-трамвайщики, имена которых узнать не удалось), рискуя собственной жизнью, надежно спрятали бюст на территории парка. Здесь он и сохранился до освобождения города.

В Днепропетровск вошли советские войска, среди которых был танковый корпус генерал-лейтенанта Е.Г. Пушкина, однофамильца поэта⁵. Танкисты помогли рабочим поднять на пьедестал бюст поэта и двинулись дальше. По проекту днепропетровского скульптора А.П. Билыка и механика Вагоноремонтного завода В.И. Сивачева лира и лавровая ветвь были отлиты на Южном машиностроительном заводе и укреплены на постаменте.

---

⁵ Пушкин Е.Г. Герой Советского Союза, погиб весной 1944 г. в боях под Николаевом, похоронен в Днепропетровске, где ему установлен памятник (памятник-танк).

Интересно, что в послевоенные годы руководство и работники Трамвайного депо № 1 предприняли попытку увековечить подвиг своих предшественников, спасших бюст Пушкина в годы Великой Отечественной войны. На фотографии 1988 года мы видим изображение мемориальной доски. К сожалению, её текст неточен (датировка в первой строке ошибочная), но она сохраняет существо исторического факта. Сведениями о дальнейшей судьбе этой доски мы не располагаем.

При реставрации памятника пробоины в груди поэта было решено не зачеканивать: они остались свидетелями истории, постоянно напоминающими о том, что несут людям война и фашизм.

Изображение бюста Пушкина с пулевыми отверстиями на груди, представлено на первой странице обложки.

*Гость
Пушкинского
альманаха*

Теннадий Самошин

Александр Покрышкин

Поэма

Мы верили Вождю и немцам почему-то,
Хотя предупреждали и не раз,
Что их дивизии стоят уже за Прутом,
И пушки ошетинились на нас.

А в небе высоко разведчики гудели,
Беспечно мы летали в Маяки,
За Прутом, за Днестром деревья шелестели,
И далеко мерцали огоньки.

Соседи получили новые бомбёры,
А нам вручили первые Ла-5,
Но длились непонятные раздоры,
Мы были засекречены опять.

Как завтра день пройдёт, никто не знает:
Учёба будет, может, первый бой?
И тихо всё... Но он уже сторает,
Последний мирный день передовой.

А нам всё снились лёгкие победы,
«Тревога», раскололась тишина,
Никто из нас не знал, какие беды
Нам принесёт проклятая война.

Зелёная ракета – мы взлетели...

А в воздухе тьма-тмущая машин,
Но было поздно: бомбы засвистели,
Ошибочно пальнули по своим.

Соседей видели беспечно, по старинке,
И странный строился прогноз.
Мы даже их не знали по картинке –
В бою я сбил советский бомбовоз.

Давно так было и совсем недавно,
Шагает по земле кровавый третий год,
Но воевать мы научились славно,
И многое теперь наоборот.

А вот и мессеры – мы их зовём «худыми»
За тонкий и спортивный фюзеляж, –
Ещё в Испании не раз встречались с ними,
И вот он, бой, мы сразу входим в раж.

Спасибо, фрицы, за науку непростую,
Осудят вас потомки за обман.
Ну а пока в атаку лобовую
Идёт без приглашения «иван».

Вираз, спираль, излюбленная «горка»,
В глазах темно за бой в который раз,
Прилипшая мешает гимнастёрка,
Возмездье близко, гитлеровский ас!

Давно уже Покрышкин немцу снится
Под куполом простого перкаля,
Но треск дюралья, и уже стремится
Ему навстречу чёрная земля.

Ты не увидишь лётчика на стропах,
Не пустишь под винты иль пулемёт,
Чтоб знала покорённая Европа,
Как я погиб, оставив самолёт.

Садится солнце за стеною дыма,
Уходит день, а бой всюду кипит:
Армада за армадой прёт неукротимо,
И на земле очередной костёр горит.

Темно... Последним залпом в полосу просвета
Закончу схватку и пойду домой.
Попал. К земле пошёл кометой
Четвёртый мессер за прошедший бой.

Усталый ухожу с предельной высоты,
Бой стал моим. Вдали стихает гул.
И первый сгусток темноты
С заходом солнца по щеке мазнул...

Один я ухожу, а мысли о погибших:
В глазах Кавказ, Молдавия и Прут,
Мария и обугленные крыши,
И судьбы тех друзей, которые живут.

В полку они предположенья строят,
Кто прав был в небе: я или «худой».
Лишь никого не ждут теперь из боя:
Супрун, Фадеев, Клубов, Бережной...

Кружат снежинки, и земля остыла.
Любимая, ты у меня одна!
Каким коротким наше счастье было,
Но нас не в силах разлучить война.

Благодарю судьбу, что на земле живёшь,
За то, что ждёшь, а я летаю мимо,
Благодарю за то, что ненавидишь ложь
И веришь в то, что я неповторимый.

Благодарю за всё: за редкость наших встреч,
За счастье ждать, за нежность поцелуя,
За трепет, необузданную речь,
За то, что всё в тебе люблю я...

Твоих обид себе я не прощу,
Готов раскаяться, в чём грешен и не грешен,
Твои черты незримые ищу,
Едва похожие у незнакомых женщин.

Наполнен день мечтами о тебе,
Окно испещрено строками нежных писем.
И мысли все мои летят в мольбе
К твоим желаньям, от которых я зависим.

По небу, как по лезвию, идти
Мне суждено, судьбу твою цепляя,
Но от такой любви легко с ума сойти,
И не уйти мне от неё, я знаю.

Лишь ты одна проходишь через сны,
Неясною уходишь с пробуждением,
Я жду тебя с бредовым наваждением,
Я жду тебя, как реки ждут весны.

А дни весны огнём боёв согреты,
Моей весны военные бразды,
Тебе б Луну достать с её холодным светом,
А я достал тебе лишь три звезды.

Похоже, что опять не получу ответа.
Что жизнь – она не дорога!
Проходит ночь, скорее бы с рассветом
Мне снова в бой иль к чёрту на рога!

И зелен фюзеляж мой от хвои прилипшей,
Весна бушует, и пьянят сады.
Я думаю частенько о погибших..
Самоуверен? – Ближе до беды!

Приказ... Полёт... И бой бездарный.
Палата... Госпитальный стон...
Весна... Капель, как перебор гитарный,
Звучит сквозь напряжённый сон.

Победа будет! – В этом нет сомненья.
О мире рано думать, о тепле.
Бои, бои, тревоги и ученья...
Как я далёк от жизни на земле!

В огне Кубань, пылает Грозный,
Майкоп и Сочи, и Баку.
Не видим чистый купол звёздный,
И мысль одна: не уступить врагу.

Друзей теряем из прославленной дружины.
И тяжесть дум уносят лишь бои.
Сильней сжимается военная пружина,
Но верим мы в возможности свои.

Вокруг весна, и буйствует сирень.
Готовимся к решительным событиям,
Чтоб дать бомбёрам верное прикрытие,
А на земле – погожий, тихий день.

Бежит, бежит фашистское отродье!
Скорей бы мир, а не войны пожар!
Войска идут вперёд, как половодье,
И на Берлин нацелен их удар!

И корчится Берлин в предсмертных муках,
Боясь расплаты, не сдаётся он.
И режут небо наши самолёты,
Здесь мы господствуем – и Геринг обречён.

А сколько ещё крови непролитой,
Ещё не знаем, будет кто убит.
Но вот он, мир, и над Берлином сбитый
Попал в историю последний мессершмит.

А день как день, и вроде всё обычно,
Не верится, что кончилась война.
И удивительна, и как-то непривычна
И на земле, и в небе тишина.

Москва – Берлин. Какой нелёгкий путь!
Он вехами кровавыми отмечен.
Блажен, кто верит. Мир не вечен.
Народ мой, это не забудь!

За крематории, погибших и казнённых,
За искалеченный, Земля моя, твой лик,
За всех обманутых и в битвах опалённых,
Народа гнев могуч, народа гнев велик!

Мы верим всем – за то нам достаётся,
Но надо помнить, чтоб прощать врагам,
Ведь не один ещё злодейски улыбнётся,
Протягивая руку нам.

А мы свои улыбки позабыли
И ждём всё лучшего, привыкли прозябать.
Стремились мы к победе – победили!
Когда себя-то будем побеждать?

Победы праздник получился грустным,
Ушёл в историю наш доблестный Союз,
Но почему же за столом так пусто,
И сердце гложет непонятный груз?

Ведь были вместе и таджик Алиев,
И штурмовик-волжанин мудрый Зуб,
Покрышкин-сибиряк, и осетин Зангиев,
И украинец дерзкий Кожедуб.

Но жизнь нам преподносит вместо счастья
Опасные, крутые виражи.
Храни нас Бог от всех земных напастей:
От перестроек, обещаний, лжи!

Здесь гордо высится знакомый обелиск,
Меня к подножью приглашает он,
Ночами лунный освещает диск,
И тишину тревожит лёгкий звон...

*Зарубежная
пушкиниана*

Аариса Вольперт

Е. Г. Эткинд - исследователь французского Пушкина*

Название статьи несколько условно, под этой шапкой удобно объединить две стороны деятельности Е.Г. Эткинда: исследование французской традиции в творчестве поэта и организацию (скажем – *почти*) конгениального перевода поэзии Пушкина на французский язык.

Как исследователь французской поэтической традиции в творчестве Пушкина *Е.Г. Эткинд*, безусловно, высший авторитет после Б.В. Томашевского, ученый *номер один*. Своими учителями в этой области он считал Г.А. Гуковского и Б.В. Томашевского. Они не могли прочесть его работы (Г.А. Гуковский умер в 1950 году, Б.В. Томашевский – в 1956-м), но, думается, таким *учеником* они бы только гордились. Прежде всего, Е.Г. Эткинд был истинным эрудитом во французской поэзии, профессионально изучившим ее еще в Ленинграде во время подготовки блистательного «Семинария по французской стилистике» (том второй, «Поэзия», 1964), половина которого была посвящена поэтам – предшественникам и современникам Пушкина (Вийон, Ронсар, ДюБелле, д'Обинье, Корнель, Расин, Буало, Парни, Шенье, Гюго, Мюссе).

В Париже исследования продолжились, но они как бы приобрели новый смысл: стихи французских поэтов теперь,

---

* Эткиндовские чтения I: СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2003. – С.23–34.

так или иначе, соотносились с творчеством Пушкина, воплотившего в ностальгическом восприятии ученого лучшие достижения русской поэтической культуры. Пушкина Е.Г. Эткинд страстно любил всю жизнь, его любовную лирику считал высшим достижением поэзии; примечательно: в «Разговоре о стихах» большая часть цитируемых строк именно из Пушкина, как будто поэт изначально взялся составлять иллюстрации для тезисов автора книги. При этом Е.Г. Эткинд обладал не только редкой памятью на стихи, но и особой «зоркостью» компаративиста. Как никто иной, он умел заметить в лирике Пушкина переклички, коннотации, аллюзии, реминисценции из французской поэзии, весь этот сложный механизм усвоения иноязычной традиции, который подчас едва заметен и трудно уловим.

Тема статьи – частный аспект общей проблемы: «Е.Г. Эткинд – исследователь поэзии Пушкина». Примечательно, что талант компаративиста с первых «стиховедческих» шагов ученого придает особую значимость и оригинальность, казалось бы, испытанным приемам описания поэзии. В этом отношении представляется важной ранняя пушкиноведческая работа Е.Г. Эткинда «Поучительный опыт: Четыре варианта стихотворного послания А.С. Пушкина к П.А. Плетневу» (она из рода «блистательных миниатюр» – всего три страницы). Как известно, в августе 1835 года Пушкин, отвечая П.А. Плетневу на его совет закончить «Евгения Онегина» (мол, и «логично», и «слава», и «деньги»), чтобы безошибочно выбрать тональность для ответа, набросал четыре стихотворных варианта: октавой, «алексаидринами», белым пятистопным ямбом и онегинской строфой. Поколения ученых проходили мимо стилистического эксперимента поэта, не улавливая его скрытого смысла.

«Зоркость» компаративиста подсказала Е.Г. Эткинду мысль о важности этого *игрового* материала для описания пушкинской концепции жанра. Поэт пожелал *испытать* возможности модных строф, вокруг которых в то время был особый эмоциональный ореол. На материале сопоставительного анализа четырех «проб» Е.Г.Эткинд последовательно демонстрирует два тезиса: 1) важность для Пушкина взаимосвязанности всех компонентов жанровой структуры; 2) семантическую нагруженность каждой формы. Он показывает, как в зависимости от *обращения* меняются лирический герой и тип его отношений с адресатом. Еще важнее размер: меняется метр – меняются и словарь, и поэтическая фразеология, и – главное – интонация, стилистический ключ, тональность, «...а значит – меняется и поэтическое содержание». Примечательно: уже в этой ранней работе Е.Г. Эткинд выступил в трех *ипостасях* (стиховед, компаративист, историк культуры). То же сочетание компаративистского и исторического методов будет характерно для него в будущем при исследовании французской традиции в творчестве Пушкина.

Знаменательно соотношение оригинальной «миниатюры» и емкой итоговой книги Е.Г. Эткинда «Божественный Глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции». Статья о пушкиноведческом *эксперименте* воспринимается в ней через призму раздела «Слово, стих, строфа», удачно воссоздающего специфику литературной жизни России 1820–1830-х годов, определяемой, в частности, *стиховедческими страстями* эпохи. Вокруг понятий жанр, стиль, авторское «я», рифма и особенно вокруг вышеупомянутых строф в то время шли подлинные литературные бои. На фоне описания литературной жизни России стихотворные четыре *пробы* заиграли новыми красками, в них высветились не заме-

ченные ранее грани. Неожиданные «модификации» вообще характерны для итоговой книги: в нее, как известно, вошло много новых материалов и работы, изданные ранее; последние в магическом поле «Божественного Глагола» неизменно получают новое освещение. Подобная «оптика» характерна и для «французских» (условно говоря) исследований: отдельные работы, изданные ранее, получают новую жизнь в разделах «Французская поэзия в творчестве Пушкина» и «В кругу европейцев».

Изучением творческой связи Пушкина с французской поэтической традицией Е.Г. Эткинд занимался в течение всей жизни, последняя работа («Пушкин и Ламартин») появилась в 2000 году. Важно, что ученого привлекали французские поэты и не только первого ряда, но и второстепенные стихотворцы. Он убедительно доказывает, что последние не были для Пушкина малозначимыми. Так, анализируя воздействие поэзии французского рококо на поэта, Е.Г. Эткинд предлагает тонкое описание связи с этой манерой на материале изящных пушкинских миниатюр 20-х годов («Соловей и кукушка», 1825; «Признание», 1826; «Е.Н. Ушаковой», 1827; «Ты и вы», 1828). Описывая специфику усвоения поэтом традиции, ученый всякий раз раскрывает механизмы ее творческой «переплавки» Пушкиным. Особенно удачно, на наш взгляд, сопоставление стихотворения «Сожженное письмо» (1825) с пьесой Буффлера «La Resignation» («Трудное решение», 1820). У Буффлера та же тема, те же мотивы, но все выполнено в манере рококо: например, поэт сообщает, что слезы, которыми он оросил письмо, почти погасили пожиравшее его пламя:

*Inlevprètes de ines douleurs
Et ne sachant point feindre
Mes yeux ont tant versécle pleurs*

Qi'ils l'ont failli l'éteindre.

Описывая поэтику «Сожженного письма», раскрывая способы избавления от чувствительных деталей и словесных завитушек, свойственных рококо, Е.Г. Эткинд маркирует важный для Пушкина принцип «точного слова». Исследователь анализирует универсальную значимость «душевного опыта» поэта, нашедшего выражение в растянутом психологическом времени: ученый выделяет *девять стадий* процесса горения, «который оказывается в то же время рассказом о переживаниях человека, следящего за медленной гибелью любимого предмета, отождествленного с любимым существом».

Еще большее значение приобретает описание Е.Г. Эткиндом воздействия на Пушкина поэтов первого ряда: Парни, Шенье, Беранже и Ламартина. Ученый раскрывает сложность отношения к ним поэта на *личном* и *творческом* уровнях, а также специфику усвоения (иногда в форме *отталкивания*) традиции, связанной с их именами.

На взгляд Е.Г. Эткинда, самым теплым и фамильярным (в высоком понимании слова) было отношение Пушкина к несравненному Парни. В качестве эпиграфа к главе о Парни в «Божественном Глаголе» ученый поставил пушкинские строки «Друзья, найду ли в наши дни / Перо, достойное Парни». Выбор эпиграфа как бы маркирует подспудный спор Пушкина с французами: во Франции, в отличие от его «русской судьбы», Парии был быстро забыт. В России его роль оказалась особой, он «пришелся ко двору»: благодаря конгениальной рецепции Батюшкова и Пушкина значимость его творчества неизмеримо возросла. Раскрывая близость Пушкина к Парни, Е.Г. Эткинд в то же время выделяет механизмы творческой «переплавки» русским поэтом традиции Парии. В этом отношении показателен проведенный ученым сопоставительный анализ «Прозерпины» Пушкина («Плещут волны Флегетона»,

1824) и отрывка из «Превращения Венеры» Парни («Les Deguisements de Vénus»). Он предлагает детальный анализ произведений, ведущий к оригинальному обобщенному выводу: «У Парни – галантный маскарад, слегка прикрытый флером мифологии, светская адюльтерная история, поданная как пасторальная игра. У Пушкина – стихотворение о победной силе любви, уравнивающей смертных с богами; убрана условная игривость пасторали в стиле рококо, и на античной основе создана романтическая баллада».

В лирике Пушкина Е.Г. Эткинд обнаруживает разнообразные реминисценции, аллюзии, переключки с Парни. Так, в «Добром совете» (1818) заметна прямая реминисценция: «Тогда у старости отымем / Все, что отымется у ней» (II, 119). У Парни: «Et derobons à la vieillesse / Tout ce qu'on peut lui dérober» («И отнимем у старости / Все, что можно у нее отнять»). Е.Г. Эткинд отмечает, что у Пушкина даже глагол тот же (достаточно редкий случай из-за сложности перевода на французский язык глагольных приставок). Но он раскрывает и различие этих двух пьес: некоторые строки Парни рациональны и условны. Пушкин то же содержание заключает в иную форму (неточная реминисценция). У Парни: «Un jour il faudra nous courber / Sous la main du tamps qui nous presse». («Когда-нибудь придется нам согнуться / Под гнетущей десницей времени»). У Пушкина не штамп, а истинно поэтический образ: «Когда же юность легким дымом / Умчит веселья юных дней...».

Описывая диалектику развития Пушкина, Е.Г. Эткинд демонстрирует закономерность смены его поэтических предпочтений и пристрастий. Увлечение романтизмом закономерно приводит поэта к «открытию» Андре Шенье. Е.Г. Эткинд раскрывает нюансы близости – духовной, душевной, интеллектуальной, которую испытывает Пушкин к французскому

собрату, и ее отражение в поэзии. В этом отношении ученому наиболее интересна элегия «Андрей Шенье», существенно отличающаяся от других «нерусских» пьес Пушкина. Тот нередко «писал стихи от некоего третьего лица, на него не похожего, принадлежащего к другой культуре, другой религии, другой эпохе («Я здесь, Инезилья», «Пью за здравие Мери», «Пьяной горечью фалерна...»), но от имени «собратьев-поэтов», как правило, не выступал». По мнению ученого, тот факт, что Пушкин захотел почувствовать «изнутри» лишь А. Шенье, говорит о многом. Умевший мастерски перевоплощаться, с легкостью менять роли и маски, он пожелал перевоплотиться лишь в одного поэта – в Андре Шенье. Пронзительные, по-видимому, очень дорогие для Пушкина строки, по интонации близкие «Узнице» Шенье, он отдал французскому поэту, ожидающему утром казнь:

*...А я, забыв могильный сон,
Взойду невидимо и сяду между вами,
И сам заслушаюсь, и вашими слезами Упьюсь...*

В главе книги «Свобода и Закон» Е.Г. Эткинд, разграничивая в элегии два жанровых пласта, связанные с традицией А. Шенье, – одический и элегический, описывает идейную близость Пушкина с французским собратом. Он приводит отрывки из опубликованной в 1792 году в «Journal de Paris» статьи А. Шенье, представлявшей собой яростное обличение якобинцев. В них автор видит беспардонных демагогов, наживающихся на популярных политических лозунгах (советскими пушкинистами эта столь важная статья, естественно, не привлекалась). Е.Г. Эткинд утверждает, что Пушкин либо статью читал, либо о ней слышал, во всяком случае она повлияла, как он полагает, на концепцию свободы, народа и власти, выраженную в элегии: «Шенье, очевидно, помог

Пушкину преодолеть метафизический «абсолютизм» просветителей и стать на позицию историзма и реальной политики». Традицию Шенье в творчестве Пушкина ученый описывает многосторонне (поэтика, идеология, перевод), раскрывая всякий раз новые аспекты ее усвоения русским поэтом.

Е.Г. Эткинд никогда не повторяет «зады», он стремится исследовать малоизученные воздействия. Какую бы творческую связь Пушкина он ни описывал, его подход не просто оригинален, но часто в чем-то парадоксален: наверное, поэтому особый интерес вызывает у него генетическая общность с французскими поэтами, к которым Пушкин относился *негативно*. «Отталкивание» становится одной из конструктивных форм усвоения традиции, неприятие способно вдохновлять не меньше восхищения.

В этом отношении примечательно описание Е.Г. Эткиндром творческой связи поэта с Беранже и Ламартином. Как мы знаем, они не были бесталанными поэтами, пользовались успехом у современников, и суровые оценки Пушкина вряд ли можно назвать беспристрастными. Для пристрастия у поэта были свои биографические причины, которых мы касаться не будем. Остается фактом: из-за откровенно выраженного критического отношения русского поэта пушкинисты, как правило, мало интересовались «несносным Беранже» («несносный Беранже, слагатель натянутых и манерных песенок»; (XI, 219), («хваленым Beranger»; (XII, 56) и «однообразным», «унылым» Ламартином. Е.Г. Эткинд сумел преодолеть инерцию подобного подхода и именно здесь найти невоздланное поле для исследования.

Влияние Беранже на Пушкина не очевидно, оно не бросается в глаза, но Е.Г. Эткинд умеет его *заметить* и *описать*. Соотнося воздействие французского поэта на Пушкина с жанровой спецификой и введя новое понятие – «перепев

жанра», ученый сопоставляет стихотворение Пушкина «Моя родословная» с пьесой Беранже «Le Vilain» («Простолюдин»), выделяя сходство припевов («Я мещанин, я мещанин» и «Je suis vilain et tres vilain»), исследователь характеризует текст Пушкина как «беранжерообразный»; по его определению, это – своеобразный «перевод или *перевес* жанра». Сопоставительный анализ показывает, что при кажущемся внешнем различии стихотворений они близки по форме строфы, по интонации и мысли.

Другое пушкинское стихотворение, перекликающееся с традицией Беранже, «Рефутация г-на Беранжера» (кстати, не предназначавшееся к печати), анализируется Е.Г. Эткиндром в ином ключе. Пушкин полагал, что опровергает «фальшивого песнопевца» Беранже, но куплеты, с которыми он спорил («T'en souvienstu, disait un capitaine»), принадлежали перу другого французского песенника – Э. Дебро (E. Debreaux, 1786–1831). Е.Г. Эткинд раскрывает парадоксальное соотношение. Резко направленное против Беранже пушкинское стихотворение фактически имело обратный эффект: оно закрепляло песенную традицию француза в культурной памяти русского читателя. По мнению исследователя, пушкинское стихотворение – не просто удачная стилизация под Беранже, а типизация всей французской песни данного периода, «лучшее из русских воссозданий Беранже».

Еще более нетривиально описание исследователем творческой связи Пушкин – Ламартин, также практически не изученной вследствие негативного отношения поэта к своему французскому собрату. В основе позиции Пушкина – неприятие ламартиновского мистицизма, «нового поэтического мироощущения, близкого к религиозному пиетизму». Е.Г. Эткинд в деталях описывает необычное соотношение: при решительном неприятии глубоко ему чуждой идейно-эстетической позиции Ламартина, Пушкин творчески с ним

– по принципу *отталкивания* (своеобразный «минус-прием») – глубоко связан, и связь эта оказалась, как это ни парадоксально, *вдохновляющей* и по-своему конструктивной.

Е.Г. Эткинд остроумно раскрывает биографический подтекст спора, своеобразное *соперничество* Пушкина. Ламартин на десять лет старше, но слава к обоим пришла одновременно, в 1820 г., когда вышли «Руслан и Людмила» и «Meditations poétiques» («Поэтические раздумья», выдержавшие за полгода 7 переизданий). Ламартин, *завороживший* читательскую публику *сладкозвучными* стихами, в восприятии Пушкина был живым олицетворением всей французской романтической поэзии «робкой и жеманной» (XIII, 40): «Не знаю, признались ли наконец они (французы – Л.В.) в тощем и вялом однообразии своего Ламартина, но тому лет 10 они без церемонии ставили его наравне с Байроном и Шекспиром» (XIV, 100).

С модным французским романтиком на большой глубине идет подспудный, не бросающийся в глаза, постоянный и напряженный спор. Тонкий сопоставительный анализ текстов: «Осень» (1833) и «L'Automne» («Осень» (1819)); «Надеждой сладостной младенчески дыша...» (1823) и «L'Immortalité» («Бессмертие» (1817)); «К морю» (1824) и «Adieux a la Mer» («Прощание с морем» (1820)); «Наполеон» (1826) и «Bonaparte», (1821); «К вельможе» (1830) и «La Retraite» («Убежище» (1819)) маркирует скрытый спор Пушкина с французским поэтом. Ламартин в связи с образом осени эстетизирует увядание, «уход», смерть (траур природы как бы соответствует его настроению), а Пушкин, который часто заимствует у француза образы и метафоры («чахоточная дева», «сладостная младенческая надежда», «свободная стихия» и многие другие), связывает с этим сезоном жизнелюбивые мотивы, нарочито подчеркивая физиологические детали:

«Чредой слетает сон, чредой находит голод, / Легко и радостно играет в сердце кровь, / Желания кипят...»

Пушкин высмеивает «благочестивые» интонации в лирике Ламартина, его воспевание «предсмертной тоски». В стихотворении «L' Immortalite» («Бессмертие»), своеобразном поэтическом трактате о смерти, француз утверждает, что уход из жизни избавляет нас от *тюрьмы*, каковой является *плоть*, мол, смерть не уничтожает, смерть освобождает. Пушкин, как бы продолжая внутренний спор с Ламартином, в ответ запечатлевает свое кредо: «Но не хочу, о други, умирать, / Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». (В стихотворении «Надеждой сладостной младенчески дыша...») (1823) другой вариант – «Я долго жить хочу, чтоб долго образ милый / Таился и пылал в душе моей унылой» (II, 264). Е.Г. Эткинд отмечает, что интонация француза была Пушкиным передана Ленскому («Он пел поблеклый жизни цвет / Без малого в осьмнадцать лет»), при этом замечая, что в отличие от юного *героя* и его *создателя* Ламартин прожил долгую, благополучную и счастливую жизнь.

Спор двух поэтов нашел отражение и в их концепции истории, в их оценках *властителей дум* эпохи – Наполеона и Байрона. Сопоставляя стихотворение Ламартина «Adieux à la Mer» («Прощание с морем», 1820) с пушкинской пьесой «К морю», исследователь, отмечая общее (заглавие, тема, сюжет, построение пятистиший), убедительно описывает различия: у Ламартина преобладает «банальщина», «трафареты», а Пушкин противопоставляет салонному эротизму и расхожим штампам француза образ моря как истинно «свободной стихии, подчиняющейся лишь собственной прихоти. Оба поэта связывают с мотивом моря имена Наполеона и Байрона, но трактуют значимость этих великих людей по-разному. Оба откликнулись мгновенно на смерть Наполео-

на, у каждого свой наполеоновский «миф». Ламартин свое отношение подчеркивает уже названием «Бонапарт» (однако на острове Святой Елены умирал не консул, не генерал Бонапарт, а император Франции Наполеон); французский поэт преуменьшает его значение, называет «бесчеловечным» и корит за то, что тот не стал защитником Бурбонов. Пушкинская ода «Наполеон» – откровенно антиламартиновское выступление. Как и в более поздних стихотворениях, Наполеон для Пушкина – великий полководец, гений эпохи, «земли чудесный посетитель» (II, 314).

В таком же ключе Е.Г. Эткинд описывает и различие в отношении обоих поэтов к Байрону. Ламартин, преуменьшая одаренность английского поэта, утверждает, что вольномыслием он *предал* свой талант, называет его в стихотворении «Человек» – *Сатаной*, великим грешником, бросившим вызов Богу. О восхищении Пушкина Байроном говорить излишне, «певец моря» исчез, «оплаканный свободой»: «Твой образ был на нем означен, / Он духом создан был твоим: / Как ты, могущ, глубок и мрачен / Как ты, ничем не укротим» (II, 296). Используя термины «спор», «дискуссия» по поводу отношения Пушкина к Ламартину, Е.Г. Эткинд подчеркивал условность этих слов, так как в данном случае они включали противоположанную этим понятиям *односторонность* (в споре участвует лишь одна сторона).

* * *

Вторую сторону деятельности Е.Г. Эткинда трудно переоценить, еще труднее определить ее одним словом: особая культуртрегерская миссия – организация адекватного перевода поэзии Пушкина на французский язык. Фактически – подвиг, для свершения которого надо было обладать опытом, знаниями, своеобразной одержимостью и множеством раз-

нообразных талантов (переводчика, стихопеда, компаративиста, педагога).

Начальный подход к проблеме «*французский Пушкин*» был осуществлен Е.Г. Эткингом на материале пушкинских переводов на русский язык из Парни, Шенье и Мериме. В предисловии к подготовленной им антологии «Французские стихи в переводе русских поэтов XIX–XX вв.» несколько блестящих страниц были посвящены описанию мастерства Пушкина-переводчика. В своей итоговой книге, отмечая научную прогрессивность пушкинских принципов перевода иноязычной поэзии на русский язык, ретроспективно оценивая собственный пройденный путь, Е.Г. Эткинд подчеркивает, что пушкинская позиция стала для него основополагающей в описании и создании *обратного* перевода – поэзии Пушкина на французский язык.

Как известно, пушкинская проза к концу 1970-х годов была переведена, и вполне успешно. К этому времени Лозанское издательство «L'Age d'Homme» выпустило два тома, включающие художественную прозу и критику, подготовленные профессором Андре Менье, самым авторитетным французским пушкинистом. В отличие от прозы том лирики все задерживался и задерживался: поэзия Пушкина представляла как *непереводимая*. Е.Г. Эткинд осознал трудности лучше других: именно ему принадлежало исчерпывающее и глубокое исследование истории перевода пушкинской поэзии на французский язык. Вряд ли на земле есть еще один поэт, история перевода которого за полтора столетия на другой язык была бы описана столь квалифицированно, детально и вдохновенно, как это сумел сделать Е.Г. Эткинд. Общий вывод оказался малоутешительным: за редким исключением полноценный перевод не получался. Может быть, поэтому Андре Менье выдвинул главным принципом перевода

пушкинской поэзии – признание *необходимости потерь*. На его взгляд, ради достижения конечной цели следовало пожертвовать рифмой и строфикой. Е.Г. Эткинд с такой позицией был решительно не согласен. Действовать надо было деликатно: в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Ценой немалых организаторских усилий он сумел отыскать, сплотить и вдохновить талантливую группу двуязычных переводчиков. Напряженная работа шла несколько лет. Постоянная нелицеприятная взаимокритика, строгий самоотчет, придирчивый анализ сделанной работы (тщательный разбор потерь и находок) – такова была деловая атмосфера задуманного «мероприятия». В коллективе переводчиков было много молодых (и не только молодых); они в процессе работы учились, «вырастали» и становились истинными мастерами художественного перевода (Андре Маркович, Владимир Берелович, Жан Бессон, Вардан Чимикян, Сато Чимикян, Клод Эрну, Жан-Луи Бакес, Жан Малаплат и др.).

Бесценный многолетний опыт Е.Г. Эткинда как теоретика и практика искусства перевода – та база, которая обеспечила успех. Они все взяли для себя за основу выдвинутые учителем принципы: «1) переводить русские стихи французскими стихами; 2) воспроизводить строфическую форму пушкинских стихотворных произведений, воссоздавая по-французски строфы, использованные Пушкиным (четверостишия, октавы, терцины, онегинскую строфу и т. д.); 3) находить по-французски ритмические формы, аналогичные тем, которые Пушкин использует по-русски. Помимо размеров, имеющих традиционные соответствия (александрийский стих – шестистопный ямб), необходимо было находить, часто изобретать новые ритмы. <...> Работа над стихами Пушкина показала, что все – или почти все – трудности преодолимы и что французский стих обладает гораздо большей гибкостью, чем принято считать; он, разумеется, силлабический, но все

разнообразии тонических форм ему доступно...; 4) неизменно уважать историческое и национальное своеобразие стилей и стилизованных форм, чтобы пробуждать ассоциации, аналогичные или близкие тем, которые рождает поэзия Пушкина ...».

И вот, все вместе талантливые и вдохновленные благородной целью переводчики сумели разрушить миф о неперево­димости Пушкина и создать, скажем осторожно, *почти конгениальный* перевод пушкинской поэзии на французский язык. В 1981 году вышли два тома поэзии Пушкина во французском переводе: Pouchkine A. Oeuvres poetiques: En 2 vol. / Publ. sur la dir. d'E. Etkind; Etude préliminaire et notes d'E. Etkind. – Lausanne: L'Age d'Homme, 1981. Победа концепции Е.Г. Эткинда была существенной. Но все же не следует ее преувеличивать. Необходимо учитывать тот факт, что читательские вкусы во второй половине XX века во Франции сильно изменились, отношение к рифме поклонников поэзии существенно модифицировалось: рифма, увы! утратила во многом свое обаяние. Поэтому сторонники перевода пушкинской поэзии прозой или верлибром не перевелись по сей день. И все же критерий востребованности работает в пользу концепции Е.Г. Эткинда: *рифмованный* Пушкин раскуплен.

Однако Е.Г. Эткинд осознавал, что это только начало, что дело нуждается в продолжении: за двадцать лет во Франции появилось много новых удачных переводов, вполне достойных попасть в современное издание. Кроме того, представлялось ценным создание двуязычной антологии; чтение помещенных рядом на левой и правой странице оригинала и перевода – истинное наслаждение для двуязычных любителей поэзии. И наконец, настало время отобрать лишь лучшие достижения переводчиков, создав своеобразную

«сублимацию» стихотворных переводов пушкинской поэзии на французский язык.

Е.Г. Эткинд в последний год своей жизни успел опубликовать такую двуязычную антологию: «Л.С. Пушкин. Избранная поэзия в переводах на французский язык» (1999). Здесь все значимо: и предисловие, освещающее полутора вековую историю попыток (большой частью неудачных) перевода пушкинской поэзии на французский язык, и развернутый очерк творческих поисков его соратников-переводчиков с описанием главных проблем, связанных со строфикой, ритмом, эмоциональной настроенностью стихотворений, и исключительно содержательные примечания ученого, и – самое важное – корпус самых удачных поэтических переводов Пушкина. Впечатляющий итог стал счастливым завершением грандиозного замысла.

Таким образом, как исследователь французской традиции в поэзии Пушкина Е.Г. Эткинд после Б.В. Томашевского, без сомнения, самый авторитетный специалист, проложивший новые пути и наметивший направление дальнейших исследований в этой области (в частности, изучение поэзии стихотворцев второго ряда, французской песенной традиции, поэтических образцов массовой литературы).

Но и другая ипостась Е.Г. Эткинда, вдохновителя и организатора перевода пушкинской поэзии на французский язык, значительна и плодотворна. Культуртрегерская миссия потребовала от ученого-энтузиаста столько сил, времени, разнообразных умений и организаторских способностей, что стала истинным подвигом жизни. Страстный поклонник Пушкина, Е.Г. Эткинд сумел реализовать свою сокровенную мечту – предоставить возможность французам познакомиться со стихотворным творчеством лучшего русского поэта в *адекватном* переводе.

*Страницы лицея
им А.С. Пушкина*

Ольга Замятина
Наталья Ткаченко

**Особенности системы воспитания
гражданственности в деятельности
Музея истории Новосибирского городского
педагогического лицея имени А.С. Пушкина**

В 2016 году Педагогический лицей имени А. С. Пушкина отметит свое 25-летие. Лицей создан и работает на основе методики И. П. Иванова. Благодаря этому в лицее сформировалась уникальная воспитательная система. Ее целью является воспитание гражданина.

Гражданское воспитание понимается педагогическим коллективом лицея как систематическая и целенаправленная воспитательная деятельность по формированию у лицеистов гражданского сознания, искреннего чувства любви к своему Отечеству, готовности к выполнению своего гражданского долга.

В лицее воспитание гражданственности строится на принципах открытости; субъектной позиции учащихся; воспитания через социально значимые проекты, коллективную творческую деятельность и чередование традиционных поручений; через интеграцию усилий всех участников образовательного процесса.

В этом направлении решаются следующие задачи:

– проведение обоснованной организаторской деятельности, направленной на самореализацию личности и гражданское воспитание лицеистов;

– формирование эффективной системы саморазвития и гражданского воспитания через коллективные творческие дела (КТД) и чередующиеся творческие поручения (ЧТП);

– утверждение в сознании и чувствах лицеистов патриотических ценностей, взглядов и убеждений, воспитание уважения к прошлому России, к традиции родного края через предметное преподавание;

– развитие у лицеистов потребности в познании культурно-исторических ценностей, стимулирование творческой активности через научно-исследовательскую деятельность;

– привлечение учащихся к работе в музее НГПЛ по сохранению культурных и духовно-нравственных ценностей родного края.

Система воспитания гражданственности складывается из 5-ти составляющих:

- военно-патриотическое воспитание;
- историко-краеведческая работа;
- формирование интереса к педагогической деятельности;
- лицейское самоуправление;
- Пушкиниана.

Важное место в гражданском воспитании лицеистов принадлежит музею. Музейная деятельность в школе относится к системе дополнительного образования. Она социально востребована как органично сочетающая в себе воспитание, обучение и развитие личности ребенка.

Сегодня дополнительное образование детей по праву рассматривается как важнейшая составляющая образовательного пространства, сложившегося в современном российском обществе. В Концепции модернизации российского образования подчеркнута важнейшая роль учреждений дополнительного образования детей как одного из определяющих

факторов развития склонностей, способностей и интересов, социального самоопределения детей и молодежи.

В музее НГПЛ эффективно внедряются социально-педагогические модели деятельности и образа жизни, поскольку традиции, стиль и методы его работы максимально учитывают особенности воспитательной системы НГПЛ.

В настоящее время наш музей состоит из двух залов: Зал истории лица и Пушкинский зал. Задачами деятельности музея НГПЛ являются:

- обеспечение духовного роста учащихся,
- осознание самоценности личности,
- помощь в выборе профессии,
- накопление лицеистами опыта гражданского поведения.

Все эти задачи как нельзя лучше осуществляются в процессе той работы, которую наш музей ведет по сохранению памяти о Великой Отечественной войне.

Помимо традиционных форм: торжественной линейки, тематических выставок, экскурсий, возложения цветов к Монументу Славы, встреч с ветеранами Великой Отечественной войны и воинами-интернационалистами используются и формы, обусловленные развитием новых технологий музейной деятельности, такие как виртуальные экскурсии по улицам Новосибирска, которые названы в честь защитников Отечества, по городам-героям, и создание видеофильмов.

Начинается эта работа в нашем музее с изучения лицеистами истории своей семьи. Уже в начальных классах, при проведении урока музейной педагогики или тематического классного часа мы говорим с ребятами о том, что в их семьях, возможно, хранятся самые настоящие музейные экспонаты, связанные с историей не только семьи, но и всей страны. Как и во многих школах, наши лицеисты получают задание записать воспоминания по истории семьи, связанные с

участием родственников в Великой Отечественной войне и горячих точках.

В рамках подготовки ко Дню Победы на уроках истории и классных часах лицеисты, рассказывая об участии родственников в боевых действиях, нередко используют компьютерные презентации с фронтовыми фотографиями, наградными документами. Это натолкнуло нас на мысль о создании виртуальной экскурсии по документам военных лет, где ребята могут рассмотреть письма с фронта – знаменитые «треугольники», письма на фронт, «похоронки», почетные грамоты, наградные удостоверения и сами награды.

В 5–7 классах от простого рассказа о жизни родственника, который ребенок передает так, как услышал его от бабушек и дедушек, мы переходим к созданию исторических портретов. Здесь требуется не просто пересказать биографию, но переработать биографический материал и попытаться определить характер, взгляды, мотивы поведения прабабушки или прадедушки, свое отношение к их жизни, их подвигу в годы войны.

Фотографии и исторические портреты родственников – ветеранов войны перед Днем Победы оформляются в выставки, размещенные по всему лицезу, благодаря чему с ними может познакомиться каждый лицеист.

В 8–9 классах лицеисты в рамках занятий по музейной педагогике пишут уже более серьезную работу по истории семьи. Это может быть:

1) рассказ об одном из родственников («Военное детство моего деда», «Моя прабабушка – ветеран войны»);

2) тематическое изучение жизни нескольких родственников («Жизнь семьи Аношкиных в годы Великой Отечественной войны»);

3) анализ одного источника или группы источников («История одной фотографии», «О чем рассказал военный билет прадеда»).

Для создания такой работы уже недостаточно только воспоминаний родных, ребята проводят настоящее исследование, которое включает в себя:

- поиск и анализ письменных документальных источников (грамот, наградных документов, трудовых книжек и военных билетов);

- анализ хранящихся в семье фотодокументов;

- работу с письменными источниками личного характера (дневники, письма, мемуары);

- работу с картографическими источниками.

В 10–11 классах работа над исследованием по истории семьи в годы войны продолжается с использованием специальной научной литературы, экспонатов музеев и неопубликованных материалов архивов.

Одним из итогов целенаправленной работы по истории семьи стало проведение в лицее конкурса исследовательских работ «Мой родственник – герой», который проходит в лицее вот уже 3 года. В этом году конкурс приобрел статус городского, и лицей приглашает школы города к участию.

Активная работа по патриотическому воспитанию стала причиной того, что именно педагогическому лицее было доверено открывать «Вахту памяти» у памятника поэту-фронтовику Б. Богаткову, где лицеисты выступили с литературно-музыкальной композицией «Новосибирск – город героев».

Особенность воспитательной системы лицея – тесное взаимодействие всех ее звеньев. Так музей, являясь «эпицентром» военно-патриотической работы, помогает классным коллективам в поиске материалов, связывает воедино работу

в этом направлении кружков и студий лицея: на общих сборах лицеистов, посвященных Дню Победы и Дню Защитника Отечества, можно увидеть спектакли по военной тематике нашей театральной студии, танцевальные программы студии «Сибиряне», услышать песни военных лет в исполнении вокальной и гитарной студий.

Важное место в работе музея мы отводим изучению истории родного города и края, ведь очень важную роль в становлении гражданственности играет воспитание любви к малой Родине.

Эта работа начинается с проведения экскурсий по улицам Новосибирска и создания виртуальные экскурсии, таких как «Архитектура Новониколаевска», «Здания А.Д. Крячкова», «Улицы расскажут нам». Некоторые экскурсии перерастают в серьезные исследования. Так экскурсия «Театры Новосибирска» привела к созданию таких исследовательских работ, как «Репертуарная политика Театра Музыкальной комедии», «Система работы со зрителем в Новосибирском Театре Оперы и Балета» (лауреат городской научно-практической конференции), «Создание сибирского ТЮЗа» (дипломант международной конференции в Санкт-Петербурге).

После знакомства с храмовой архитектурой города появились исследования по истории собора Александра Невского, Вознесенской церкви и часовни во имя Святителя и Чудотворца Николая.

Названия улиц, мемориальные доски, памятники на улицах и площадях родного города – все может послужить отправной точкой ученических исследований, благодаря которым лицеисты узнают о людях, превративших маленький безуездный городок в промышленную, научную, культурную столицу Сибири.

Еще одна форма краеведческой работы – взаимодействие с музеями города. Конечно, лицеисты бывают во многих

музеях, однако есть группа музеев, например Музей истории Октябрьского района, Музей гарнизонного Дома офицеров, Музей Кондратюка (ныне Музей города Новосибирска), Археологический музей Педагогического университета, которые мы посещаем регулярно.

Материалы из Музеев Дома актера, Консерватории и Художественного музея легли в основу подготовленного 11-классниками интегрированного урока «Культура Новосибирска в годы Великой Отечественной войны», который был представлен на XII Международной конференции «Инновационные ресурсы развития современного урока» (2009 г).

Достаточно давно возникла мысль о создании отдельного сайта для размещения исследований по истории края. Сначала мы попробовали создать мини-сайт. В 2007/2008 учебном году учебный сайт о руководителе Новосибирской области в годы войны М.В. Кулагине получил Диплом второй степени на Всероссийском конкурсе. В настоящее время создан и работает сайт «История Сибири».

В результате музейной деятельности по изучению истории семьи, истории и культуры края у ребят формируется гражданская позиция, понимание той огромной роли, которую сыграли в истории всего мира наша страна, наш край, каждая семья.

Особенностью работы музея НГПЛ является интеграция с деятельностью Музея истории развития образования НСО, т.к. мы целенаправленно формируем у учащихся интерес к профессии педагога. Именно этому посвящен абонемент виртуальных экскурсий и лекций «Новосибирские педагоги», рассказывающий о жизненном пути тех сибиряков, которые стали широко известны в стране, таких, как один из создателей знаменитой «липецкой педагогики» Сталь Анатольевич Шмаков. Из презентации ребята узнают, что имя

С.А. Шмакова по праву стоит в одном ряду с именами выдающихся русских и мировых педагогов-новаторов, что именно С.А. Шмаковым были разработаны проект и концепция Всероссийского пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Орленок».

Интерес ребят всегда вызывает рассказ об Александре Александровиче Католикове, которому в г. Сыктывкаре поставлен памятник. Его деятельность началась в Новосибирске, затем он стал директором Сыктывкарской агрошколы-интерната для детей-сирот. Агрошкола-интернат приобрела широкую известность в России, за рубежом, благодаря тому, что в ее воспитательной системе были соединены коллективизм, самоуправление, игры, творчество.

Обязательно рассказываем лицеистам и о новосибирских педагогах, которых помнят в нашем городе – Ксении Ивановне Воронцовой, Людмиле Глебовне Борисовой.

О Людмиле Глебовне Борисовой, основателе лицея, в нашем музее собрано много экспонатов, однако далеко не все мы можем выставлять постоянно и их виртуальное предъявление – это действительно экскурсия на «выставку» этих материалов.

К.И. Воронцова в 17 лет начала свою трудовую деятельность, работая учителем начальных классов. И проработала в этой должности 50 долгих лет. Её уроки посещали нарком просвещения, делегации российских и зарубежных педагогов, ею созданы учебники для первоклассников. Ксения Ивановна награждена за свой самоотверженный труд двумя орденами Ленина. В 1948 году ей одной из первых в городе было присвоено звание заслуженного учителя школы РСФСР. И неслучайно правнучка К. И. Воронцовой, выпускница нашего лицея Екатерина Мокроусова стала учителем и достойно продолжает учительскую династию.

В музее собраны материалы о выпускниках лицея, которые связали свою жизнь с педагогической деятельностью. В на-

стоящее время 15 % педагогов лицея – наши выпускники. Педагогическому лицезу еще нет 25 лет, а его выпускники уже пополнили ряды профессорско-преподавательского состава ВУЗов города и Сибири. Так в педагогическом университете работают кандидат педагогических наук Е. Лейбова, ст. преп. А. Воронина, ст. преп. Е. Козлов, к.б.н., доцент А. Лебедев, к.ф.н., доцент А. Козлов, ст. преп. Э. Валль, в аграрном университете – к. и. н. Е. Петрова, к. философ. н. С. Чудинов; в СИБГУТИ – А. Лебедев; в институте истории в Академгородке к. философ. н. С. Иванова и другие.

Важную роль в становлении гражданской позиции, как нам кажется, призвано сыграть ученическое самоуправление. В лицезе существует система ЧТП – чередующихся творческих поручений, в которой принимают участие все лицеисты, начиная с 5 класса. Одно из ЧТП так и называется – Музей.

Выполняя задания этого ЧТП, лицеисты ведут поисковую работу, оформляют выставки, ведут документацию, разрабатывают и проводят виртуальные и обычные экскурсии, готовят общие сборы. Руководит этой работой ученический Совет музея, в состав которого входят представители всех классов. Совет музея, наряду с Советом Дежурных командиров, Советами дел и Общим сбором является составной частью системы ученического самоуправления. Деятельность в Совете музея позволяет ребятам получить опыт работы в команде, попробовать себя в разных ролях: экскурсовода, оформителя, архивариуса, управленца. У Совета Музея существует своя традиция: раз в два года при избрании нового председателя происходит передача символического ключа от музея. Вся эта деятельность способствует сохранению и развитию лицезских традиций и формированию у лицеистов чувства гражданской ответственности.

На гражданское становление обучающихся оказывает влияние и второй зал музея – пушкинский. Он был создан

в 2007 году, через год после присвоения лицейю имени А.С. Пушкина, стараниями учителя русского языка и литературы Т.И.Малковой.

В Пушкинском зале проходят поэтические гостиные, музыкальные вечера, встречи с интересными людьми. Традиционными стали встречи с поэтами: Зайцевым И. С., Липчанским В. Е., Ключниковым Ю.М., членом регионального Пушкинского общества Крыжановским В.Е. и председателем этого общества Трухиной Н.П. В течение этих лет ведется переписка с музеями учебных учреждений, носящих имя А.С. Пушкина в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде.

Благодаря связям с музеем-квартирой А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге (наб. р. Мойки, 12) в нашем музее появились редкие экспонаты: посмертная маска А.С. Пушкина, копия дуэльного пистолета, рукописи и черновики великого поэта. Мы бережно храним книги с дарственной надписью потомков Пушкина – праправнучки Ю.Г. Пушкиной, землю с могилы А.С. Пушкина, старинные книги, иконы, предметы быта XIX века. Абонемент виртуальных экскурсий «Пушкиниана» посвящен пушкинским местам:

1. Пушкинский лицей.
2. Михайловское.
3. Болдино.
4. Мойка, 12.

Эти виртуальные экскурсии очень удобны, когда посещение территориально отдаленных музеев невозможно для всех учащихся, а благодаря такой экскурсии они «побывают», например, в Болдино, в Михайловском и в других местах, связанных с именем поэта.

Виртуальные путешествия дают возможность «увидеть» внешний вид самого дома, где жил поэт, «обойти» вокруг

него, «рассмотреть» то, что его окружает, «зайти» внутрь, «пройтись» по комнатам, ощутить себя так, как если бы Вы действительно побывали в этом музее.

Ключевыми событиями лицейской Пушкинианы являются День рождения Пушкина, День его памяти и Пушкинский бал. Подготовка и проведение этих КТД – огромная работа. И значительную её часть выполняет музей. Это и виртуальные путешествия по Пушкинским местам, и экскурсии в музей истории лица, рассказывающие для новичков о том, как проходит бал, и посещение Пушкинского зала.

С 1991 года в лицее проводится коллективное творческое дело «Пушкинский бал» как особая форма воспитания уважения к традициям «золотого века» русской культуры. Пушкинский бал – это сюжетно-ролевая игра, в процессе которой происходит интеграция трех видов деятельности – учебной, трудовой и досуговой. Целью проведения этого КТД является создание условий для реализации творческих и познавательных способностей лицеистов в условиях единого образовательного пространства. Задачи бала: интегрировать учебные предметы различных направлений и дополнительное образование; накапливать опыт и развивать различные виды совместной деятельности детей и взрослых; осваивать культурные ценности через погружение в эпоху.

Проведению Пушкинского бала предшествует целенаправленная творческо-поисковая работа. Сформированный Совет дела из представителей учащихся всех классов, учителей, педагогов дополнительного образования, руководителей музея обосновывают игровой замысел, продумывают познавательное, интересное содержание, распределяют роли, устанавливают правила и соотносят оформление игрового пространства с условиями игры.

Во время подготовки к балу учащиеся готовят салоны, например: «Наука и техника в пушкинскую эпоху», «Дворянская усадьба XIX века», «... Просвещения дух», «Герои войны 1812 года», «Пиковая дама», «Я Вас любил» и другие. Особое внимание уделяется бальному этикету, проводится Конкурс Натали, пользующийся большой популярностью и конкурс танцевальных пар.

Каждый год игровая ситуация меняется. В разные годы в лицее проходили «Бал литературных героев», «Бал в честь окончания Отечественной войны 1812 года», «Бал у Энгельгарда». С «Бала у Зинаиды Волконской» уезжала в Сибирь Мария Волконская к мужу-декабристу, на бале 1–4 классов «Что за прелесть эти сказки» Руслан сражался с огромной Головой, на бале-маскараде все присутствующие блистали не только нарядами в стиле XIX века, но и самыми разнообразными масками. Бал в 2011 году в честь двухсотлетия Царскосельского лицея и 20-летия НГПЛ «Лицея день заветный» состоялся в Белом зале ККК имени Маяковского. Обстановка Белого зала позволила погрузить присутствующих в атмосферу праздника, состоявшегося 200 лет назад в Екатерининском дворце.

Три раза наш лицей возглавлял работу Совета дела по проведению городских пушкинских балов для учащихся 10–11 классов Ассоциации лицеев и гимназий.

Среди форм деятельности по изучению творчества А.С. Пушкина в лицее наиболее ярко представлены литературные гостиные, тематические лектории, конкурсы юных поэтов и чтецов лирики поэта, конкурсы творческих и исследовательских работ. Ежегодно лицеисты выезжают в Санкт-Петербург.

Погружение в Пушкинскую эпоху позволяет лицеистам ощутить сопричастность к культурным традициям России,

к ее истории. Для коллектива НГПЛ такое погружение – это творческий метод освоения национальных и мировых духовных ценностей пушкинской эпохи, особая форма воспитания у лицеистов уважения к историческому и культурному прошлому России.

Мы постарались показать вам особенности системы формирования гражданственности в нашем лицее и роль музея в этом процессе. Вся эта деятельность направлена на то, чтобы жизненным кредо лицеистов стал девиз пушкинского выпуска Царскосельского лицея – «Для общей пользы жить».

*Документы
Пушкинского
общества*

Нэля Трухина

*«Пока в России Пушкин длится,
метелям не задуть свечу»*

Д.Самойлов

10-летие Новосибирского регионального Пушкинского общества

У России есть Пушкин. Есть Пушкин у народов Земли. Около 500 памятников великому поэту и более 750 знаков на всех материках, кроме необитаемой Антарктиды, – яркое тому свидетельство.

4 июня 2014 года исполнилось 10 лет Новосибирскому региональному Пушкинскому обществу. Еще с 1999 года, т.е. с 200-летия Пушкина, в НГАВТ (академия водного транспорта) витала идея об установке памятника поэту в Новосибирске. Была создана инициативная группа из ветеранов. Идея была горячо поддержана творческой интеллигенцией города, губернатором В.А. Толоконским, и накануне 204-ой годовщины со дня рождения Александра Сергеевича родилось Пушкинское общество в Новосибирске под председательством Кузьменкова Олега Петровича, доцента НГАВТ. Основной состав НРПО – студенты и преподаватели НГАВТ, новосибирцы – поклонники Пушкинского таланта и жители других городов бывшего СССР (Омск, Москва, Калининград, Кинешма, Барабиджан, Комсомольск-на-Амуре, Харьков, Ленинградская область, С-Петербург, Братск и др. География связей постепенно расширяется: Италия, Франция, Германия, США, Израиль, Австралия, Китай, Япония, Армения.

Состав НРПО меняется и количественно, и качественно: 2004–2009 гг. – студенты и преподаватели НГАВТ и творческая

интеллигенция города, в 2009–2014 гг., в связи со сменой помещения для заседаний общества и изменением графика его работы, члены Пушкинского общества из НГАВТ перестают посещать ежемесячные заседания (ранее они были 2–3 раза в год), но приходят люди пожилого возраста – пенсионеры, для которых Пушкин – символ высокой духовности и активной жизни. Многие из «жертв домашнего насилия» стали людьми свободными, с активной жизненной позицией. Иначе и быть не могло: ведь они сумели подняться над серостью бытия, разогнуть спины и колени и понести знания о Пушкине в школы, ВУЗы, библиотеки, ТОСЫ, ТСЖ, ДК и клубы по интересам, в госпитали и Дома ветеранов. Пушкин соединил нас со многими творческими организациями города и области (камерный хор филармонии, фонд Высоцкого, «Дети войны», «Молодость», «Творческий альянс», «Русское слово», казачество и, конечно, Центр истории новосибирской книги, наш постоянный и надежный партнер. Благодаря Пушкину, у нас завязались тесные связи с Михайловским, Болдино, Набережной Мойки 12, Государственным музеем Пушкина в Москве, с обществом «Друзья Пушкина в Париже», с Ереванской школой № 8 им. Пушкина в Армении. Надеемся, что дальнейшая работа допишет многие страницы творческого сотрудничества пушкинистов.

Постепенно происходит рост рядов новосибирских пушкинистов. Возраст их от 9 до 100 лет. Общество молодеет, вливаются мужчины разного возраста и профессий, одаренные и музыкально, и поэтически. Только за период с 2009 по 2014 гг. гостями салона «Под сенью Пушкина» были более 500 человек. Существовавший с 1999 года домашний «Салон на Советской» (хозяйка салона Овчинникова Вера Григорьевна) через 10 лет передал своих посетителей Пушкинскому обществу, и так влилась просветительская струя в фонтан любви к Пушкину. Первоначально перед НРПО стояли две задачи:

1. Установка памятника Пушкину в Новосибирске.

2. Издание Пушкинского альманаха.

Во 2-ом пятилетии просветительская деятельность стала определяющей в работе салона «Под сенью Пушкина», «круглые столы» стали, в основном, формой проведения заседаний НРПО в Центре истории новосибирской книги (ул. Ленина, 32) каждую 3-ю субботу месяца в 14.00 часов. Споры, баталии, творческие дуэли не утихают в субботние встречи. Темы объявляются заранее, и двери салона открыты для всех желающих. Вот они:

1. «К привычкам бытия вновь чувствую любовь» (о гастрономических пристрастиях Пушкина).

2. «Слышали ль Вы»? (к 180-летию выхода в свет романа в стихах «Евгений Онегин»).

3. Мог ли Пушкин в конце января 1837 г. сказать: «Я женат и счастлив?».

4. Пушкин и Маяковский – поэты-новаторы.

5. Предтечи и соратники (о старших друзьях и соратниках Пушкина по поэтическому цеху).

6. «Что за прелесть эти сказки!» (Болдино, 1931–1934 гг.).

7. Тайна пушкинского стиха (с участием мэра наукограда Кольцово, поэта Николая Красникова).

8. Роль женщин в жизни и творчестве Пушкина и Лермонтова.

9. «Я с Пушкиным отнюдь не соревнуюсь» (смотр поэтических талантов в НРПО).

10. «Вспомним всех поименно» (к 10-летию НРПО).

11. «Люблю Отчизну я, но странною любовью» (200-летие М.Ю.Лермонтова).

Широко отмечались знаковые события в истории России: Отечественная война 1812 года, 700-летие Сергея Радонежского, 60 и 65-летия Победы в Великой Отечественной

войне, Первая мировая война. Пушкинский день России (день рождения поэта 6 июня).

Все эти события отмечались и на заседаниях общества и в Пушкинских альманахах (вышло 19 номеров, с 8-го номера редактор В.Е.Крыжановский). Дважды, перед заседаниями служителем РПЦ Валерианом Давыдовым, проводился молебен в день рождения поэта 6 июня и панихида 10 февраля в день его смерти. Отец Валериан – иерей РПЦ в приходе Серафима Саровского. А 11-ый сезон в салоне «Под сенью Пушкина» начался выступлением протоиерея РПЦ отца Бориса Пивоварова, доктора богословия.

Много интересных людей побывало на заседаниях Пушкинского общества в салоне: военный историк Фабрика Ю.А., заслуженная артистка России Никифорова И.В., факелоносец Олимпийского огня в Новосибирске 102-летний Каптаренко А.А., писатель Тучин Б.И., русская певица Ольга Кулагина, 22 года живущая во Франции как посланец русской культуры и ее пропагандист. О работе над фильмом В.Мотыля «Звезда пленительного счастья» вдохновенно поведал нам исполнитель роли Пушкина В.Крыжановский (редактор альманаха и руководитель музея Пушкина в педагогическом лицее им. Пушкина).

Прекрасной страницей в истории НРПО стало творческое сотрудничество с камерным хором филармонии под руководством народного артиста России И.В.Юдина.

Пушкинский День России 6 июня – ежегодный сияющий праздник в Новосибирске – плод нашего сотрудничества. Игорь Юдин, пожалуй, самый отважный, преданнейший рыцарь Пушкина в Новосибирске. В шеренге верных друзей поэта и его почитателей стоят Евдасин В.М., Болтунов В.С., Чернышев А.А., Липчанский В.Е., Шапошников А.А., Иванов Р.Е, Ключников Ю.М., Западская Т.Е, Трофимова Т.Я. и др.

Предметом нашей заботы и любви являются дети. Они наша надежда и наше будущее. Девятилетним пришел в Пушкинское общество Матвей Александров, мальчик с идеалами и чистыми помыслами, с Пушкиным в душе. Его выступления в салоне поражают зрелостью мысли и остротой суждений. Поэт Виктор Липчанский, победитель областного конкурса чтецов, беззаветно преданный Пушкину, открыл в родном для него поселке «Восход» детскую студию чтеца «Муза» для сельских ребятишек, где они не только учатся искусству чтеца, но и проникаются красотой поэтического слова, погружаются в мир Пушкина и русской поэзии, почитают своего наставника как поэта и как человека. Их совместные выступления по радио в «Открытом микрофоре» свидетельствуют, что любовь юных чтецов и известного поэта взаимна.

10 лет нашими юными друзьями, единомышленниками и соратниками являются лицеисты Новосибирского городского педагогического лицея имени Пушкина. С коллективом педлицея мы создавали музей Пушкина (1-й руководитель Малкова Т.И.), наслаждались творчеством гения, открывая все новые грани пушкинского таланта. Пушкинский театр и пушкинские балы в лицейскую годовщину 19 октября, установка бюста поэта в школьном дворе, высадка липовой аллеи в 20-летнюю годовщину лицея – вот романтические традиции, соединившие младшее и старшее поколения пушкинистов Новосибирска.

Сегодня на наших глазах рождается прочный союз поколений, основанный на сочетании благородства, просветительства, высокого чувства благодарности с уверенностью, что Русь – матушка не погибнет, ее национальная гордость и культура не исчезнут с лица Земли, так как старшее и молодое поколение протянули руки навстречу друг другу с благодарностью и пониманием.

Перечень иллюстраций на обложке
и вклейках

1-я стр. обложки: Памятник Пушкину в Днепропетровске.
Скульптор И.Я. Гинцбург.

4-я стр. обложки: Театр оперы и балета г. Новосибирска.

Фронтиспис: Пушкин. Худ. Н.А. Павлов.

Содержание

70 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Римма Запесоцкая

Освенцим 4

Лариса Волкова

«Сибиряки в огне войны» 5

ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

Илья Кузнецов

Русская литература и национальная идентичность 34

СИБИРСКИЙ ПАРНАС

Елизавета Стюарт

«Я верю, люди: вы вернётесь...» 42

«Воображение...» 42

В поезде 43

«Я видела сегодня странный сон...» 44

«Художники оригинальность...» 45

«Ку-ка-ре-ку» он приравнял к стиху...» 45

«Обидел враг...» 45

«Я не боюсь, что в преисподней черти...» 46

Память 47

Золушки сороковых годов 48

«Ещё ничто не предвещало...» 49

Одолень-трава 50

«На кладбище заброшенном татарском...» 51

«Твои слова огню я предала...» 51

Леший 52

«Имеющий уши – да слышит...» 53

Осенний шиповник 54

«Казалось бы...» 54

«Ни чинов, ни богатства, ни славы...» 55

ПУШКИН И МЫ

А.С. Пушкин

Стансы 58

Совет	59
<i>Феликс Кичатов</i>	
О первом русском переводе «Крымских сонетов» А. Мицкевича.....	60
<i>Владимир Ястребов</i>	
О нет, недаром жизнь и лира	69
Мне были вверены судьбой!	69
Поэзия, как ангел-утешитель, спасла меня; и я воскрес душой	80
<i>Виктор Липчанский</i>	
Чем больше я живу на свете, тем больше Пушкина люблю	93
<i>НАШИ ЮБИЛЯРЫ. 85-ЛЕТИЮ АНАТОЛИЯ ЧЕРНЫШЁВА</i>	
Поэзия без грима.....	110
Галактики.....	111
«Есть топ-модель, топ-менеджер...»	112
Лихие омота.....	113
Маски	113
«Что коммунизм...»	115
«Ломались судьбы...».....	116
«Человек малюет на мансарде...»	117
Живые лики	117
<i>ПОЭТИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ</i>	
<i>Марианна Майская</i>	
Девчонки–солдаты	120
Великое милосердие	121
Вальс о девчонках солдатах	122
Дитя войны	123
Как просто русским называться	124
<i>Борис Тучин</i>	
Десятая глава.....	126
Эхо весны	128
Питомцы пушкинской поры	129

ПУШКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЭСТОНИИ

Ольга Савкина

К 10-летию Пушкинского общества в Эстонии 132

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ПУШКИНИАНЫ

Л. Б. Модзалевский

Пушкин – член российской академии..... 138

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ПУШКИНИАНА

Александр Гдалин, Маргарита Иванова

Памятник культуры – памятник истории 146

ГОСТЬ ПУШКИНСКОГО АЛЬМАНАХА

Геннадий Самошин

Александр Покрышкин 154

ЗАРУБЕЖНАЯ ПУШКИНИАНА

Лариса Вольперт

Е. Г. Эткинд – исследователь французского Пушкина* 163

СТРАНИЦЫ ЛИЦЕЯ ИМ А.С. ПУШКИНА

Ольга Замятина Наталья Ткаченко

Особенности системы воспитания гражданственности в
деятельности Музея истории Новосибирского городского
педагогического лицея имени А.С. Пушкина 180

ДОКУМЕНТЫ ПУШКИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Нэля Трухина

10-летие Новосибирского регионального Пушкинского
общества 194

Перечень иллюстраций на обложке и вклейках 199

Литературно-художественное издание

Пушкинский альманах, выпуск 20

Редактор – Крыжановский В.Е., email: vek-nsk@mail.ru
Компьютерная верстка – Логуновой Н.Н.

Подписано в печать 21.04.2015 с оригинал-макета
Бумага офсетная № 1, формат 60 × 84 1/16, печать
Усл. печ. л. 11,8, тираж 100 экз., заказ №